ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ

№ 3 (111) 2015

аБАЖУР

ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

АБ'ЕКТЫЎна: Новы старшыня БАЖ і трывалая каманда 18

Працэс пайшоў 2
«Крымнаш» і ў нас адначасова раскалоў і аб'яднаў грамадства.

Прэзідэнцкая кампанія ў Польшчы. Нататкі чалавека без права голасу 10
Галоўная бітва разгарнулася ў медыях: газета і часопіс сталіся ўлёткамі, што заўсёды побач, а тэлевізары — білбордамі, усталяванымі ў кожным доме.

Ніколі не здавайцеся 20
Былыя супрацоўнікі газеты «Белорусы и рынок» запусцілі свой уласны інтэрнэт-рэсурс.

спыніць ціск на журналістаў-фрылансераў!

Беларуская асацыяцыя журналістаў выступіла з заявай у сувязі з узмацненнем ціску на журналістаў-фрылансераў напярэдадні выбараў прэзідэнта Рэспублікі Беларусь.

Міліцыя і суды насуперак Закону «Аб СМІ» пашыраюць абавязак атрымання акрэдытацыі ў МЗС на журналістаў-фрылансераў, якія не з’яўляюцца штатнымі супрацоўнікамі замежных СМІ. А затым неабгрунтавана прыраўноўваюць дзейнасць без акрэдытацыі да парушэння парадку вырабу і распаўсюду прадукцыі СМІ (ч. 2 арт. 22.9. Кодэкса аб адміністрацыйных правапарушэннях). Аднак прадукцыю СМІ вырабляюць не журналісты, а рэдакцыі, і распаўсюджваюць яе не журналісты, а распаўсюднікі СМІ. Зыходзячы з пададзеных у Законе «Аб СМІ» дэфініцый, журналіст не з’яўляецца суб’ектам вырабу прадукцыі СМІ, гэтаксама як і яе распаўсюду. Адпаведна, яго нельга прыцягнуць да адказнасці за парушэнне парадку ажыццяўлення гэтай дзейнасці.

Больш за тое — прыцягненне да адказнасці журналістаў--фрылансераў за супрацоўніцтва з замежнымі СМІ без акрэдытацыі парушае Канстытуцыю і міжнародна-прававыя абавязальніцтвы Рэспублікі Беларусь.

Між тым, адзначана ў заяве, з пачатку 2015 года суды ўжо амаль тры дзясяткі разоў штрафавалі журналістаў-фрылансераў. Ва ўсіх выпадках прыцягнення журналістаў да адказнасці падставай для гэтага быў не «супрацьпраўны» змест матэрыялаў, а сам факт іх з’яўлення ў замежных СМІ.

У сённяшнім глабальным свеце пераслед журналістаў за з’яўленне іх матэрыялаў у замежных СМІ парушае не толькі канстытуцыйныя і прафесійныя правы журналістаў, але і права ўсіх грамадзян на атрыманне і распаўсюд інфармацыі.

Напярэдадні выбараў прэзідэнта Рэспублікі Беларусь узмацненне ціску на журналістаў стварае вельмі неспрыяльны фон для выбарчай кампаніі і ставіць пад сумнеў свабоду яе асвятлення ў СМІ.

ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў» заклікала суды, кіраўніцтва сілавых структураў не парушаць Канстытуцыю і міжнародна-прававыя дамовы Рэспублікі Беларусь, не дапускаць пашыральнага тлумачэння актаў айчыннага заканадаўства і спыніць пераслед журналістаў-фрылансераў.

абажур
ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

Выдавец: ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
Перыядычнасць: 1 раз у 3 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
№ 3 (111) 2015 г.

Галоўны рэдактар
Уладзімір Барысавіч Дзюба

Фота на вокладках —
Аляксандр Зянкоў,
Юлія Катаржынская

Выданне зарэгістравана ў Міністэрстве інфармацыі Рэспублікі Беларусь, рэгістрацыйны № 833 ад 04.12.2009 г.

Падпісана да друку 20.07.2015 г.
Дата выхаду 31.07.2015 г.
Фармат 60х84/8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк.
Наклад 500 асобнікаў.
Заказ № _________
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
вул. Камсамольская, 7–32.
Тэл./факс: (017) 203-63-66,
(029) 126-70-98
E-mail: abajur@baj.by,
baj@baj.by
Сайт: www.baj.by

Друкарня ТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП № 02330/0552782 ад 01.10.2010 г.
Адрас: 220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41,
(029) 623-74-10
medisont@gmail.com
www.medisont.com

Працэс пайшоў 2
С. Нікалюк

Расія выходзіць з інтэрнэту? 5
М. Ганапольскі5

Благі мір на літоўскім тэлебачанні 7
Д. Шэрлат

Прэзідэнцкая кампанія ў Польшчы. Нататкі чалавека без права голасу 10
З. Ягораў

Прэс-сакратар Бундэстага Эрнст Хэбекер: *«Калі мой тэлефон перастае званіць, я баюся, што ён сапсаваўся»* 13

АБ’ЕКТЫЎна 18

Ніколі не здавайцеся! 20
І. Крыловіч

Фэйсбук прапануе СМІ альянс: «хочацца, ды не даскочыцца» 23
К. Гагіцыдзэ

Крызафілія: наменклатурны парадокс 24
Л. Заіка

Запарожжа на тле вайны 27
Н. Выгоўская

Даклад Нямцова 32

Пра параною, альбо Чаму вярблюд гарбаты 34
У. Гуткоўскі

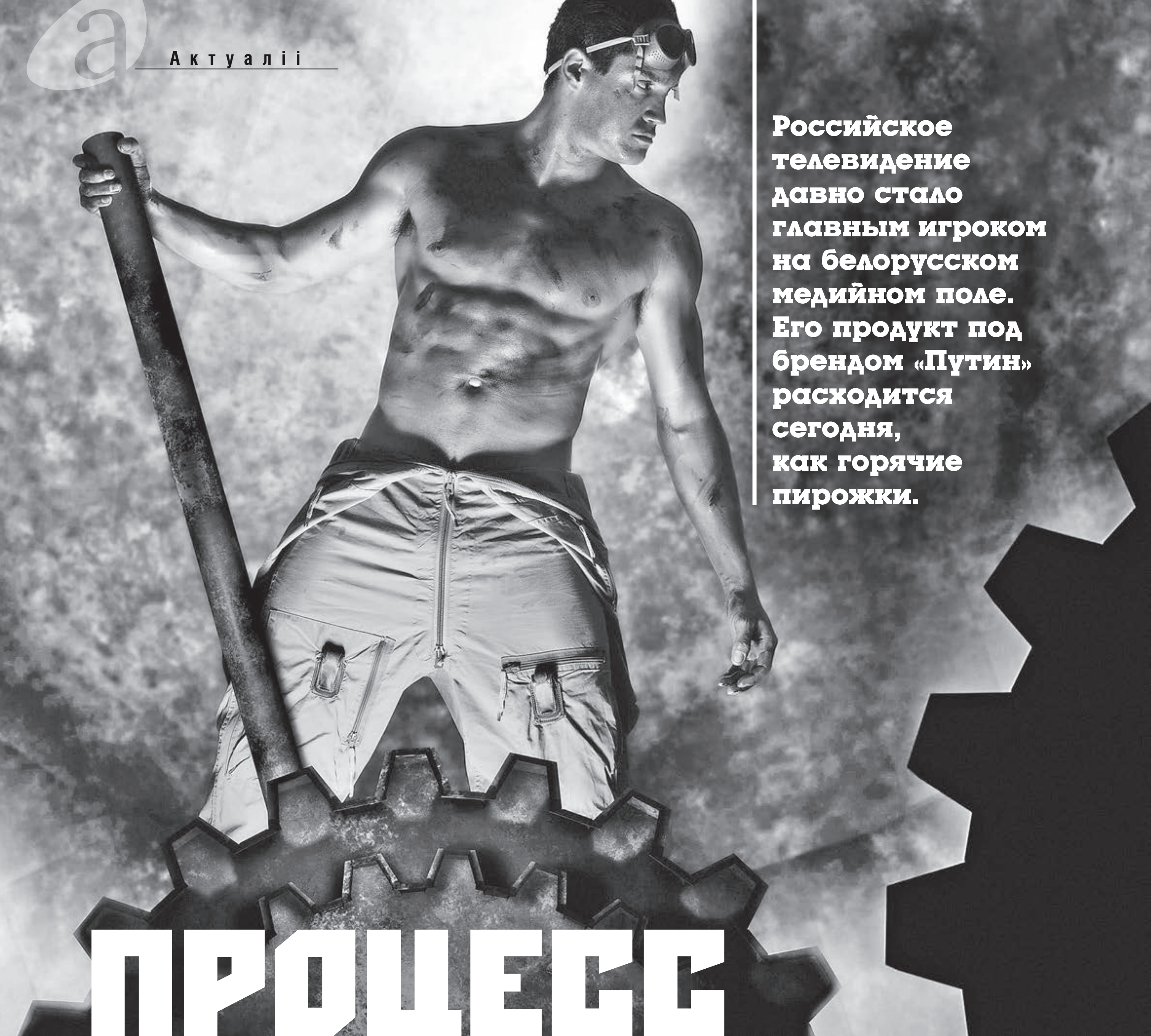
Генадзь Бураўкін: *«Да тых, хто застаецца, у мяне адна вялікая просьба: берагчы Беларусь»* 39
С. Шапран

Беларуская лацінка і медыі 47
Н. Мацяш

Раіса Міхайлоўская: *«Журналісты не ведаюць, што ў мяне шмат дэтэктываў»* 50
М. Бяляцкая

Журналісцкае расследаванне: інфармацыйная нагода, небяспекі інфармацыйнай нагоды 54
А. Гуляеў

Там, дзе вытокі Грыўды, мы не зазналі крыўды 59
А. Белы

Российское телевидение давно стало главным игроком на белорусском медийном поле. Его продукт под брендом «Путин» расходится сегодня, как горячие пирожки.

ПРОЦЕСС ПОШЕЛ...

Сергей НИКОЛЮК

Начну с информации, позаимствованной из интернета: «Жительница Кирова жестоко расправилась со своим мужем из-за того, что он не давал ей смотреть новости. После очередной попытки супруга отобрать пульт от телевизора, женщина схватила нож и несколько раз ударила мужчину».

Естественно, оба супруга были пьяны. Но семейная ссора со смертельным исходом из-за просмотра новостей — это и для России перебор. Но о какой России идет речь — до «Крымнаша!» или после? Дата новости — 6 ноября 2014 г., т. е. после.

По данным Левада-Центра, деятельность Владимира Путина на посту президента в июне одобряло 89 % россиян. Казалось бы, степень единения нации превысила все мыслимые пределы. Так почему же тогда «битва за пульт при Panasonic» завершилась полным поражением одной из сторон?

Мирные люди в кольце врагов

Но мы живем не в России, а в Беларуси. Тем не менее «Крымнаш» и у нас одновременно сплотил и расколол общество. Любая мобилизация, кто бы и с какой целью ее ни проводил, порождает два эффекта: *поляризацию*

(размежевание позиций, склонностей) и *персонализацию* (ориентация на личности политических лидеров).

Кремлевские инициаторы крымской авантюры, разворачивая ее пропагандистское прикрытие, разумеется, о существовании соучредителя Союзного государства не вспоминали. Подобная деятельность всегда осуществляется в реактивном режиме, что называется, «с колес».

Таблица 1. Есть ли враги у нашего народа, у нашей страны? (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	Россия*		Беларусь**
	12'89	03'14	03'15
Наша страна окружена врагами со всех сторон	4	26	14
Самые опасные наши враги — скрытые, внутренние	16	20	26
У нашего народа всегда найдутся враги	18	30	20
Зачем искать врагов, когда корень зла — в собственных ошибках	48	17	29

* Данные Левада-Центра; ** Данные НИСЭПИ

Белорусы, таким образом, пали жертвой единого информационного пространства. Но я бы не назвал эти жертвы невинными. Как тут не вспомнить евангельскую притчу про зерна! Первое упало на каменистую почву и засохло. Второе упало в тернии и не дало плодов. И только третьему посчастливилось упасть на добрую почву и дать плод.

Почему же белорусская почва оказалась «доброй» для российской пропаганды? Почему советский экономический детерминизм с такой легкостью удалось заменить детерминизмом телевизионной пропаганды?

Прежде чем попытаться привести собственную версию ответов, процитирую популярного в годы перестройки тележурналиста Александра Невзорова: «Был поставлен очень ценный эксперимент по способности поглощения аудиторией любой дезинформации, любой ахинеи. И выяснилось, что чем ахинеистее будет ахинея, — тем сильнее будет потребность в следующей дозе ахинеи, и тем более высокие рейтинги эта ахинея будет приносить. То есть все те законы, по которым жило ТВ на протяжении двадцати или тридцати лет, оказались полностью опровергнуты этим блистательным, я считаю, сегодняшним экспериментом, который провели журналисты первого и второго каналов».

Человек формирует свою позицию по любому вопросу изначально эмоционально. Как тут не вспомнить историю про распятого мальчика. Перед эмоциональным впечатлением любые рациональные факты бессильны. Плетью — обуха, а знанием веру не перешибешь. Это общее правило. Но в первую очередь оно распространяется на людей, составляющих социальную периферию, на маргиналов. И не важно, что в Беларуси они составляют большинство.

Картина реальности типичного представителя большинства, неспособного выжить в современных условиях без опеки государства, нарисована широкими мазками под диктовку его комплекса неполноценности. Сознание работает на подтверждение этой картины. Во внимание принимается только та информация, которая соответствует структуре комплекса. В России своих маргиналов воз и маленькая тележка. Поэтому на таком типе информации и специализируется российская телепропаганда.

Этим и объясняется ее эффективность. Попробуйте переубедить сторонника «Крымнаша», и вы быстро поймете безнадежность своих усилий.

Белорусская модель два десятка лет формировалась в условиях противостояния внешнему врагу, объединенному под условным именем «Запад». Этот враг перешел к нам по наследству от эпохи «полной и окончательной победы социализма». В основе его враждебности лежала и лежит зависть. Зависть к нашим успехам. Мы ему — как бельмо на глазу. Сомневающимся в столь решительном выводе читателям приведу соответствующее высказывание главного архитектора белорусской модели: «Недругам Беларуси очень хотелось бы видеть нашу страну отсталой, закостенелой и застрявшей в прошлом, в лаптях. Такие страны становятся легкой добычей. Они неконкурентоспособны в мире. Но мы не дадим повода для радости тем, кто не любит Беларусь и завидует нам» (Послание-2014).

Обратимся к табл. 1. Две первые колонки позволяют отследить нарастание страхов перед внешними и внутренними врагами в российском обществе. За 25 лет доля утвердительных ответов увеличилась с 38 до 76 %! В Беларуси вопрос о врагах, к сожалению, задавался только один раз, так что о динамике общественного мнения говорить не приходится. Но в марте 2015 г. 60 % граждан страны, чей гимн начинается со слов: «Мы, белорусы — мирные люди», — согласились с наличием врагов.

Понятно, что такая «социология» создана не российской пропагандой. В лучшем случае она сыграла роль проявителя того, что в фотографии принято называть «скрытым изображением». Оно сформировалось задолго до «Крымнаша». Именно наличие «скрытого изображения» и несет ответственность за отсутствие у белорусского «большинства» иммунитета против российской телепропаганды.

Единое, но расколотое общество

С помощью философа Александра Рубцова попытаюсь перекинуть мостик между зоологией и социологией: «Реальность хитра и часто напоминает насекомое-палочника: в неподвижном виде — ветка, но, как только объект шевельнется, сразу видно, что это типичный представитель phasmatodea (от древнегреческого φάσμα — привидение, призрак, фантом). Таких целый отряд, называемый по-русски “привидениевые”. В природе это экзотика, зато в политической, экономической и прочей социальной реальности обитают сплошные phasmatodea. В обычной жизни мы вообще не видим, а тем более не понимаем, что происходит, пока что-то в экономике или политике более или менее ощутимо не шевельнется в ту или иную сторону».

Отсутствие заметных шевелений внутри белорусской модели было принято называть «стабильностью». К огорчению — как общества, так и власти, — экономическая составляющая модели зашевелилась. Еще относительно недавно успехи в экономике составляли основу «белорусского чуда». Посудите сами, какая из европейских стран может похвастаться двузначным ростом реальных доходов

населения? А в Беларуси из последних 15 лет 10 лет прошло под знаком такого роста!

На официальном уровне наличие экономического кризиса в стране не признается. Кризис — это *у них*. А что *у нас*? *У нас* — определенные трудности. Тем не менее экономическая тематика уверенно вышла на первое место в публичных выступлениях главы государства. «Наше будущее определяется в экономике!» — таков сегодня лозунг дня.

Таблица 2. С каким из следующих утверждений о белорусском государстве, построенном при президенте А. Лукашенко, Вы бы согласились? (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	06'15	Отношение к Лукашенко	
		Доверяют	Не доверяют
Это мое государство, оно защищает мои интересы	41	67	13
Это лишь отчасти мое государство, оно недостаточно защищает интересы таких, как я	44	26	64
Это не мое государство, оно не защищает мои интересы, и я не доверяю ему	10	2	20

Общество его охотно принимает. Поэтому не следует удивляться, что заявление: «Экономика является гарантом независимости Беларуси, залогом мира и фундаментом будущего», сделанное Лукашенко в Послании-2015, поддержало 77 % белорусов (НИСЭПИ, июнь). Что касается веры главы государства в эффективность белорусской политической системы, яркой отличительной чертой которой является народовластие, то ее «рейтинг поддержки» оказался в 2,9 раза ниже — 27 %.

Естественно, что ответ на любой политизированный вопрос тут же разводит сторонников (доверяют) и противников (не доверяют) Лукашенко по разные стороны баррикады. Такова особенность расколотого белорусского общества. Количественно данную социальную характеристику можно выразить через коэффициент раскола — частное от деления процента ответов сторонников на процент ответа противников. При оценке способности экономики гарантировать независимость Беларуси он составил 1,3. При оценке эффективности белорусской политической системы — 6,2. Чувствуете разницу?

Выше уже говорилось о картине реальности типичного представителя большинства. Разумно было бы предположить, что у типичного представителя меньшинства имеется своя картина реальности. Кратное значение коэффициента раскола — наглядное свидетельство обоснованности данного предположения.

Две части белорусского общества формально живут в одном государстве. Но для одних оно *свое*, а для других — *чужое* (табл. 2). Понятно, что *своим* оно является преимущественно для сторонников Лукашенко: 67 % vs. 13 %.

Идеология дошла до точки

Раскол в обществе породил феномен негосударственных и государственных СМИ. В июне первым доверяло 34 % белорусов, вторым — 38 %. Отличие незначительное. При этом не следует забывать об условиях, в которых приходится работать журналистам негосударственных СМИ.

Негосударственным СМИ доверяют 26 % сторонников Лукашенко и 44 % его противников. Первый процент можно расценивать как успех: каждый четвертый представитель большинства доверяет негосударственным СМИ. Но среди представителей активного меньшинства уровень доверия мог бы быть и выше. Это резерв, который следует активно задействовать. У государственных СМИ уровень политизации аудитории существенно выше: 65 % vs. 7 %.

В неофициальном соревновании рейтингов доверия негосударственных и государственных СМИ за последние 15 лет так и не удалось выявить однозначного лидера. Но зато удалось определить закономерность: в периоды кризисов доверие к государственным СМИ падает. Все логично. Как писал философ Мераб Мамардашвили, «всякая идеология доходит в своем развитии до такой точки, где ее эффективность состоит не в действии того, что она говорит, а что она не дает сказать».

Попытки создать государственную идеологию в Беларуси, как известно, завершились полным провалом, чего не скажешь о строительстве идеологической вертикали. Государственные СМИ — ее опорный элемент. Они созданы для прославления успехов, а не для критики недостатков. И в этом смысле требования к самоцензуре в государственных СМИ на несколько порядков выше, чем в СМИ независимых.

Учитывая далеко не радужные перспективы белорусской модели, осмелюсь предположить, что государственные СМИ имеют реальный шанс повторить судьбу своих советских предшественников эпохи застоя.

Однако после «Крымнаша» на медийном поле Беларуси в лидеры вышел третий игрок — российское телевидение. Разумеется, оно находилось на нем и раньше, но его влияние на белорусскую аудиторию независимыми аналитиками в полной мере не осознавалось.

Один пример. В июньском опросе НИСЭПИ при оценке лидеров зарубежных государств вне конкуренции оказался президент России Путин. Его оценило положительно 60 %, отрицательно — 20 %. Вне конкуренции оказался и президент Украины Порошенко, но только с обратным знаком. Положительно его оценило 10 %, отрицательно — 67 %.

«Заслуга Путина, — и тут следует согласиться с российским журналистом Андреем Колесниковым, — состоит в том, что он создал товар, на который был спрос и который можно было выгодно и быстро продать, превратив его в массовый продукт. Частью этого продукта — новой идеологии — является и сам бренд "Путин"». И этот бренд расходится сегодня в Беларуси, как горячие пирожки.

Встает законный вопрос о перспективах. Кремлевские идеологи, мобилизуя общественное мнение, решали сиюминутные тактические задачи. В отличие от своих коммунистических предшественников, они не имеют большой цели, устремленной в будущее. Но «патрон Крыма уже отстрелян» (А. Колесников). И что остается в сухом остатке? Однозначного ответа на этот вопрос сегодня нет. Процесс пошел, и жизнь внутри славянского треугольника Беларусь — Россия — Украина к прежнему, «докрымнашевскому», состоянию уже не вернется.

Матвей ГАНАПОЛЬСКИЙ,
«Московский комсомолец»

Россия выходит из интернета?

«Последняя страница» уже не выглядит шуткой.

Жизнь богаче любых фантазий.

Еще недавно блогеры хохотали над остроумной шуткой: на рисунке был показан экран компьютера, на котором было написано «Последняя страница интернета».

Это было действительно смешно, даже не потому, что в интернете нет последней страницы, как, впрочем, и первой. Смешно было оттого, что это было упоение электронной свободой. Наконец-то рухнули оковы тоталитаризма власти и диктатура хозяина СМИ — появились социальные сети, в которых ты, без указаний и ограничений, можешь смело высказывать свое мнение и ставить свои оценки происходящему. И никто не заткнет тебе рот, потому что серверы крупнейших социальных сетей находятся за границей, куда щупальца местной власти никогда не дотянутся.

Но в городе Одессе есть прекрасная поговорка, которая любого идеалиста мгновенно ставит на место. Поговорка состоит из двух коротких слов. Представьте, что в Одессе на Привозе вы хотите что-то, что стоит сто рублей, купить за копейку. Так вот, легендарная тетя Соня смеряет вас взглядом и иронично произнесет: «Ага, щас!..»

Именно эту фразу сейчас произносят власти во всех республиках бывшего СССР, с хрустом расправляясь со свободолюбивым интернетом и всякими неправительственными организациями, которые «путаются под ногами».

Но начали с интернета — потому что заткнуть рот популярным блогерам было задачей номер один. Быстро придумали, как загнать свободную мысль в стойло совкового права: просто нужно вначале назвать блогера как-то по-другому, после чего впихнуть это другое название в уже привычный закон. Быстро придумали, что если страницу блогера посещает в день больше трех тысяч человек, то он уже не блогер, а СМИ. А если он СМИ, то должен подпадать под «правильный» закон о СМИ, который предусматривает преступления и наказания. Только реальные, а не книжные, как у классика Достоевского.

Блогеры немедленно обсмеяли это решение, ибо были уверены, что писалось оно не совсем в трезвом виде, ибо до Бога высоко, а до г-на Цукерберга, как и до изобретателей прочих соцсетей, так же далеко, как и до того же Бога.

Но власти посчитали, что Богу и хозяевам соцсетей можно звонить по недорогой местной связи, и немедленно приступили к операции «К ноге!».

Вначале к ноге попытались приручить хозяина соцсети «ВКонтакте», да так приручали, что он, несчастный, покинул страну. Блогеры напряглись, но улыбка все еще блуждала по их лицам, потому что остались западные соцсети. Однако власти решили, что Цукерберг — он, конечно, крутая штучка, но если подойти к нему гибридно и подложить ему пару сотен «вежливых людей», то еще неизвестно, кто круче. «Вежливые люди» были наготове — аккуратные мальчики и девочки, сидящие в неброском офисе и получающие по разовой ставке за каждый твит и комментарий, дискредитирующий оппозицию, немедленно взялись за дело. А силу Цукерберга использовали как его слабость.

Как известно, в соцсетях можно жаловаться на публикации, содержащие насилие, «разжигание» и прочие нарушения. Это и использовали: аккуратные мальчики и девочки стали отправлять коллективные лживые жалобы-доносы в Фейсбук. Там, как и полагается, стали немедленно блокировать предполагаемых нарушителей «до разбирательства», а именно это мальчикам и девочкам было нужно. К примеру, у меня в Фейсбуке мальчики и девочки выбрали старое смешное фото, где кот

греется, втиснувшись в советский отопительный радиатор. В коллективной жалобе на меня это фото называлось «пропагандой насилия».

Но что там я! Главные доносы мальчики и девочки стали отсылать на украинских блогеров, которые нагло продолжали заявлять, что «Крым их», а некоторые, возмутительно разжигая хунтобандеровскую пропаганду, писали, что даже вернут Донбасс. Дело дошло до того, что президент Украины на правильном английском языке даже написал письмо Цукербергу — с просьбой оградить Украину от России в интернете, что само по себе чарующе: наверное, кто-то рассказал Порошенко, что в интернете можно построить стену наподобие укреплений вокруг Луганска и Донецка. Видимо, должна была начаться Большая интернет-война, где боты брали бы друг друга в плен, а потом меняли «всех на всех».

Цукерберг ответил, но его ответ вверг блогеров в суппорт, ибо стало понятно — до Цукерберга действительно далеко: этот великий юноша заявил, что все должны быть равны, а его представительств нет ни в России, ни в Украине.

Бедный Цукерберг, он так и не понял, как он подставил свой гордый уникальный Фейсбук...

«Нет представительства? Сам признался?» — радостно поинтересовались власти. И немедленно приступили к штурму пиндосовско-гостеповского бастиона, причем широким фронтом.

Вначале Роскомнадзор направил грозное предписание Youtube, Blogspot и Google+. Он потребовал от них не нарушать российское законодательство. А ранее уже была атака на Google, Facebook — им указали, что компании нарушают положение российского закона о блогерах. Оказывается, они не представили данные о суточной посещаемости персональных страниц этих ресурсов. Логика наезда понятна: посещаемость не представлена — следовательно, хватать блогеров не за что.

А, видимо, надо.

И тогда, прямо сейчас, придумана новая фишка для того, чтобы Цукерберг понял, что его судьба в руках пацанов, и был сговорчивей. Госдума уже приняла в третьем, окончательном чтении закон о возможности присвоения иностранным и международным неправительственным организациям статуса «нежелательных в России». Вы удивитесь, но по какому-то невероятному совпадению его уже одобрил Совет Федерации! Конечно, эта очередная удавка для общественной жизни придумана в первую очередь для всяких общественных организаций, но для интернета она тоже сгодится. Идея закона примитивно проста: если ты не наш, а иностранный, то мы тебя закроем на территории России именно по этой причине. Поэтому будь проще — и к тебе потянутся. Не народ потянется, а власть, что важнее. А власть уже тебе и народ обеспечит, как обеспечила одомашненным «Ночным волкам» землю в Крыму и новый офис в столице. Так что, кам хиар, Фейсбук, вали к нам! Но если у тебя там всякое ненужное будет печататься, то тебя объявят нежелательной организацией. И закроют, только уже официально.

Главное, что должен сейчас понять Цукерберг, — что это он в своих силиконово-кремниевых долинах реет, как горный орел. А у нас он простой серый воробушек. А еще пусть помнит, что у нас свои талантливые евреи есть. Роттенберг, к примеру, — его таланту получать господряды равных нет! Говорят, что проекта моста в Крым еще и в природе не существует, а он уже его строит — даже фотки есть, как экскаваторы землю носом роют. И если надо будет, то наш Роттенберг за два дня такой «Кремленет» сляпает, — залюбуешься!

Короче говоря, ситуация не из приятных: как кажется, государство вновь накладывает лапу на очередную дискуссионно-критическую поляну, только уже последнюю. Технические гении могут изобрести любые чудеса, кроме чуда, как спасти страну от диктатуры авторитарной власти.

Конечно, действие будет равно противодействию — дискуссии о России, ее власти останутся, но к ним придется продираться сквозь электронную блокаду, подменяя электронные адреса и маскируясь под какого-то симпатичного австралийского кенгуру, который по случаю забрел на русский форум. Это не уберет качество дискуссии о стране, однако уберет массовость — а именно этого власть, похоже, и добивается.

И Цукерберг с его Фейсбуком в этой ситуации будет больше похож не на товарища Сталина, создавшего империю от края до края, а на жалкого товарища Троцкого, ожидающего в далекой Мексике смертельный удар ледорубом.

Так что вопрос, «победит ли Фейсбук идеологическую диктатуру», остается актуальным и открытым. И не только для России — мы знаем достаточно стран, где над соцсетями издеваются, подчиняя местным людоедским законам.

Да, вопрос открыт.

И никто не знает, какая именно страница сегодня пишется историей на экране российского компьютера.

«Последняя страница интернета?»

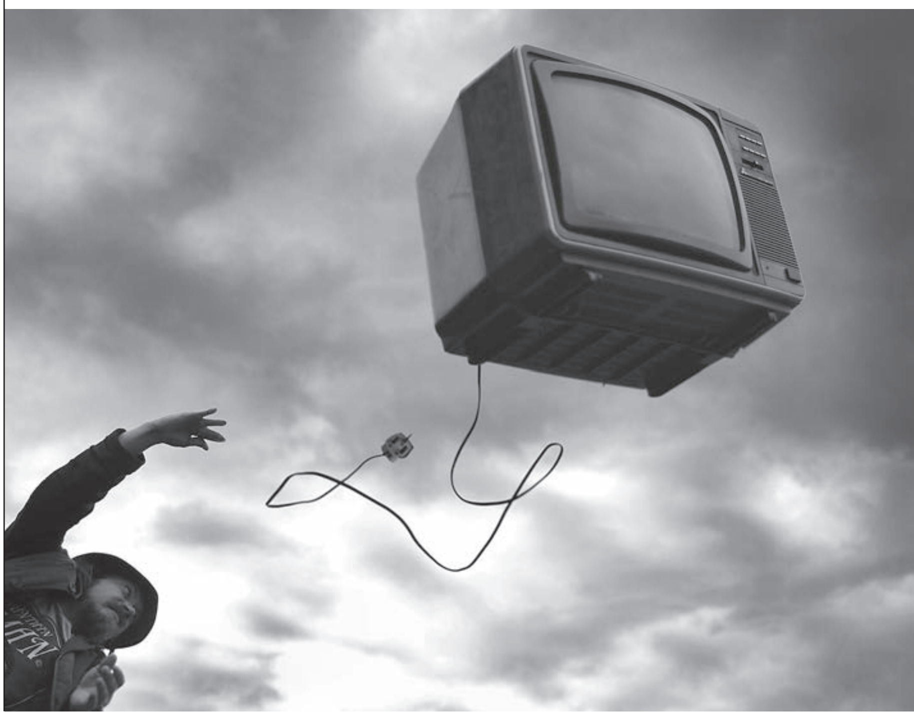
Очень возможно.

Дария ШЕРЛАТТ,
Вильнюс, специально для «А»

Худой мир на литовском телевидении

Хочу заранее поблагодарить за обращенное на этот опус внимание: не являясь ни профессиональным журналистом, ни политологом, взялась порассуждать о довольно серьезных вещах. Поэтому рассуждения мои и коснутся лишь области человеческих взаимоотношений и того, как к вопросу отключения российских каналов в Литве относятся самые обычные ее граждане: мои друзья, знакомые, соседи, родственники и встреченные за последнее время жители Вильнюса.

Вся жизнь после тридцати «с хвостиком» приобретает необыкновенное ускорение, несется опрометью, практически не оставляя возможности притормозить и задуматься. Но для «стоп-кадра» и существуют ошеломляющие новости! Вот факт: в Литве с 13 апреля сего года на три месяца прекращена трансляция российского телеканала «РТР Планета».

И что же произошло? Да ничего особенного...

Просто, нажимая знакомую кнопку, вижу только надпись: «Уважаемые телезрители, с 13 апреля 2015 года трансляция канала прекращена на 3 месяца».

Сосед сверху — композитор, он и сейчас великолепно играет на фортепиано, вдохновляя меня «тюкать» по компьютерной клавиатуре. Я спросила, не скучно ли ему без РТР. Милый человек, пожав плечами, сказал, что телевизор практически не смотрит, своего маленького сына к нему допускает крайне редко, но — с позиции демократии — считает все запреты нерациональными и недопустимыми. Он — коренной литовец, ему 50 лет.

Устав нашего «монастыря»

Санкции к российским каналам в нашей стране применялись и ранее: в позапрошлом году были введены ограничения на трансляцию некоторых передач Первого Балтийского канала (ОРТ), в прошлом — НТВ МИР. Совсем недавно отменены ограничения на трансляцию РЕН ТВ Балтик.

По закону санкции были справедливы: нарушения на упомянутых каналах фиксировались более одного раза в год, были предоставлены выводы сведущей комиссии, о претензиях информированы Европейская комиссия и руководства телеканалов. Об этом гражданам рассказали президент ассоциации Литовского кабельного телевидения Вайва Жукиене и председатель комиссии Литовского радио и телевидения Эдмундас Вайтекунас (интервью с ними прозвучали в передаче «В центре внимания» ЛТР и были напечатаны в информационном интернет-издании «Дельфи» 9 апреля 2015 года).

Госпожа Жукиене утверждает, что полное отключение канала на три месяца — достаточно строгая, но оптимальная во всех отношениях санкция. Причем процедура отключения была длительная. Председатель комиссии ЛРТ Эдмундас Вайтекунас уточняет: «мирное» решение с дирекцией телеканала пытались найти на протяжении 15 дней после предъявления литовской стороной претензий, но нарушения продолжались. И этого было достаточно для принятия решения прекратить трансляцию канала на три месяца, хотя были предложения остановить его и на полгода.

Пока обошлось без судебных разбирательств с операторами кабельного телевидения. «Конечно же, они (кабельные операторы) несут финансовые потери и ответственность перед абонентами, а в законе не указано, кто конкретно должен проводить отключение каналов и почему это обязаны делать они; но пока мы советуемся и находим решения», — сказал председатель комиссии ЛРТ Эдмундас Вайтекунас.

Вайва Жукиене отметила, что частичное отключение передач на телевизионных каналах — очень трудоемкое и технически неудобное дело.

Проблемы с технической стороной заметны любому зрителю: то вдруг в выходной день странным образом меняется вся программная сетка популярного канала; то, нарушая формат еще одного канала, неплохой старый фильм вдруг сменяется голливудским киноопусом. Но я — этническая русская, рожденная в Литве и живущая здесь 47 лет, с литовскими экспертами и специалистами согласилась, вспомнив русскую же поговорку: со своим уставом в чужой монастырь не ходят. Если называешься ретранслятором российского телевидения на определенный регион, то и транслируй для региона то, что не нарушает местные законы и правила приличия. Принуждение к иной точке зрения, манипуляция, дезинформация — инструменты информационной войны. А зачем нам в Литве война, пусть даже «только» словесная?

Худой мир лучше ссоры

Понятно, что пропаганда существует всегда и везде, — как мнение приоритетное, написанное, неоднократно озвученное и показанное. Каждая страна таким образом пропагандирует свои устои и уклад. Но в цивилизованном мире осуждается навязывание «своего» другим.

Не желая ни с кем воевать и без намерений отстаивать свое субъективное мнение, пытаюсь выяснить, кто пострадал в «войне» с российской пропагандой.

Покупаю мясо на местном рынке и приятной даме, местной польке сорока лет, задаю вопрос, как она смотрит на решение правительства ограничить трансляцию Российского телевидения. Женщина отвечает, ничуть не удивившись странному повороту в общении с покупательницей: ее это не коснулось, у нее «тарелка», а вот тем, кто эти «тарелки» ставит, наверное, повезло. Не повезло, говорит продавец, тем, кому нужна реклама, и тем, кто продает эфирное время для размещения этой рекламы. Такой вот точный экспресс-обзор экономических выгод и потерь.

Вильнюс — мультикультурный город, поэтому у меня была возможность поговорить с представителями разных национальностей. Мой друг, украинец по происхождению, оператор на государственном телеканале, снимает передачи о культуре, ему 38 лет. На мой вопрос улыбается и говорит, что телевизор не смотрит, но по поводу отключения РТР недавно поругался с отцом. И вовсе не из-за политики: отец долго смотрел по его компьютеру российскую передачу об убийстве журналиста Олеся Бузины и мешал моему другу отдыхать. Его отцу этот канал нужен, наверное, скоро поставит «тарелочку»!

Еще один наш друг — представитель очень уважаемой профессии, он пожарный-спасатель. Это коренной литовец, ему 46 лет. Он сказал, что по роду своей деятельности не имеет права комментировать такие ситуации (поэтому я даже не могу указывать его имя или должность), но считает, что любой запрет и отключения не совсем правомерны. Впрочем, зная, какое влияние телевидение оказывает на определенных людей, спасатель оправдывает решение комиссии об отключении.

Молодой бармен из крошечного бара «Старое радио» настроен философски: «Я думаю, как Сократ: законность состоит в том, чтобы подчиняться законам своего государства». Правда, русского он уже не знает, изучал политтехнологии, ему 23 года. Его подруга — художница — считает, что отключение правомерно и необходимо, именно из соображения безопасности.

Многолетний друг нашей семьи, врач по профессии и еврей по национальности, довольно категоричен: «Свобода слова под собой подразумевает свободу слова». Он против любой цензуры со стороны государства и считает, что человек должен сам выбирать, что ему смотреть, читать и слушать. Ему 46 лет.

С ним совершенно согласна и моя племянница, ей столько же лет, она русская, профессиональная швея и дизайнер верхней одежды. Она вообще возмущена: «Я плачу за кабельное телевидение и хочу смотреть те каналы, которые покупала!» А ведь и правда, никакие компенсации за предоставленные неудобства зрителям не предусмотрены.

На вопрос, как относятся к отключению канала клиенты кабельного телевидения, Вайва

Жукиене в упомянутом интервью ответила, что они реагируют, как и все общество: одни крайне отрицательно, другие поддерживают такое решение. Жукиене подчеркнула, что комиссия не настроена против российских каналов, не сомневается в их профессионализме, но каналы, ориентированные на территорию Литвы, обязаны соблюдать законы этой страны.

«Ситуация эта новая, — отметила Вайва Жукиене. — Еще десять лет назад никто и не беспокоился по поводу российских каналов. На понятном языке людям транслировались хорошие фильмы, качественные развлекательные программы, и всем было хорошо. Никогда не могли подумать, что все так изменится. Но, я считаю, кардинальное решение прекратить пропаганду на российских каналах если и не объединит общество, то его и не рассорит».

Телеканал «РТР Планета» на территорию Литвы ретранслировала шведская компания «Виасат», но все прекрасно понимали, что это канал, контролируемый российским государством. Господин Вайтекунас заметил, что и ранее предупрежденные российские каналы продолжают допускать нарушения, с их дирекциями велись переговоры, но взаимопонимание пока не достигнуто. Поэтому, по словам председателя комиссии Литовского радио и телевидения Эдмундаса Вайтекунаса, существует вероятность применения санкций и к другим российским телеканалам.

В экспертную комиссию, вынесшую приговор «РТР Планета», как сообщается, привлекались и специалисты Департамента стратегической коммуникации литовской армии.

Ну вот — военные. Значит, все же война?

Как избежать конфронтации?

Почитала комментарии в «Дельфи» к интервью, о котором рассказала в этой статье. Комментариев около 500, понятное дело, всего там понаписано. Но понравился ответ на один неприятный комментарий. Сам комментарий был таким: «Если в тАлете написано: “Здесь русский дух, здесь Русью пахнет”, — что, будешь стирать?» Ответ: «Я буду знать, что это из великого произведения А. С. Пушкина “Руслан и Людмила” и что в моей стране есть безграмотные дураки; в тУАлете, дорогой оппонент!» Все это, конечно, было написано по-литовски, вопрос задал литовец, и ответил на него тоже литовец. А вообще, из всего огромного количества мнений таких провоцирующих было не более 2 %. Что позволяет мне сказать: хорошие литовцы люди, и нет у нас никаких антирусских настроений, во всяком случае, среди людей думающих.

В Вильнюсе уже 20 лет проводится «Кино весна» — ежегодный фестиваль некоммерческого кино. В этом году, как и всегда, было представлено несколько российских фильмов. Среди них и кинолента Наталии Кудряшовой «Пионеры-герои». Показ премьерный (второй после Берлинского фестиваля), зал полный, после показа — общение с режиссером. Хрупкая молодая женщина держалась немного напряженно: Литва все-таки, в зале около 70 % — литовцы. Но о фильме рассуждали-расспрашивали с интересом и доброжелательно, пока вдруг не прозвучало: «Правда ли, что вся Россия сейчас находится в огромном страхе?..» Звучало еще что-то, трудно было разобрать из-за зашумевшего зала и акцента, с которым говорил режиссер из одной скандинавской страны. Он уже больше года живет у нас, выучил литовский, часто ездит в Украину, нередко раздает интервью местным телеканалам. Может, миссия его и праведная, может, он плохо говорит по-русски (хотя был переводчик, а сама режиссер была готова отвечать и по-английски)… «Но зачем не к месту упоминать о политике?» — зароптали зрители вокруг меня. Кудряшова ему ответила: «Все это пропаганда, ни вы, ни я истинного положения вещей не знаем, а в России есть, были и будут бесстрашные герои». Зал поддержал ее аплодисментами.

А меня приятно удивил мой муж, местный поляк 50 лет от роду, — на выходе он поцеловал режиссеру Кудряшовой руку и поблагодарил за прекрасный фильм. Вот такой у нас интернационал, и нет никакой войны!

К слову, мой муж считает, что на телевидении не стоит ничего по политическим мотивам запрещать, хотя не знаю, каким образом его эти отключения коснулись. Мы не пользуемся услугами кабельных операторов, не тратимся на «тарелочки», все, что нам интересно, находим в сети интернет...

А мое мнение... Мой дед-офицер был пленен в первые часы Второй мировой войны на территории Литвы. Его расстреляли в немецком концлагере. Он — герой, русский герой. Но я ненавижу войну, я бы очень хотела знать своего деда лично...

P. S. Трехмесячный запрет на трансляцию российского телеканала «РТР-Планета» закончился 13 июля.

Канал «РТР-Планета» зарегистрирован в Швеции, и процедура приостановки трансляции зарегистрированного в Европейском Союзе канала была применена впервые в ЕС.

Зміцер ЯГОРАЎ,
Варшава

Прэзідэнцкая кампанія ў Польшчы

Нататкі чалавека без права голасу

Прэзідэнцкай кампаніі ў нашых суседзяў практычна не было бачна на вуліцы. Зрэдку паміж рэкламамі панчохаў, новых аўто і шынкі па прамацыйных коштах вынырваў білборд з тварам кандыдата. Аніякай «вайны плакатаў», і ніякіх улёткавых кампаніяў. Галоўная бітва разгарнулася ў медыях: газета і часопіс сталіся ўлёткамі, што заўсёды побач, а тэлевізары — білбордамі, усталяванымі ў кожным доме.

Беларускі пашпарт у Польшчы дае журналісту, бадай што, адзіную перавагу: увесь выбарчы працэс можна назіраць збоку ды не прымаючы надта блізка да сэрца. Некаторыя ж польскія калегі перад вырашальным галасаваннем нават напаўжартам казалі пра магчымую эміграцыю, калі пераможа не «іх» кандыдат.

Гэтае напружанне было заўважнае і ў медыях, якія ад пачатку кампаніі падзяліліся на два лагеры: тых, хто падтрымліваў дзейнага прэзідэнта Браніслава Камароўскага, і тых, хто выступаў за апазіцыйнага кандыдата Анджэя Дуду. Хоць, забягаючы наперад, скажу: прынамсі, сёння, у першы дзень з новым прэзідэнтам, калі я пішу гэты матэрыял, медыясвет і штодзённае жыццё ў Польшчы не перакуліліся з ног на галаву. Нішто не сведчыць пра тое, што ў прэзідэнцкім палацы паляць дакументы, і паліцыя не прыйшла арыштоўваць тых медыйшчыкаў, якія яшчэ пару дзён таму заяўлялі: «Дуда пры ўладзе = цемрашальства і канец дэмакратыі».

«Аб'ектывізм стаўся нудным»

Мой суразмоўца Кшыштаф Карвоўскі пачаў працаваць на тэлебачанні больш за 20 гадоў таму: спачатку на першым камерцыйным канале, потым на публічным ТБ, цяпер — на новым канале «TV Republika», які прытрымліваецца апазіцыйных поглядаў (хоць перамог Дуда з партыі «Права і Справядлівасць», улада па-ранейшаму ў руках «Грамадзянскай платформы», што ў кааліцыі з «Польскай сялянскай партыяй» фармуе ўрад).

Кшыштаф падкрэслівае, што за ўсе гэтыя гады ён не бачыў, каб медыі так выразна станавіліся на бок адной з палітычных сілаў.

«Упершыню ў гісторыі вольнай Польшчы мы назіраем такое заангажаванне медыяў. Больш за тое, у пэўнай ступені гэтага чакае аўдыторыя — пэўнай дэкларацыі ад журналіста і СМІ. Аб'ектывізм стаўся нудным. Вельмі мала медыяў імкнецца яго захаваць у гэтай выбарчай кампаніі», — гаворыць Кшыштаф.

Прэзідэнцкая кампанія, як лакмусавая паперка, умомант выявіла, на чыім баку тыя ці іншыя медыі. З аднаго боку, папулярны грамадска-палітычны часопіс «Polityka» ніколі не хаваў сваіх праўрадавых настрояў, але, прынамсі, фармальна і «дзеля прыстойнасці» даваў слова і апанентам. Перад выбарамі з'явіўся забаўляльны матэрыял пра недарэчныя сітуацыі, у якія траплялі кандыдаты. Часопіс смакаваў «впадкі» кожнага з кандыдатаў, акрамя... аднаго. Браніславу Камароўскаму прысвяцілі літаральна пару сказаў і адзін фотаздымак. На фота прэзідэнт трымае кнігу дагары нагамі, але гэта, аказваецца, фэйк, і здымак публікуюць, каб паказаць, што апазіцыя не саромеецца выкарыстоўваць такія прыёмы.

У апазіцыі гавораць пра «мэйнстрымавыя» медыі: гэта большасць тэлеканалаў (у тым ліку публічнае ТБ, якое фінансуе дзяржава), такія вядомыя выданні, як «Gazeta wyborcza» ды згаданая «Polityka». У «мэйнстрыме» палохаюць Дудам і ягонай партыяй, прарочаць палякам «часы нянавісці», калі «Права і Справядлівасць» ізноў прыйдзе да ўлады.

«Гэта вайна»

«Гэта вайна на выжыванне, я лічу, што тут няма месца аб'ектывізму», — піша ў сацсетках дачка Томаша Ліса, аднаго з самых вядомых у Польшчы публіцыстаў і тэлевядоўцаў. І яе цытуюць апазіцыйныя медыі. Чаму? Бо Томаш Ліс у сваёй праграме ў прайм-тайм цытаваў скандальны допіс з сацыяльных сетак нібыта дачкі Дуды. Высветлілася, што допіс — з фэйкавага акаўнта. Давялося потым выбачацца перад палітыкам, але «асадачак» у выбарцаў, напэўна, застаўся.

Ідэалізаваць медыі, што падтрымліваюць Дуду, таксама не выпадае. «Па трупах да ўлады» (выданне «W sieci»), «Прэзідэнт парушае Канстытуцыю» («Do rzeczy»), «Дуда накаўтаваў Камароўскага» («Gazeta Polska») — у гэтых загалоўках пра дзейнага прэзідэнта таксама аб'ектывізму няшмат.

Гэтыя прыклады сведчаць, да якога ўзроўню падвысілася тэмпература палітычнай барацьбы, і паказваюць, што галоўным праваднікам жарсцяў сталіся медыі. СМІ не толькі раскручваюць абсурдна дробныя справы (чыя дачка што напісала ў сацсетках), але часам нават правакуюць палітыкаў да вострых выпадаў.

Маладыя і раззлаваныя

Ад самага пачатку нават у медыях выбарчую кампанію называлі нуднаю. Два прадказальныя фаварыты гонкі, і яшчэ дзевяць — без шанцаў на перамогу. Так сітуацыя выглядала да першага тура, у якім, паводле прагнозаў, меўся ўпэўнена перамагчы Браніслаў Камароўскі. Прадказвалі нават 60 % галасоў.

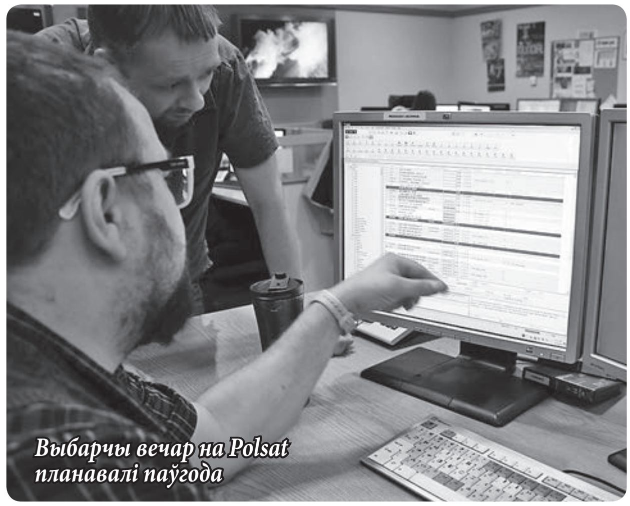
«Браніслаў Камароўскі мог бы прайграць выбары, толькі калі б п'яны збіў на пешаходным пераходзе цяжарную манашку», — казаў галоўны рэдактар «Gazety Wyborczej» Адам Міхнік у эфіры ў Томаша Ліса.

Аднак вынікі першага тура сталіся нечаканасцю і для штаба прэзідэнта Камароўскага, і для «мэйнстрымавых» медыяў, і, уласна, для многіх палякаў. У першым туры найбольш галасоў набраў Дуда (34,7 %), на другім месцы апынуўся Камароўскі (33,7 %).

Яшчэ адной сенсацыяй стаўся вынік рок-музыкі Павэла Кукіза (20,8 %). За яго галасавалі тыя, каму надакучыла адвечная барацьба паміж дзвюма галоўнымі партыямі, хто не бачыць сэнсу ў чарговай перастаноўцы і перадзеле крэслаў. Тыповы выбарнік Кукіза — не надта рэлігійны мужчына каля 30 гадоў з горада сярэдняга памеру, часта з вышэйшай адукацыяй, што ацэньвае свае даходы як незадавальняльныя.

Ці яны сапраўды хацелі бачыць рок-музыку кшталту нашага Аляксандра Кулінковіча з «Neuro dubel» ці Юрыя Стыльскага з «Дай

TVP: апошнія прыгатаванні

Выбарчы вечар на Polsat планавалі паўгода

дарогу!» на найвышэйшай дзяржаўнай пасадзе? Хутчэй, гэта былі галасы пратэсту, поўха і мандат недаверу і для Камароўскага, і для Дуды.

Удары ніжэй за пас

Пасля таго што здарылася ў першым туры, штаб Камароўскага «прачнуўся». Дагэтуль прэзідэнт не надта актыўна змагаўся за галасы, а ягоныя піяршчыкі хадзілі ў ружовых акулярах, перакананыя ў лёгкай перамозе. Штаб Дуды, у сваю чаргу, усвядоміў, што «злавіў хвалю» і апанентаў трэба «дацiснуць», перацягваючы на свой бок электарат Кукіза, а таксама тых, хто не прыйшоў на выбары.

Уласна, да апошняга дня захоўвалася інтрыга: хто пераможа? Апафеозам такой барацьбы сталіся дэбаты: Камароўскі і Дуда два разы сустракаліся ў жывым эфіры. Збольшага абмяркоўваліся ўнутраныя праблемы, апаненты абменьваліся ўдарамі, прыгадваючы па чарзе, што абяцала і не зрабіла партыя Дуды ў свой час ды што абяцала і не зрабіла партыя Камароўскага.

Узаемныя ўколы, тролінг ды спроба выставіць апанента хлусам. Але ўсё гэта — з шырокімі ўсмешкамі на тварах. Пасля дэбатаў інтэрнаўты пісалі ў сацыяльных сетках, што «Камароўскі выклікаў толькі жаль» або што «Дуду проста размазалі па сцяне», — у залежнасці ад палітычных поглядаў аўтараў допісаў. Можна сказаць, што большасць гледачоў «засталіся пры сваім». Электарат Кукіза, які галасаваў дэфакта супраць фаварытаў, таксама быў не ў захапленні ад дыскусіі і, пэўна, у другім туры аддаваў галасы «за меншае зло».

Не абышлося і без чорнага піяру. Штаб Камароўскага выпусціў відэаролік, у якім нагадаў гледачам, што Дуда выступаў супраць штучнага апладнення, а ягоная партыя нават не выключала варыянта змяніць права так, каб за гэтую працэдуру маглі караць турмою. «Гэты метад штучны, а ўсё

штучнае не мае нічога агульнага з натураю», — гаворыць па радыё Дуда. Тым часам жанчына разам са сваёй дачкой гадоў пяці едзе ў машыне і чуе гэта. Гледачу даюць зразумець, што гэтая дзяўчынка з кранальнымі банцікамі нарадзілася менавіта дзякуючы такой працэдуры. Маці аддае дзіця ў садок, вяртаецца да машыны... а потым бяжыць назад, каб мацней абняць дачушку. Слёзы на вачох. Прызнаюся: і ў мяне адна навярнулася.

Камароўскі прызнае паразу

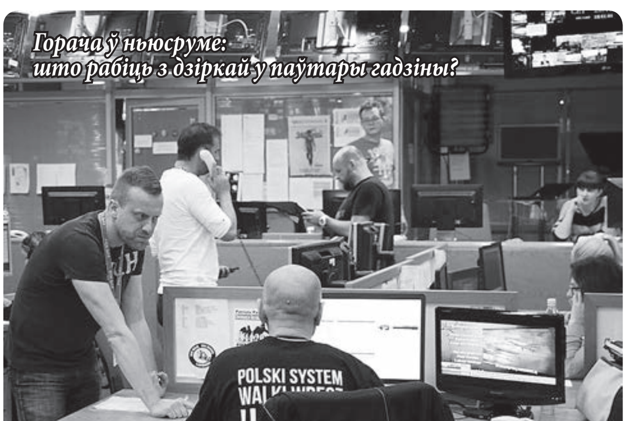
Штаб Дуды не адстаў: у іхным роліку сімпатычная польская сям'я з дзецьмі едзе па цудоўным польскім лесе. У пэўны момант малодшая дачка (таксама гадоў пяці, але ўжо без банцікаў) саскоквае з ровара і радасна бяжыць да дрэваў. «Аня!» — з жахам крычыць матуля, і ў гэты момант дзяўчынка тварам б'ецца ў плот з жалезнай сеткі, які не заўважыла. Падае. Сям'я бяжыць да яе, а дыктар за кадрам гаворыць: «Браніслаў Камароўскі праігнараваў 2,5 мільёна подпісаў у абарону польскіх лясоў. Паводле медыяў, ён пагадзіўся на іх продаж». Бацька раз'юшана б'е далонню па рабіцы, ну проста як у твар асабіста Камароўскаму!

Генеральная бітва

Польскія тэлеканалы ў дзень выбараў рыхтавалі адмысловыя эфіры. У публічным «TVP» студыйная інсталяцыя заняла вялізарны хол у новым будынку. Размах, асвятленне, вялізныя экраны, з дзясятак камераў і кран уражваюць.

Выбарчы вечар рыхтуюць таксама і папулярныя камерцыйныя каналы «TVN» і «Polsat». Дзякуючы гасціннасці калегаў з «Polsat» генеральную бітву паміж двума кандыдатамі я назіраю з ньюсрума каналу.

Радаслаў Кетлінські, шэф публіцыстыкі на «Polsat», распавядае, што ягонае тэлебачанне цягам выбарчай кампаніі імкнулася не станавіцца на бок ніводнага з кандыдатаў. Кожны дзень кампаніі ў праграмным сакратарыяце падлічвалі пасекундава (!), колькі часу ў эфіры прыпадала на кожнага з кандыдатаў, а таксама на выступленні таго ці іншага паплечніка Дуды ці Камароўскага. Калі адзін з бакоў меў відавочна больш часу, — на наступны дзень гэта імкнуліся «ўраўнаважыць», даючы больш эфірнага часу іншаму лагеру.

Горача ў ньюсруме: што рабіць з дзіркай у паўтары гадзіны?

«Гэта прынцыповая пазіцыя ўладальніка каналу. Мы не ангажуемся і не становімся на бок той ці іншай палітычнай сілы, мы імкнемся ўтрымаць раўнавагу, — гаворыць Радаслаў. — Вядома, кожны журналіст, кожны вядоўца мае свае погляды, свае каштоўнасці і прыхільнасці. І гэта немагчыма "вымыць" з галавы. Дый не трэба. Калі вядоўцу ці журналіста ў эфіры панясуць эмоцыі, ёсць выдаўца, які скажа: прытармазі, вядзем гутарку па фактах і абгрунтавана, а не на эмоцыях».

Рыхтавацца да выбарчага вечара пачалі яшчэ за паўгода да эфіру. Якая будзе студыя? Якая графіка? Хто будзе на відэаспалучэнні са штабоў? Якія элементы будуць у праграме, якія эксперты?

За гадзіну да пачатку эфіру ўсё выглядае падрыхтаваным і разлічаным да хвіліны. З'яўляюцца дадзеныя з экзіт-полаў, мы ўжо ведаем, што перамог Дуда, аднак краіна яшчэ ў чаканні: гэтыя звесткі не дазваляецца публікаваць, пакуль не зачыніліся выбарчыя ўчасткі.

Нечакана прыходзіць навіна: на адным з участкаў для галасавання 80-гадовай жанчыне стала кепска. Яе спрабавалі ўратаваць, аднак не ўдалося: яна памерла ад сардэчнага прыступу. Паўтары гадзіны доступ да ўчастка быў закрыты, бо прыязджалі паліцыя і прадстаўнікі пракуратуры. Цэнтрвыбаркам прымае рашэнне, што гэты ўчастак будзе працаваць на 1,5 гадзіны даўжэй.

Гэта значыць, што выбарчая цішыня таксама будзе доўжыцца яшчэ 1,5 гадзіны. А гэта, у сваю чаргу, азначае, што ў эфіры нельга агучваць вынікі экзіт-полаў, як і любую інфармацыю і каментары, якія можна палічыць агітацыяй на карысць аднаго з кандыдатаў. У ньюсруме становіцца вельмі горача.

«Уласна, так выглядае крах шасцімесячнай працы», — каментуе адзін з вядоўцаў у ньюсруме. Што рабіць з паўтарагадзіннай «дзіркай» у эфіры? Выдаўцы збіраюцца разам і цягам пяці хвілінаў ладзяць «буру мазгоў». У эфір ідуць інфармацыя пра яўку выбарнікаў, каментары з сацыяльных сетак, уключэнні са штабоў Дуды і Камароўскага.

Зрэшты, па «карцінцы» са штабоў відаць радасць прыхільнікаў Дуды, што ўжо святкуюць не абвешчаную пакуль перамогу (ім шапнулі на вуха пра вынікі экзіт-полаў), ды прыгнечанасць у штабе Камароўскага. Неўзабаве выбарчая цішыня мінае. У эфіры абвяшчаюць вынікі экзіт-полаў (выбарка вельмі вялікая, верагоднасць таго, што канчатковыя паказнікі будуць іншыя, — амаль нулявая), Браніслаў Камароўскі прызнае сваю паразу і віншуе Анджэя Дуду.

Палітычныя эліты і медыі пачынаюць рыхтавацца да новай выбарчай кампаніі. У кастрычніку будзе чарговая бітва, але ўжо за больш рэальную ўладу ў краіне — за месцы ў парламенце і права фармаваць урад.

Фота аўтара

Прэс-сакратар Бундэстага Эрнст Хэбекер:

«Калі мой тэлефон перастае званіць, я баюся, што ён сапсаваўся»

Чатыры тысячы акрэдытацый у год — і ўсяго 10 чалавек у штаце.

Як працуе акрэдытацыя ў Бундэстагу, і ці маюць туды доступ блогеры? Што такое «конкурс хуткасцяў» у СМІ, і дзе пачатак карупцыі журналістаў? У інтэрв'ю «Абажуру» — прэс-сакратар нямецкага парламента Эрнст Хэбекер.

Мы гутарым у яго працоўным кабінеце. Прасторнае, па-нямецку прадуманае бюро. Тут усё на сваім месцы: злева — вялікі стол з тэлефонамі і камп'ютарам, насупраць — паліца з вялікай плазмай, тут жа — кавамашына. Збоку ў кутку — утульны столік з гарбатай, вадой і сокамі. У пакоі шмат вялікіх вокнаў, якія выходзяць на вуліцу.

Мы ў суседнім з Рэйхстагам будынку. З вуліцы чутны гул горада. Яго па дарозе на працу прэс-сакратар нямецкага Бундэстага Эрнст Хэбекер слухае вось ужо тры гады. На працу ён ходзіць пешкі.

За плячыма майго суразмоўцы 27 гадоў у якасці палітычнага журналіста. Апошнім выданнем, дзе ён працаваў, была газета «Münchener Merkur» — шэсць гадоў рэдактарства.

Эрнст Хэбекер называе журналісцкія кантакты часткай сваёй працы. Ён уважліва ўчытваецца яшчэ раз у маю візітоўку і дастае з кішэні ручку. Блакнот ужо разгорнуты. Дасведчанага журналіста ў ім выдаюць пачаты пачак цыгарэт на стале і падрыхтаваны дыктафон — нашу гутарку ён таксама просіць дазволу запісаць. На ўсякі выпадак.

— Амаль тры дзясяткі гадоў у журналістыцы. Ці не сумуеце па былой працы? Наколькі складана было змяніць стыль жыцця з журналісцкага на нежурналісцкі?

— Журналісцкі досвед мне шмат у чым дапамагае. Калісьці я сам працаваў на баку журналістаў, у мяне засталося шмат добрых кантактаў, і я разумею, як журналісты працуюць і якія патрэбы маюць. А гэта адна з неабходных перадумоў для працы прэс-сакратара.

Але, ведаючы два бакі пісьмовага стала, я не магу працаваць аднachасова і там, і там. Нельга быць журналістам і адначасова з'яўляцца прэс-сакратаром парламента. Тут я або незалежны назіральнік, або прадстаўнік інтарэсаў парламента.

— Як моцна змянілася Вашае жыццё з пераездам у Берлін на новую пасаду?

— Сёння ў мяне два сталыя месцы жыхарства: Берлін і Мюнхен, адкуль паходзіць мая жонка. У

гэтых найцікавейшых гарадах Германіі я адчуваю сябе як дома. Але наколькі розная Германія ў сваіх частках! Хаатычны Берлін як метраполія можа вельмі стамляць, і тады я знаходжу адпачынак у больш спакойным Мюнхене, хоць гэта таксама горад з мільёнными насельніцтвам.

Праца прэс-сакратаром Бундэстага не змяніла маё жыццё. Як і раней, я працую разам са СМІ. Змяніўся, аднак, працоўны рытм СМІ, і сёння (асабліва ў анлайн-журналістыцы) ён больш не ведае межаў. 7 дзён на тыдні і 24 гадзіны ў суткі...

Мая праца так ці інакш працягваецца і познім вечарам, і на выхадных, і падчас водпуску — са мной заўсёды можна звязацца. Але я не скарджуся на гэта, гэта нармальная дзейнасць для прэс-сакратара.

— Што часцей за ўсё цікавіць журналістаў?

— Журналісты хочуць ведаць пра дэбаты, рашэнні парламента, задаюць пытанні пра інтэрв'ю, цікавяцца сінхронамі з прэзідэнтам Бундэстага...

Такія пытанні я чую дзень і ноч. 99 працэнтаў званкоў за дзень — працоўныя. Журналісты працуюць сёння пад цяжарам часу, усё робіцца хутка і патрабуе вялікай канцэнтрацыі. Прафесія і сфера дзейнасці не з'яўляюцца вельмі камфортнымі, але за дзесяцігоддзі працы я да гэтага прызвычаіўся, і, калі тэлефон не будзе званіць, мне будзе гэтага ўжо нeставаць.

Падчас водпуску час ад часу я бываю ў Аўстраліі, а там розніца ў часе з Германіяй складае 9 гадзін. Мой тэлефон часта маўчыць увесь дзень, і я пачынаю непакоіцца, што ён сапсаваўся (*усміхаецца*).

— Быць у кантакце з калегамі вельмі важна ў Вашай працы. Ці прадстаўлены Вы ў сацыяльных сетках?

— Я вельмі камунікатыўны чалавек, але перавагу аддаю жывой камунікацыі, а не віртуальнай. Як прэс-служба, мы назіраем, вядома, за журналісцкай камунікацыяй у сацыяльных сетках, але сам я іх не выкарыстоўваю.

— Магчыма, прэс-служба вядзе асобную старонку нямецкага парламента ў Фэйсбуку?

— У нас няма акаўнтаў у Твітары і Фэйсбуку. Іншыя парламенты ў свеце робяць гэта, нямецкі Бундэстаг — пакуль не. Некаторыя парламенты, праўда, таксама не. Амерыканскі кангрэс, напрыклад, у сацыяльных сетках таксама не прадстаўлены.

У парламенце кожны дэпутат гаворыць як прадстаўнік народа. У мяне няма паўнамоцтваў гаварыць ад імя свабодна выбранага парламентарыя, той павінен рабіць гэта сам (кожны дэпутат Бундэстага мае персанальны сайт і амаль заўсёды асабісты акаўнт у сацсетках. — *Заўв. аўт.*).

«Мы не можам вызначаць, якая газета першай атрымае ад нас адказ на свой запыт»

— Ці ёсць у Вас як прэс-сакратара такой буйной установы, як Бундэстаг, адмысловыя прэферэнцыі? Асобны працоўны мабільны ці службовы аўтамабіль, напрыклад?

— Так, працоўны мабільны ў мяне ёсць. Усяго ў мяне два мабільныя: працоўны і асабісты, але большасць спраў вырашаюцца, вядома, праз працоўны тэлефон.

— Можа, які абанемент? Магчыма, адмысловы касцюм пэўнага колеру?

— Усё, што я маю, — гэта працоўны кабінет з адпаведным тэхнічным абсталяваннем: тэлевізарам, відэамагнітафонам, камп'ютарам, — неабходнымі прыладамі для прафесійнай камунікацыі. У маіх калег, адказных за супрацоўніцтва з газетамі, радыё і тэлебачаннем, кабінеты выглядаюць падобным чынам. Больш нічога няма.

— Службовая машына?

— Не.

— Але ў Вас ёсць уласны аўтамабіль?

— Так. Але мне вельмі пашанцавала: я жыву зусім побач, і шлях да працы ў мяне займае толькі 15 хвілін. Гэта вялікая перавага. У Берліне аўтамабіль асабліва і непатрэбны: транспартная сістэма

развітая вельмі добра. Але ўласнае аўто ў мяне ёсць. Хоць у Берліне цяжка часам з паркоўкай. Таму час ад часу я езджу грамадскім транспартам: метро, рэгіянальныя лініі, аўтобус, трамвай.

— Але для гэтага Вам патрэбны білет або праязны. Ці Бундэстаг аплачвае гэтыя выдаткі?

— Не. Калі я еду, то плачу сам. Такіх рэчаў, пра якія Вы пытаеце, у нас няма. Кожны павінен плаціць за сябе сам.

— А ці маюць журналісты, акрэдытаваныя ў Бундэстагу, магчымыя зніжкі ці іншыя прэферэнцыі ў якім-небудзь спартыўным клубе ці дзесьці яшчэ?

— Важнае пытанне. Такіх відаў зніжак ёсць вельмі шмат. Але не толькі для акрэдытаваных у Бундэстагу журналістаў — для прэсы ўвогуле. Супрацоўнікам грамадскіх службаў у Германіі, аднак, забаронена карыстацца такога кшталту прэферэнцыямі. Трэба вельмі пільна звяртаць на гэта ўвагу, каб не трапіць у няёмкае становішча з такімі гісторыямі.

Незалежнасць журналіста — адна з ключавых каштоўнасцяў для гэтай прафесіі. Многія маюць з гэтым праблему, бо для нашага брата існуе шмат спакусаў (напрыклад, бясплатны праход на выставы або ў музеі пры наяўнасці журналісцкага пасведчання. — *Заўв. аўт.*).

Калі журналіст ідзе на мерапрыемства і пра гэта піша, то ад яго не патрабуецца плата за ўваход, бо гэта частка яго працы. Але журналісты могуць карыстацца гэтымі выгодамі і як прыватныя асобы. І тут трэба вельмі добра падумаць, ці гэта сапраўды ім патрэбна. Бо залежнасць ад гэтых прэферэнцый развіваецца вельмі хутка.

Нямецкі Бундэстаг вельмі актыўны ў сваіх прэвентыўных мерах супраць карупцыі. Гэтыя зніжкі праз карты клубаў і г. д. — гэта ўжо пачатак карупцыі. Хоць і на вельмі нізкім узроўні, але гэта ўжо карупцыя.

У нас нават ёсць адмысловыя «антыкарупцыйныя» трэнінгі, дзе тлумачыцца, што можа адбывацца і да чаго гэта можа дайсці, — у якой форме ты можаш сутыкнуцца з карупцыяй і як можна ад гэтага засцерагчыся.

Уявіце сітуацыю: у прэс-службу Бундэстага прыйшло 10 заявак на пэўную тэму. І трэба быць вельмі пільным, каб усе тыя СМІ, якія падалі заяўку, адчувалі аднолькавае да сябе стаўленне з нашага боку.

Было б цалкам няслушна, калі б нехта «абслугоўваў» найперш свой любімы СМІ. Гэта не дазволена, і так быць не можа. Усе павінны быць у аднолькавых умовах. Мы не можам вызначаць, якая газета атрымае ад нас адказ першай. Мы робім гэта ў тым парадку, у якім да нас паступілі заяўкі. Або рассылаем прэс-рэліз — і тады ў кожны СМІ інфармацыя прыходзіць адначасова. Гэта робіцца з прычыны раўнапраўя.

— Якія ўзаемадачыненні паміж журналістамі, акрэдытаванымі пры Бундэстагу? Сябруюць, выручаюць адно аднаго ці трымаюцца паасобку?

— Ёсць выпадкі, калі журналісты, якія працуюць у адной галіне ў розных СМІ, з'яўляюцца добрымі сябрамі. Але сёння такога сяброўства менш, чым раней, канкурэнцыя стала куды больш жорсткая.

СМІ знаходзяцца пад эканамічным прэсам і павінны працаваць хутчэй. Вельмі часта паўстае пытанне, хто атрымае навіну першым. Калі б быў конкурс на хуткасць, то калегіяльнасць прайграла б.

Многія сталыя журналісты, якія яшчэ памятаюць час у Боне (да 1998 года парламент ФРГ знаходзіўся ў гэтым горадзе. — *Заўв. аўт.*), шкадуюць, што калегіяльнасць у Берліне развітая паміж калегамі не так добра, як гэта было калісьці ў Боне.

Але гэта і пытанне пакаленняў. Маладыя журналісты часта ганарлівыя. Калегіяльнасць — добра, але кар'ера!

«Конкурс хуткасцяў», палавая роўнасць і заробак у журналістыцы

— З Вашага журналісцкага досведу: ці патрэбная палітычным журналістам прафесійная адукацыя? Магчыма, дастаткова толькі палітычнага кірунку ў вучобе?

— Няма такога кірунку, які б ідэальна рыхтаваў палітычных журналістаў. І каб працаваць у гэтай сферы, зусім не абавязкова вывучаць паліталогію. Я ведаю многіх гісторыкаў, эканамістаў...

Але журналісцкая адукацыя лішняй не будзе. Карысная яна найперш тым, што дае ўяўленне пра прафесійна-этычныя стандарты і прынцыпы працы з інфармацыяй. Пра правіла дзвюх крыніц. Пра праўдзівасць.

Але сёння, як я ўжо згадаў, гаворка часта ідзе пра хуткасць падачы інфармацыі. І ў гэтым «конкурсе хуткасцяў» праўда прайграе. Гэта, безумоўна, не аптымістычнае развіццё прэсы.

Да таго ж сёння пішуць ледзьве не пра кожную чутку: маркетынг патрабуе быць першым нават у асвятленні плётак. Калі мяне вучылі журналістыцы, то пра плёткі ніхто не пісаў. Гэта быў адзін з законаў прафесійнай этыкі...

Сёння хуткасць адыгрывае куды большую ролю, чым учора. І гэта найбольш засмучае калег, якія даўно ў журналістыцы: этычныя стандарты прафесіі больш не такія высокія, якімі яны былі раней.

Каб быць канкурэнтназдольным у гэтым «конкурсе хуткасцяў», рана ці позна астатнім таксама даводзіцца зніжаць свае этычныя стандарты. Гэта вельмі сумная тэндэнцыя.

— Існуе перакананне, што палітыка — гэта больш мужчынскі занятак. Як выглядае сітуацыя ў журналістыцы: ці шмат журналістак акрэдытавана пры Бундэстагу?

— Суадносіны ў цэлым — 50 на 50. Пол журналіста зусім не павінен адыгрываць якуюсьці ролю. Пытанне не ў палавой прыналежнасці журналіста, а ў праўдзівасці і якасці яго матэрыялаў. Але тэндэнцыя да павелічэння колькасці жанчын у прафесіі ўсё ж ёсць. У часы маёй маладосці было зусім па-іншаму.

Але сёння ўсё больш менавіта журналістак прыходзіць на змену — хлопцы больш не бачаць у журналістыцы крыніцу заробку. Хлопцы больш, чым дзяўчаты, зацікаўленыя ў матэрыяльным.

— Дзе нямецкія журналісты зарабляюць сёння найбольш?

— У бульварных газетах. Таксама ў пэўных часопісах і на тэлебачанні. Але ўсё залежыць ад эканамічнай паспяховасці канкрэтнага СМІ. Напрыклад, на пасадзе шэф-рэдактараў ёсць адмысловыя тарыфы аплаты, якія па ўзгадненні з заснавальнікам СМІ могуць павышацца або паніжацца. Грошы, якія зарабляе выдавецкі дом, часцей за ўсё зарабляюцца газетамі.

— Як з заробкам было ў Вас: Вы атрымлівалі больш, працуючы журналістам, ці ўсё ж на пасадзе прэс-сакратара Бундэстага?

— Істотна больш я зарабляў, калі працаваў журналістам. Але сённяшні мой заробак мяне таксама задавальняе. Грошы ніколі не былі маім жыццёвым арыенцірам.

«Мы не робім раздзялення паміж блогерамі і журналістамі газет ці радыё»

— Колькі журналістаў акрэдытавана сёння ў Бундэстагу?

— Ёсць некалькі груп акрэдытацый. Першая група — гадавая акрэдытацыя, другая група — часовая акрэдытацыя на тры месяцы. Вельмі шмат журналістаў просяць акрэдытацыю толькі на адно мерапрыемства, на адно пасяджэнне парламенцкага камітэта, на адно пленарнае пасяджэнне. Хтосьці дзеля гэтага нават адмыслова прыязджае ў Берлін з іншага горада.

Таксама ёсць адмысловыя профі, супрацоўнікі тэлестудый і г. д. — журналісты, якія пастаянна пішуць пра Бундэстаг, якія атрымліваюць акрэдытацыю на цэлы выбарчы перыяд у парламенце. Гэта так званая доўгатэрміновая акрэдытацыя.

У цэлым лічба журналісцкіх акрэдытацый за год вагаецца ад дзвюх да чатырох тысяч.

— На што звяртаецца асаблівая ўвага падчас акрэдытацыі ў нямецкі парламент?

— Найперш мы глядзім, дзе працуе журналіст. Напрыклад, калі ён уваходзіць у Саюз замежнай прэсы Германіі або мае пастаянную акрэдытацыю на федэральную прэс-канферэнцыю, то гэта вельмі пераканаўчы аргумент.

Звычайна той, хто запрошвае гадавую акрэдытацыю, павінен стала працаваць журналістам. Пры гэтым калега не абавязкова павінен быць палітычным журналістам. У нас ёсць журналісты эканамічных выданняў, медыцынскіх і інш.

Калі ж мы чалавека зусім не ведаем, то просім яго прадставіць доказы яго дзейнасці — журналісцкія матэрыялы. Журналістаў вельмі шмат, таму мы павінны мець нейкі крытэрый, каб вылучаць тых, каму парламенцкая акрэдытацыя сапраўды патрэбная. Бо інакш мы выдавалі б па 20 тысяч акрэдытацый у год...

Ёсць тут і крытэрый бяспекі. Асоба кожнага, хто запрошвае акрэдытацыю, правяраецца службай бяспекі. Але такія правілы ў кожным парламенце свету.

— Ці атрымліваюць журналісцкую акрэдытацыю ў Бундэстаг блогеры?

— Мы глядзім па сітуацыі. Блогеры ў нас, дарэчы, не рэдкасць. Адзін з прыкладаў — платформа блогераў netzpolitik.org. Там працуюць сапраўдныя профі. Яны пішуць пра аспекты лічбавага свету ў святле палітыкі і цікавяцца адпаведнымі законапраектамі.

Мы не робім раздзялення паміж блогерамі і журналістамі газет ці радыё. Яны ўсе так ці інакш журналісты, але яны павінны працаваць прафесійна і мець цікавасць да дзейнасці парламента. Тая ж сітуацыя з фатографамі.

Але адмовы таксама ёсць. Да прыкладу, па гадавую акрэдытацыю да нас звярнуўся чалавек, назваўшы сябе журналістам. Мужчына збіраўся штодзённа пісаць пра нямецкі Бундэстаг для аднаго японскага ўніверсітэта. Мы адмовілі яму ў акрэдытацыі, бо не паверылі, што нейкі японскі ўніверсітэт штодзённа будзе змяшчаць навіны з Бундэстага...

Але збольшага мы добра настроеныя, бо парламент — празрысты для СМІ і павінен быць грамадскім месцам.

— Колькі чалавек працуе ў прэс-службе Бундэстага?

— У нашай камандзе 10 чалавек. Дзве калегі адказныя за акрэдытацыю. Чатыры рэферэнты,

двое адказных за тэлефонныя запыты і дзве асобы, якія апрацоўваюць запыты СМІ па фота. І я — адзінаццаты — кірую прэс-службай.

— Вы не толькі кіраўнік прэс-службы Бундэстага, але і прэс-сакратар прэзідэнта Бундэстага Норберта Ламерта. Дзе абавязкаў больш?

— Тут усё залежыць ад навін. Напрыклад, нядаўна мы распаўсюдзілі прэс-рэліз, дзе гаварылася пра тое, што прэзідэнт Бундэстага не будзе сустракацца з прэзідэнтам Егіпта падчас яго візіта ў Берлін. Прычына адмовы была ў цяжкім становішчы правоў чалавека ў Егіпце.

І за гэтыя дні куды больш запытаў ад прэсы было менавіта па гэтым пытанні. Прэса канцэнтруецца заўсёды цалкам на нейкай канкрэтнай тэме. Вельмі папулярнымі былі запыты аб запісе сінхрона са спадаром Ламертам. Але гэта такая класічная схема ў СМІ, калі пра той ці іншы факт гаворыць вядомы «твар».

— Ці візуюцца такія матэрыялы?

— Звычайна, калі ў Германіі журналіст або здымачная група робяць інтэрв'ю з дэпутатам Бундэстага, то практыка візавання вельмі распаўсюджаная. Гэта не абавязак, але журналісты робяць гэта, бо палітык можа тое ці іншае выказванне крыху лепш сфармуляваць.

Калі ж журналіст гэтага не робіць і дэпутаты ведаюць, што магчымасці ўнесці папраўкі ўжо не будзе, то і іх выказванні будуць вельмі агульнымі. Не будзе канкрэтыкі, што вельмі важна для інтэрв'ю.

Думаю, гэта толькі на карысць, калі дэпутат можа ўнесці невялікую праўку або працягнуць нейкую думку ў сваім тэксце. Але, вядома, калі праўка невялікая.

— Ці праводзяцца для дэпутатаў адмысловыя курсы па медыятрэнінгу — уменні трымацца сябе перад камерай?

— У прэс-службе мы гэтым не займаемся. Ёсць асобныя службы па-за Бундэстагам, якія прапаноўваюць такога кшталту трэнінгі — часта з былымі тэлежурналістамі.

Але некаторыя палітыкі, якія даўно ў гэтай сферы, ужо самі сапраўдныя прафесіяналы ў абыходжанні з прэсай.

Я ж ведаю шмат калег, якія арганізуюць штосьці падобнае. Яны адмыслова трэніруюць палітыкаў і дэпутатаў, як трымацца перад камерай, вучаць іх пазбягаць памылак падчас сінхронаў, вучаць правільнаму акцэнтаванню, жэстам, міміцы...

— Ці Вы самі штосьці падобнае назіралі?

— Памылкі? (*Смяецца.*) Я сам пэўны час разам з двума калегамі (адзін з якіх быў тэлежурналіст) арганізоўваў нешта падобнае для прадстаўнікоў эканамічнага сектара — трэнінг перад камерай. Я кіраваў часткай семінара пра ўменне паводзіць сябе з прадстаўнікамі СМІ. Увогуле трэнінг закранаў нават пытанні гардэроба на жывы эфір, парады па радыёінтэрв'ю і інш.

— Як прэс-сакратару Норберта Ламерта ці даводзілася Вам штосьці яму падказваць, даваць нейкія парады наконт таго, як сябе трымаць ці што варта сказаць у той ці іншай сітуацыі?

— Прэзідэнт Бундэстага ўжо 10 гадоў на гэтай пасадзе і ўжо шмат гадоў як дэпутат. У яго вельмі багаты досвед. І не мне, які толькі тры гады на пасадзе прэс-сакратара, даваць яму нейкія парады. Гэта было б недарэчна. Але ён пытаецца ў мяне часам парады — не наконт зместу, а наконт журналісцкіх момантаў, датычных працы са СМІ.

— Ці арганізуюцца якіясьці сумесныя непрацоўныя мерапрыемствы з журналістамі, з якімі працуе прэс-служба? Сустрэчы па-за працай: заняткі спортам, сумесныя прабежкі ці наведванне саўны?

— Звычайна паміж намі толькі прафесійныя ўзаемадачыненні. Да таго ж журналісты заўсёды маюць нейкую працу. Журналістыкай можна або займацца на 100 працэнтаў, або не займацца зусім.

Я заўсёды кажу: журналістыка — не прафесія, гэта форма жыцця. Сумна не будзе ніколі. Будзе цікава, але праца будзе адбіраць вельмі шмат сілы і часу. Увогуле, гэта самая цудоўная прафесія ў свеце, але ў ёй шмат недахопаў...

Гутарыў Ілья Лапато,
фота аўтара

30 кіламетраў на журналісцкіх вёслах па Прыпяці

Фота Аляксандра ЗЯНКОВА

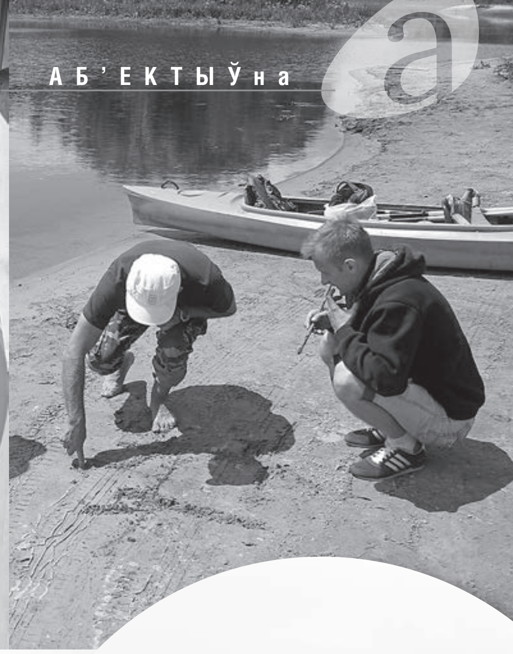
Журналісты з Брэста, Баранавічаў, Гомеля і Мінска паўдзельнічалі ў байдарачным прэс-туры, зладжаным Лунінецкай філіяй ГА «БАЖ», падчас якога пазнаёміліся з заказнікам «Сярэдняя Прыпяць» і з праграмай стварэння Ізумруднай сеткі Беларусі.

«Падабралася добрая каманда, якая праявіла сяброўскі дух і моцны характар», — заўважыў старшыня ГА «БАЖ» Андрэй Бастунец.

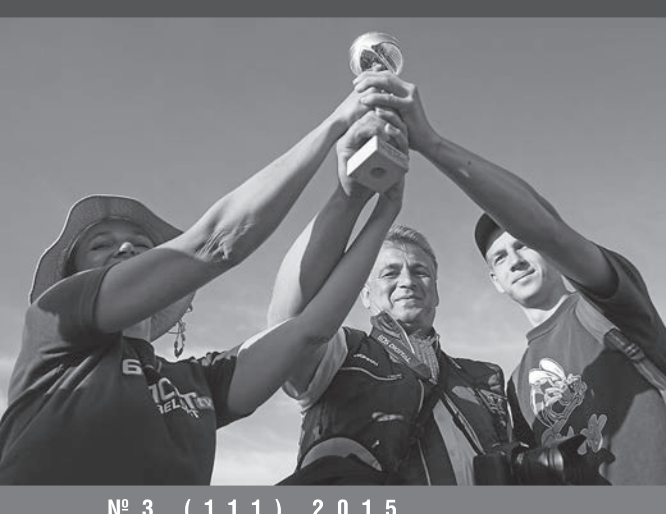
Гэта быў чацвёрты прэс-тур на вёслах, самы працяглы па кіламетражы.

Лунінецкая філія БАЖ гэтым разам зацвердзіла пераходны кубак байдарачных тураў па рэках Беларусі. Уладальнікам кубка стаў экіпаж у складзе Ларысы Шчыраковай (Гомель), Мікалая і Віталя Ільючыкаў (Лунінец).

Бывшие сотрудники газеты «Белорусы и рынок» запустили свой собственный интернет-ресурс *belrynok.by* 11 мая. В этот день газета, которая должна праздновать в декабре нынешнего года 25-летие, вышла без фамилий авторов — старых и новых, в выходных данных значилась лишь фамилия главного редактора. Это не просто другой дизайн, это другая газета, у которой теперь будет своя жизнь, а у нас — жизнь в интернет-ресурсе.

Ирина КРЫЛОВИЧ, belrynok.by, специально для «А»

НИКОГДА НЕ СДАВАЙТЕСЬ!

23 мая должно было исполниться ровно 20 лет с того дня, когда я впервые пришла в «Белорусский рынок». Я очень хорошо запомнила этот день, потому что редакция праздновала 40-летие первого заместителя главного редактора Александра Андреева — и мне сразу удалось познакомиться со всеми. А там уже работали Татьяна Маненок, Александр Алесин, Павел Быковский, Анна Жданович, Татьяна Калиновская, Константин Скуратович, Лариса Михальчук, Владимир Тарасов, а также Юрий Сезень, Елена Гринчик и Катя Шишкова, которые пришли в газету всего за пару недель до меня. Сегодня мы все по-прежнему вместе.

Из физиков — в лирики

Меня привел в редакцию Владимир Тарасов — мы с ним вместе «работали физиками» в НИИ ядерных проблем при БГУ. К тому времени он уже печатался в газете «Белорусский рынок», а я делала первые шаги в экономической журналистике в группе Павла Шеремета, к которому пришла по объявлению, увиденному на доске в главном корпусе БГУ. Именно он стал моим «крестным отцом» в профессии. Впрочем, тогда я видела себя специалистом по ценным бумагам и финансам, но никак не журналистом. Думала, что это временно, обзаведусь новыми нужными знакомыми, наберусь опыта и знаний и пойду искать дальше свое место в жизни.

Тогда газеты были вроде учебников по экономике. Я как раз переучивалась с физика на математика-экономиста на факультете бизнеса и технологий в БГУ. У нас был курс по ценным бумагам. Преподаватель на лекциях доставал газету «Белорусский рынок» и переписывал оттуда данные по результатам аукционов ГКО, поясняя, что означают все эти цифры, странные слова «цена отсечения», «средневзвешенная цена» и т. д. Это были мои заметки, мною набранные цифры и мои короткие комментарии к результатам аукционов. Поначалу было забавно наблюдать, как тебя учат по твоим же материалам, но быстро привыкла. Мне всегда везло на экзаменах, и в этот раз, как по заказу, мне достался билет с вопросом по государственным ценным бумагам. Преподаватель спросил, где я работаю, попутно читая фамилию в зачетке, и, услышав ответ, испытал гораздо больший шок, чем я, когда впервые увидела его у доски с моей газетой. Конечно же, автоматом поставил мне «отлично». Вот так тогда мы учились друг у друга — читатели и журналисты, — осваивая новые профессии и новую жизнь.

Наверное, каждый из нашей редакции может рассказать немало таких забавных историй о тех годах, когда мы были полны энтузиазма, работали в режиме 24/7, и это было не так уж сложно, а даже приятно, потому что мы чувствовали отдачу: росли тиражи, увеличивалось количество полос, можно было критиковать, обсуждать, дискутировать с чиновниками, под натиском прессы

менялось законодательство, и казалось, мы вот-вот добьемся демократии и рыночной экономики.

Через полтора года работы в газете я забрала свою трудовую книжку из НИИ ядерных проблем и принесла в газету. Мне было несложно уходить из физики, потому что физика была уже не так интересна, как жизнь, которая бурлила вокруг. Но мне было сложно покидать институт, где был потрясающий коллектив, где я чувствовала себя, как дома, и я до последнего оттягивала момент окончательного ухода. В начале 90-х в поисках работы, за которую платили бы больше 15 долларов в месяц, мне пришлось пройти через множество различных фирм и разных сфер деятельности, и мне казалось, что я уже никогда не смогу найти такой коллектив, в котором мне будет так комфортно и интересно работать.

Но еще в первый день прихода в газету я почувствовала, что люди, которые здесь собрались, подходят мне по мировоззрению. У меня не было серьезных проблем с вхождением в коллектив, и в конце концов я поняла, что редакция меня «засосала».

Журналистский дзен

А дальше была долгая работа, иногда просто выматывающая из-за жесткого графика. Из-за необходимости приспосабливать свою личную жизнь под события, может быть, важные для страны, но казавшиеся мелкими друзьям и родственникам, приходилось наталкиваться на непонимание близких: отказываться от посещения их дней рождений, свадеб, выездов на шашлыки и рыбалки, от обычных встреч в конце недели, то есть от всего того, из чего складывается жизнь нормальных людей.

Мы долгие годы «закрывали» газету по субботам, и мои постоянные ссылки на невозможность куда-то поехать в субботу стали притчей во языцех среди моих друзей, многие из которых никак не связаны с журналистикой и порой не понимали, почему я жертвую общением с близкими и приятными людьми ради общения с не слишком приятными чиновниками и работы, которая, как известно, «в лес не убежит».

Но мы жили по графику руководства страны, а руководство почему-то очень любило проводить в пятницу большие совещания, пресс-конференции, объявлять о кадровых назначениях и принимать судьбоносные указы. И получалось, что, работая в еженедельнике, на самом деле мы должны были успевать за один день подготовить не просто новостные заметки, а обзорные материалы и комментарии.

Такой график работы требует предельной концентрации в конце недели или в определенные дни. Это такой журналистский профессиональный дзен — научиться управлять своим вдохновением и мозгом, чтобы не откладывать на завтра то, что ты просто обязан написать сегодня. С годами приспособился и организм: он перестал болеть по пятницам и субботам, а успевал пережить ОРЗ в начале недели или отложить болезни на праздники.

Это еще одна особенность журналистского труда — необходимость оставлять в своей жизни место для форс-мажора. Что-то может случиться в мире или в стране, и придется поменять свои планы, переверстать уже сверстанный номер, срочно написать материал по теме, с которой ты, возможно, раньше не сталкивался.

Но человеку сложно раскрепостить свой разум и творческие способности просто по щелчку в конкретный момент или в рабочее время с 9 до 18. Поэтому так важно, чтобы у каждого журналиста было «прикрытие», была команда, где в нужный момент найдется человек, который выйдет на передовую, заменит кого-то или подставит плечо, что-то дошлифует, подправит, перепроверит, закроет «дырки». Чтобы сделать газету, в которой помимо жесткого графика выхода есть еще и жесткий объем, недостаточно одного-двух — пусть и великолепных — материалов. Это такое конвейерное производство интеллектуального труда, где каждый вносит свою посильную лепту, чтобы получился очередной номер, в котором нашлось бы что почитать любому, кто купит газету.

Когда-то давно, когда я поняла, что нашла в своей жизни настоящую любимую работу, я вдруг подумала о том, что в советской юности мне даже в голову бы не пришло выбрать профессию журналиста. Газеты в то время казались мне бессмысленным набором речей генерального секретаря ЦК КПСС и официальной информации. Нет, были, конечно же, «Литературка» и «За рубежом», были журналы, в которых работали великие писатели и поэты того времени. Их было мало, но, слава Богу, они были. Именно они давали надежду на то, что человек с собственным мнением, с независимым взглядом на жизнь может не просто найти свое место, но еще и иметь возможность установить связь через свои статьи с теми, кто думает так же, как и он.

Читатель — спасатель

Номер выходил по понедельникам и попадал в киоски только к вечеру, а подписчикам — во вторник утром. По вторникам у нас в газете всегда была планерка, и я ездила на работу на метро в этот день. Почти каждый вторник в моем вагоне метро находился хоть один человек, который читал «Белорусский рынок». Иногда даже удавалось посидеть рядом с «нашим читателем» и проследить

за тем, как он читает номер. И вдруг я понимала, что он читает именно мой материал, который я все еще помню до каждой запятой, но текст уже как бы не мой, он существует как часть газеты, а я вот сижу тут рядом — и совсем ни при чем.

Настроение всегда поднималось. И это было ни с чем не сравнимое чувство, когда ты понимаешь, что человек обладает полноценным продуктом, которого еще не было всего пару дней назад. Было лишь несколько полос, которые потом, возможно, переверстали, были идеи в головах у журналистов, которые стали потом полноценными статьями. Ну, то есть, «когда б вы знали, из какого сора…». И вот оно — творение, напечатанное на бумаге, которое потом уйдет в архив, а может быть, его выбросят или положат на пол во время ремонта. Ничего страшного, ведь мы сделаем новый номер, мы снова напишем о том, что нас волнует и задевает, о том, свидетелями чего мы стали, напишем свои мысли и приведем свои аргументы.

В какой-то момент нас стали узнавать, с нашим мнением стали считаться, нас приглашали на конференции, к нам приводили студентов. Журналисты превратились в экспертов, которых цитировали другие журналисты. Возможно, это не совсем правильно с точки зрения каких-то стандартов, но и наша страна была очень далека от них все это время. Так сформировалось издание, которое, как нам казалось, не похоже на другие. В нем был собственный стиль, возможно, тяжеловатый, но и в этом был свой шарм. В нем были авторы, к которым читатели привыкли за много лет, и открывали газету именно на той полосе, где ожидали их увидеть. Мы могли пойти на какие-то временные компромиссы с властями или с бизнесом в силу сложившихся обстоятельств, чтобы сохранить газету и не прервать выпуск, но никогда не шли на компромисс со своим мировоззрением и жизненными принципами и не готовы были терять свою независимость.

Временами бывало очень тяжело. С определенного момента страна стала жить пятилетками в экономике, а в политике — электоральными циклами. Каждый раз — надежды, всплеск читательского интереса, а потом — уныние и депрессия. Ничего не меняется, ходим по кругу, пишем об одном и том же. «Мы написали об этом уже 1000 раз» — такой заголовок родился у нас в 1000-м номере газеты, который вышел в конце апреля 2012 года. Иногда казалось, что мы уже никому не нужны, и не хотелось ни писать, ни работать.

Спасали читатели. Когда кто-нибудь из знакомых вдруг позвонит и скажет: «Вышел из отпуска, вернулся в страну, купил газету. Подумал: ну если «Белорусский рынок» все еще выходит, значит, в этой стране еще можно жить».

Вот так же читатели вернули меня в газету год тому назад, когда издание уже собиралось закрываться. Все вдруг вокруг заговорили: «А что же мы будем читать? Ведь если вы уйдете, вас никто не заменит».

Вот мы и решили заменить себя сами. Теперь, когда газета хоть и не закрылась, но изменилась, в ней не нашлось бы места для многих из нас. Мы были командой, которая могла работать только вместе. И решили ею остаться.

Мы пришли в журналистику на волне свободы слова и независимости — и почувствовали вкус этой профессии. И мы прожили эти 20 лет со вкусом и знаем, что будущее есть всегда. Поэтому хотим сказать всем тем, кто верит в профессию и верит в людей, которые нас окружают и читают: «Никогда не сдавайтесь!»

Сегодня я вижу, как меняется отношение к профессии: журналистов снова стали воспринимать в лучшем случае как трансляторов чужого мнения, а в худшем — как обслуживающий персонал. И если в советские времена тружеников пера превращали в литературных негров, то сегодня все эти фабрики троллей и копирайт-агентства штампуют из журналистов литературных роботов, которые пишут буквы, складывая их в слова и предложения по заданной кем-то программе, порой при полном отсутствии в тексте хоть какого-то смысла.

Фейсбук предлагает СМИ альянс: «и хочется, и колется»

Крупнейшая социальная сеть Фейсбук создает платформу для газет и журналов Instant Articles.

Ксения ГОГИТИДЗЕ,
Би-би-си, Москва

Проект социальной сети, теоретически способный в долгосрочной перспективе изменить облик медиапространства, предлагает информационным агентствам, печатным и онлайн-СМИ размещать статьи на новой платформе, адаптированной к мобильной новостной ленте Фейсбука, вместо прямых ссылок на собственные сайты.

Для новостных организаций, стремящихся нарастить аудиторию, предложение Фейсбука звучит заманчиво, ведь молодежь давно перестала заходить на сайты онлайн-СМИ в поисках информации, которую черпает почти исключительно в новостной ленте соцсети.

В пробном эксперименте, в рамках которого опубликованные статьи будут содержаться на серверах Фейсбука, согласились участвовать девять крупных медиаигроков. Среди них «National Geographic», «New York Times», «Buzzfeed», «Guardian» и Би-би-си.

Фейсбук и сейчас предлагает газетам размещать ссылки в новостной ленте, но переход на сторонний сайт в среднем отнимает у пользователя восемь секунд, посчитала социальная сеть.

С Instant Articles текст будет загружаться мгновенно, утверждают разработчики проекта. Помимо текста, при оформлении статей можно будет размещать фотографии, фотогалереи, аудио- и видеофайлы, анимацию, вставлять карты и пользоваться другими интерактивными возможностями.

Пользователи будут иметь возможность «лайкать» и комментировать отдельные части статей.

Некоторые СМИ смогут создавать для платформы Фейсбука специальные материалы, другие, в их числе Би-би-си, от этого откажутся, так как не захотят размещать на серверах Фейсбука что-то, что не доступно на собственном сайте.

Би-би-си планирует продвигать с помощью новой платформы в рамках эксперимента программу Newsbeat.

Медиаорганизации признают, что глупо не участвовать в начинаниях, которые позволили бы отправить контент в смартфоны Фейсбук-юзеров. Как сказал Би-би-си руководитель одной крупной медиаорганизации, «в доступе к мобильным устройствам Фейсбуку равных нет».

С другой стороны, журналисты понимают всю опасность передачи управления контентом третьему лицу, которое будет само решать, что показывать в ленте пользователей, а что — нет.

Все в Фейсбук!

Основанная в 2004 году Марком Цукербергом социальная сеть сейчас всерьез взялась за развитие мобильных технологий и, по признанию интернет-экспертов, хочет всюду следовать за пользователем.

«Истоки Фейсбук Instant Articles в желании социальной сети, которая уже давно не социальная сеть, а самостоятельный “интернет в интернете”, стать для пользователя всем. Чтение статей — существенная часть нашего медиапотребления, логично, что и здесь Фейсбук не хочет выпускать пользователя за пределы своей платформы», — признает в разговоре с Русской службой Би-би-си интернет-эксперт Антон Меркуров.

Почему именно новостные организации согласились участвовать в проекте Фейсбука, не говорится, ведь теоретически сайты в перспективе потеряют часть своего трафика, который отойдет соцсети.

С другой стороны, СМИ не могут отказываться от новой, потенциально большой, аудитории, которую способен им предоставить Фейсбук.

«Именно здесь [в Фейсбуке] и сидят все читатели. Это слишком масштабно, чтобы позволить себе это игнорировать», — цитирует «Washington Post» медиаконсультант Вивиан Шиллер.

Как свидетельствует посвященное американской прессе исследование центра Pew, почти половина американцев, пользующихся интернетом, получают новости из соцсети. Сейчас Фейсбук с 1,4 млрд пользователей в месяц является одной из самых популярных социальных сетей в мире.

«Для компенсации потерь от социального трафика Фейсбуку пришлось дать издателям возможность не только явного брендинга материалов, но и сохранения собственных рекламных блоков», — объясняет Меркуров.

Фейсбук обещает дать медиагруппам полный контроль над тем, как выглядит их материал, который будет выходить под логотипом того или иного СМИ, а также предоставить СМИ счетчики просмотров каждой статьи.

Кроме того, Фейсбук предлагает издателям заработать на своем контенте, монетизировав его с помощью встроенной рекламы.

Если СМИ будут использовать свою собственную рекламу, вся выручка достается изданию, если же будут пользоваться рекламой через сеть Фейсбук Audience Network, то в этом случае 30 % выручки получает соцсеть, 70 % — медиагруппа.

Фейсбук — редактор?

У медиаигроков остается еще много вопросов, на которые на данном этапе ответов нет.

«Сколько именно статей будет публиковать Фейсбук?»; «Как "New York Times" будет отстаивать независимую журналистику, если, например, газета решит провести журналистское расследование в отношении Фейсбука»?; «Что будет, если Фейсбук решит вмешаться в отношения газеты с читателями?» — этими и другими вопросами задается, в частности, обозреватель «New York Magazine» Габриель Шерман.

Средства массовой информации также хотели бы понимать, смогут ли они благодаря подобному альянсу увеличить аудиторию.

Фейсбук же уверен, что читательская аудитория не только вырастет, но и медиаигроки смогут заработать на своем контенте.

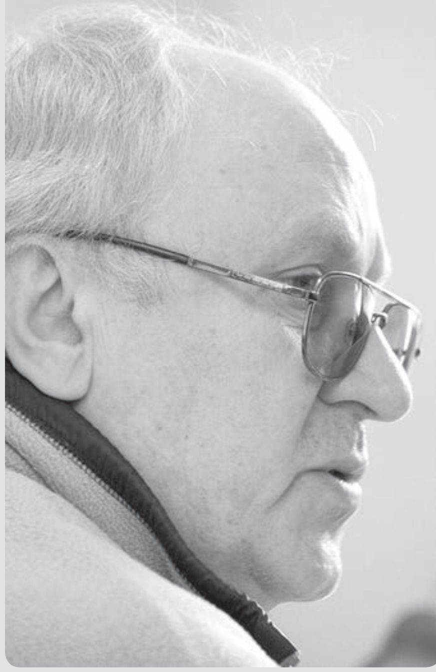
Несмотря на уверения самой компании, что соцсеть является технологической, а не медиаплатформой, алгоритм расстановки в ней новостей фактически заменяет собой редактора, который решает, что показывать пользователям, а что — нет.

Медиагруппы боятся оказаться уязвимыми для Фейсбука, если социальная сеть решит вдруг поменять алгоритм расстановки или изменить условия сотрудничества.

Фейсбук и так уже во многом богаче любой традиционной медиакомпании, отмечает аналитик Би-би-си Рори Селлан-Джонс, и на это богатство накладывается влияние на то, как аудитория узнает новости.

У подобного успеха, тем не менее, может быть и обратная сторона, предупреждают интернет-эксперты.

«Перспективы "поглощения" социальной сетью медиаресурсов, конечно, не радостные, но компенсируются тем, что Фейсбук далеко не единственный источник социального трафика. Одна из причин успеха — это любовь медиа, именно так разошлась по миру кнопка Like. Если "сделка" перестанет быть выгодной, издатели начнут инвестировать силы в другие платформы дистрибуции, и Фейсбуку не поздоровится», — предполагает Меркуров.

Леонид ЗАИКО, научный обозреватель, специально для «А»

Пришел классический кризис.

Мне не раз приходилось говорить профессорам Андрею Вардомацкому и Олегу Манаеву, что в социологических исследованиях о 1990-х и 2000-х годах не стоило и спрашивать о кризисе — хозяйство страны имело высокие темпы положительного прироста. Была очевидна динамика внешних и внутреннего рынков, прирост доходов опережал результативность ВВП.

Вопреки традиционным жалобным стенаниям, наш бизнес мог купаться в шампанском. Так, на внутреннем рынке из года в год продажи прирастали на 15–20 %. Бизнесмены деньги складывали не в кубышку, а покупали порше, строили коттеджи. Конечно, не все и не сразу. Продажи и доходы работали по рыночному равновесию Парето.

За счет российской нефти и газа страна быстро пошла вверх по доходам. Зарплата выросла с 40 долларов до 600, но «на дворе» уже был кризис.

Именно в это время социологи констатировали наличие высокого числа «кризисных» ответов. Кризиса не было, но люди его видели на примере своего собственного существования. Они страдали от инфляции, плохих жилищных условий (страдают и сейчас), боялись потери работы (в центрах занятости регистрировалось суммарно 20–40 тысяч безработных). В старой, советской действительности, как выяснилось, жили почти при коммунизме, но этого не понимали. Сейчас жили — до последнего времени — в условиях подъема, роста. Но полагали, что это был кризис.

Кризис «прорвался» именно в нынешнем 2015 году, хотя он медленно вызревал последние полтора года.

Парадигмальность страны

Не все хотели о кризисе думать, а тем более — говорить. Пока не начались остановки производства, не раздались призывы «сохранить рабочие коллективы». Давайте положим страну на сохранение — таково предложение чиновников и политиков, которых давно пора бы поменять. Может, именно сейчас и время для этого пришло? Самое то?

После недель и месяцев неполной занятости люди стали чувствовать себя дискомфортно. Боятся увольнений, как

КРИЗОФИЛИЯ: номенклатурный парадокс

Стратегия белорусской власти — странная, в лучшем случае. Набор рефлексий. Просто дергаемся под давлением не то погоды, не то цен на нефть. Какая-то циклическая неразбериха. Кризис, особые отношения с Россией, торжество евразийства...

говорится, едят глазами начальство. Но бесполезно — двух-, четырехдневные рабочие недели стали в ряде регионов нормой.

По мнению трудящихся, равно как и «тунеядцев», которых, по официальным данным, у нас около полумиллиона, нам стало трудно. Социолог Олег Манаев выявил, что еще год назад, когда трудности не были столь заметны, 46,2 % белорусов считали, что экономика развивается в неправильном направлении. А 54,6 % — что белорусская экономика находится в кризисе. Парадокс предвидения? Вряд ли — для значительной части белорусов после 1986 года кризис все развивался, усиливался. И конца-края ему не видно.

Нынешнее время отличается от горбачевского. От первых месяцев после провозглашения курса на рыночную экономику — с номенклатурным «прикусом». Тогда кризис был внутри самой политической системы, она только скрывала реалии неэффективной экономики. Власть обманывала самое себя, и очень долго это длилось. Сейчас кризисность вышла наружу. Любовь к собственному кризисному состоянию, которую можно назвать кризофилией, стала видна невооруженным глазом.

Очень интересным и доминантным признаком регионализации нашего кризиса является то, что в 2015 году самым кризисным местом в стране стал Минск. В столице падение промышленного производства составило 15,8 % при национальном показателе в 7,3 %. Менее всего падение промпроизводства коснулось Минской области (объем 100,5 % к прошлому году, даже небольшой прирост). Промышленность Бреста, что удивит многих, обошлась минимальным снижением. Уровень выпуска промышленной продукции к 2014 году там составил 99,3 %.

Самым уязвимым местом оказалась столица. Столица просто упала! А в ней столько начальников, руководителей, аналитиков, бизнес-консультантов… И никакого толка! Просто неприлично: пишут отчеты, доклады, руководят страной, но самые плохие результаты промышленной политики именно там, где принимаются главные решения.

Может, именно это и подталкивает к созданию министерства промышленной политики? Приходилось самому предлагать это в рамках административной реформы страны, говорить о реструктуризации правительства, которое по своей структуре остается просто железобетонным. По моему мнению, мы можем легко закрыть министерство экономики, промышленности, торговли. Вместо этого калейдоскопа усердных чиновников учредить просто «Национальное бюро экономической политики», где 50–70 служащих было бы достаточно для эффективной деятельности.

Кризис — это время обновления, новых инвестиционных решений. К сожалению, их нет, а есть спорадические действия, направленные на модернизацию старых отраслей (деревообработка, камвольное производство). Более серьезные и прорывные решения пока не состоялись.

Суррогатом стала идея формирования китайского домена развития в Минской области. «Портфель прорывов» уже сейчас демонстрирует, что «Великий Камень» будет далек от инноваций передовых стран. Надежды на то, что китайские товарищи решат наши проблемы, просто наивны.

Что это? Боязнь серьезных изменений технологического базиса страны? Скорее всего, именно так дело и обстоит.

А мы уже сейчас должны принимать оперативные решения. Выручка от наших товаров, продаваемых за рубеж, в суммарном стоимостном выражении сократилась на 30 %. И шансов на изменение ситуации практически нет — пока одни призывы к поиску новых рынков, наращиванию экспорта.

Что хорошо — так это внятность ситуации. Растет осознание объективности процессов, по этой причине суммарное снижение спроса на импортные товары реально также составило 30%. Ободряющая синхронность — так можно справиться с дисбалансами, с завышенными ожиданиями.

Самый серьезный фактор, который призван отрезвить, — снижение экспортных цен на 29,1 %. Мы не можем управлять внешними ценами. И никогда не сможем это делать, нет у нас таких монополистических товаров. Да и не будет. Что бы ни делали, но цены, как результат производственной деятельности, формируют рыночные сигналы. Вот сигнал нашему правительству и производственникам: наши товары стали дешевле на 30 %.

На всех рынках, кроме… внутреннего. Таков наш свой, «родной» парадокс. Статистика показывает рост внутренних цен, что говорит о дисбалансе товарных и денежных потоков и заставляет задуматься: а каков же реальный курс белорусского рубля?

Внешние цены стали удивительно низкими. Средняя цена тонны нефти, которую мы экспортируем, составила за первые месяцы 2015 года 363 доллара. Мы просто перепродаем российскую нефть, особенно в Германию. Покупаем же в России по 226 долларов за тонну. Удачные мы с вами бизнесмены, не правда ли?

Куда стране пойти?

Посмотрим на ситуацию геоэкономической стратегии. Какие векторы экспорта и импорта развиваются у нас, и как они меняются? Свыше 20 лет мы реализуемся в геоэкономическом пространстве достаточно сбалансированно. Примерно ⅓ экспорта-импорта приходится на Россию, ⅓ — на ЕС, по 10–12 % (подвижно) — на «остальные страны и СНГ».

Вариантность устойчивая. Собственно, такая многовекторность нам объективно дана исторически и географически. Вопрос в деталях, а они изменчивы.

В 2015 году по векторам экспорта лидирует ЕС, продажа белорусских товаров в который составляет 38,9 % экспорта. Россия как покупатель белорусской продукции идет следом с долей в 34,4 %. СНГ занимает во внешних продажах всего 11,2 %, а вся «другая» глобальная экономика — 15,5 %. Последний показатель включает США, Китай, Индию и все другие страны (128 государств покупают наши товары). Однако 18 стран в этом году ушли из наших внешних сделок. Конкуренция и кризис, конечно, повлияли на эту ситуацию.

Визит китайского лидера вызвал к жизни ряд скоропалительных оценок по поводу геополитической и геоэкономической ситуации. Особенно в этом начали усердствовать непрофессионалы. Китай и ЕС, по их мнению, стали бороться за Беларусь. Прямо детектив какой-то обещается!

На самом деле Беларусь оказалась в самом кризисном положении, абсолютно кризисном, и толки о том, кто даст денег и поможет элите-лидеру, по сути — обсуждение уровня собственной неполноценности. (Сам комплекс такой неполноценности сформировался давно.)

По товарообороту с Китаем ситуация как будто положительная. Прирост продаж нашей продукции составил 7,1 %. Позитив налицо, но суммарные агрегаты поставок товаров в Китай в 10 раз меньше, чем в Россию. Вот — для сравнения — в Латвию наш экспорт прирос на 45 %. В стоимостном выражении наши поставки в Латвию и Китай близки. То есть по вектору экономической активности Китай нам пока важен, как Латвия. Они — сбытовое пространство приблизительно равного объема.

Стоит ли после этого возвеличивать роль Китая в наших экономических интересах? Объективно к этому показаний нет. Да и 7 млрд долгов, которые мы наберем и за них купим оборудование в Китае, больше вызывают подозрение, чем радость.

Двадцать лет назад, после возвращения из Китая, где я занимался научной работой, мне приходилось писать, что Беларусь может стать плацдармом Юго-Восточной Азии в Европе. Социально-политическая родственность двух стран очевидна в определенной степени. У них красные флаги, у нас — красно-зеленые. Там номенклатура у власти, у нас она и часть неономенклатуры. Вера в справедливость, марксистская образованность. У них — явно, у нас просто на улице Карла Маркса вся администрация сконцентрировала власть.

Китайцам нечего делать ставку на нынешние Украину или Молдову. Те ориентируются на вхождение в ЕС, Китаю с ними не по пути. Балтика для Китая чужда и неприемлема: в Китае песня «Катюша» — любимая народная, а в Латвии она вызывает психологическую кому. Таким образом, Беларусь китаизирована имплицитно, осталось добавить ряд важных штрихов. Что немаловажно: расселить несколько сот тысяч китайских молодых мужчин в стране вечнозеленых помидоров. А уж покраснеют они точно после такой локализации.

Но Китай не будет соревноваться с ЕС по вовлечению Беларуси в сферу своего геоэкономического влияния.

А ситуация в торговле с ближайшими соседями выглядит, мягко говоря, неприятно: экспорт из Беларуси в Россию в этом году упал на 40 %.

Наши продажи «просели» не только на рынках главного союзника. Так, белорусский экспорт в Германию упал на 43,4 %. От продаж наших товаров в Украину осталось к весне этого года всего 57,7 %. Казахстан на ¼ лишился наших товаров. И это реалии 2015 года. Так, по крайней мере, он начался. Эффективность Таможенного Союза с обещанием формировать новое «прибыльное» геоэкономическое пространство оказалась нулевой, хотя пафоса было много, да и сейчас слишком много.

Понять, что прежних внешних условий уже не будет, часто не получается. Мы были относительно свободны до последнего времени. Ладно, находились в «гражданском браке» с Россией. Но могли и публично нервничать, показывать свою «волю», менять настроение. Иногда журналисты это воспринимали как торговые войны. Не было таких войн. Были квазисистемные различия в самоидентификации их и нас.

Но уже подписаны системные документы. Много документов, а философия свободных рынков товаров, услуг, капитала, рабочей силы и, что важнее, — человеческого капитала — далеко не срабатывает.

Испуг, вызванный не столько инвазией российских товаров, сколько провалом собственных традиционных рынков, привел к опасному заявлению, что надо искать иные рынки. Не в России, а где-то. Сами себя послали подальше. Это уже было с нефтью, когда завозили танкерами (причем малотоннажными) из Венесуэлы. По 800 долларов за тонну, когда российская обходилась по 420. И где выигрыш? По существу грохнули в итоге свой рубль, весь 2011 год не могли выровнять соотношения между мировыми и суррогатными деньгами.

Наша стратегия, вообще, странная — в лучшем случае. Набор рефлексий. Просто дергаемся под давлением не то погоды, не то цен на нефть. Какая-то циклическая неразбериха. Кризис, особые отношения с Россией, торжество евразийства, при котором наш экспорт в страны — партнеры по ЕАЭС падает.

И тут же сенсация: продажи белорусской продукции в США увеличились в 2,5 раза. 250 % взлета наших экономических отношений! Победа! Если не знать, что наши продажи в США в стоимостном выражении в 33 раза меньше, нежели в Россию.

В стране, где уже не думают охваченные кризофилией чиновники, людям надо срочно научиться думать, сравнивать, сопоставлять.

Запорожье на фоне войны

Запорожье — удивительный регион. Он совмещает в себе абсолютно противоположное отношение к происходящему на востоке страны, но большинством давно уже выбрал свободную Украину.

Наталья ВЫГОВСКАЯ, специально для «А»

В регионе продолжается активное волонтерское движение в поддержку АТО, армии помогают даже дети, плетя защитные сетки. Вместе с тем растет число тех, кто уклоняется от призыва. Здесь очень неоднозначно относятся к переселенцам — и в то же время помогают им, как своим родственникам. С самого начала войны на востоке области кто-то мечтал последовать за Донецком и Луганском: призрак Запорожской народной республики долго носился в воздухе. Последний всплеск идеи «русской весны» случился накануне Дня победы, 9 мая 2015 года. Но он так ничем и не закончился. Запорожцы привыкли к войне под боком, как, собственно, всегда умели привыкать ко многому, и, несмотря на разочарование, апатию и усталость, остаются верными своей стране.

Граница

Запорожский регион противоречив. Бердянск — курортный город на берегу Азовского моря, стратегически важный объект не только для Украины. Он находится менее чем в 40 километрах от границы с Донецкой областью. Этот курортный оазис — постоянно под прицелом. Иногда — буквально. В прошлом мае, во время досрочных президентских выборов, правоохранители конфисковали большую партию оружия, с помощью которого, утверждают они, планировалось занять административные здания в Бердянске, а затем захватить власть. Не захватили.

Валерия Буханова, главный редактор газеты «Бердянские ведомости», рассказывает о том, что бердянцы еще год назад решили, что хотят жить в Украине, поэтому оккупантов никто не звал: «Пророссийские митинги горожане разогнали еще год назад, без помощи властей. Не дали захватить исполком, устанавливать порядки. По крайней мере, мне неизвестны люди, которые бы жалели, что живут в Украине. Хотя многие недовольны действиями нынешней власти — и на городском, и на всеукраинском уровне. Экономический кризис, высокие тарифы, падение курса гривны повлияли и на нас».

По словам Валерии, сейчас в Бердянске тихо и спокойно. Многие искренне помогают армии, так как понимают: именно от нее зависит спокойствие в городе. В Бердянске, как и в Запорожье, часто можно увидеть военных и военную технику, и именно поэтому люди чувствуют защищенность.

Чего не скажешь о ситуации в Розовском районе Запорожской области. Розовский район — самый близкий к Донецкой территории: районный центр находится буквально в пяти километрах от границы. Территория депрессивная: здесь отсутствует производство, соответственно, негде заработать деньги, и жизнь, кажется, остановилась. За последние 10 лет, рассказывает уроженка этого района, журналистка **Ирина Дубченко**, Розовский район не посетил ни один губернатор. Розовка — единственный районный центр Запорожской области, где не было ни одного Майдана. Розовка — это зона опасного невежества, и 99% таких «розовок» стремятся к заветной Новороссии. «За последний год ситуация ничуть не изменилась: здесь по-прежнему ждут Путина. Год назад у меня был шок, когда я увидела, что здесь подавляющая часть телеканалов — российские. Население верило в хунту, бандеровцев, которые приехали, чтобы "всех убить и поселиться на нашем черноземе". Если добавить к этому непрерывное движение по улицам военной техники: танков, БТРов, "ГРАДов" и "Ураганов", — становилось совсем страшно, и люди готовы были поверить во что угодно. Тогда господствовал страх, так как такое количество людей с оружием не могло вызывать других эмоций», — рассказывает Ирина.

Она приводит сравнение: из Розовки только двое мужчин ушли служить добровольцами

на стороне Украины, еще двоих призвали в Вооруженные силы Украины, восемь же человек отправились воевать в ДНР. «Знаете, здесь чувствуется запах войны, но здесь не ощутили того горя, которое может ворваться в дом вместе с дешевым деревянным гробом, накрытым желто-голубым флагом. Здесь ежеминутно видят людей с оружием, но уже относятся к этому как к неотъемлемой части своей новой жизни: отголоски этого они слышали "где-то там, на блокпосте", — продолжает Ирина. — Они готовы возопить свое страшное: "Путин, приди!" — и склонить головы перед террористами и оккупантами. Они, брошенные властью и никому не нужные, свято верят в то, что там, в ДНР, их ждет "светлое будущее"…»

Власть

Поводов разочароваться и поверить в несуществующие мифы украинская власть давала региону достаточно. Запорожье — территория контрастов. Область, которая в свое время отдала 41 % голосов в поддержку Партии регионов, удивила всю страну тем, что массово поддержала Майдан. Тогда, зимой 2014 года, ни проплаченные митинги от Партии регионов, ни угрозы несогласным на предприятиях и в госструктурах, ни давление на активистов Майдана не смогли переломить ситуацию: жестокий разгон Майдана в Запорожье в январе только подтвердил намерение людей стоять за Украину до конца. Так и стоят. При этом на выборах в Верховную Раду в октябре 2014 года Запорожье снова выбрало не демократические силы, а видоизменившуюся Партию регионов — Оппозиционный блок, который получил больше всего поддержки из всех возможных вариантов — 22 % против 17 % Блока Петра Порошенко.

Возможно, причиной этому стала и непонятная чехарда с ключевыми статусами области и областного центра. После Майдана новая власть прислала в область нового губернатора со старыми «региональными» связями. Валерий Баранов — экс-советник одного из главных «регионалов» того времени Владимира Рыбака, экс-председателя Верховной Рады, — конечно, в губернаторском статусе уже транслировал новые, демократические идеи. Но осадок у запорожцев остался. **Роман Пятигорец**, глава областного отделения Комитета избирателей Украины, политолог, до сих пор не может понять, каким образом делался выбор: «Я не представляю, как на должность губернатора могли поставить столь одиозного экс-регионала, который в свое время сильно влиял на ситуацию в своем регионе и был близок к "Семье"». Это непонимание вызвало первую волну разочарования решениями центральной власти не только у экспертов.

Валерий Баранов впоследствии попытал счастья на парламентских выборах, проиграл и по собственному желанию ушел и с должности главы облгосадминистрации. Несколько месяцев область была без руководителя. Создавалось впечатление, что Запорожье — прифронтовая зона, стратегически важная территория с точки зрения сохранения и укрепления целостности Украины — просто не интересует центральную власть. После назначения нового губернатора в конце февраля 2015 года Запорожью окончательно показали его место. Валентин Резниченко, доверенный человек президента, руководил областью целых 33 дня, после чего его стремительно назначили главой Днепропетровской области. Он уехал тихо и незаметно. Без объяснений. Хотя, конечно, объяснения были: Игорь Коломойский перестал быть главой Днепропетровской области, и ему мгновенно нашли замену. За счет нашего региона.

Запорожью же оставили компромиссного для всех политических сил Григория Самардака, до этого момента выше уровня первого заместителя никогда не доходившего. На его представление президент даже не приехал, а прислал одного из многочисленных чиновников. «У Григория Самардака влияние в регионе практически нулевое. Наш губернатор — менеджер проблем. Он может собрать всех и сказать: "У нас проблема!" Но она не будет решаться, так как он не обладает возможностями Саакашвили (губернатор Одесской области) или Москаля (губернатор Луганской области)», — резюмирует **Роман Пятигорец.**

Странно выглядит и ситуация с главой Запорожского областного совета: им по-прежнему является Виктор Межейко, основной фигурант по делу о разгоне Майдана. Предполагается, что именно с подачи Межейко в ту тяжелую зиму в здании областной администрации находились так называемые «титушки»: они там ели, отдыхали, как впоследствии выяснилось, портили имущество и готовились к штурму мирного населения. Но суд — судом, а пока Виктор Межейко пользуется всеми привилегиями своего статуса, ездит за границы и представляет Запорожскую область на всех уровнях.

Оборона

Неопределенность — похоже, общая черта для всего региона. Неопределенные угрозы — это постоянный фон жизни запорожцев с момента начала войны. Эти угрозы то трансформируются, то сгущаются, то ослабевают, но с какого-то времени не исчезают никогда. Это касается и обороноспособности Запорожского региона.

Сейчас в области насчитывается 33 блокпоста. Строились они зачастую силами волонтеров, часть финансирования выделяли из бюджетов.

Сейчас их содержанием занимаются районные администрации области. Но волонтеры продолжают помогать. С начала года на блокпостах проверили почти 20 тысяч автомобилей.

Последний серьезный проект — это возведение 23 опорных пунктов в рамках государственной программы «Строительство инженерных сооружений с целью укрепления обороноспособности государства». Всего вдоль линии обороны планируется построить 300 таких сооружений. На огневые опорные пункты непосредственно Запорожской области предусматривается выделить 62,7 миллиона гривен. Практически столько же должна получить и Днепропетровская область. Однако официальные сведения о том, где и какие конкретно сооружения планируют возводить и, главное, за чей счет, покрыты тайной. Государственной. По крайней мере, чиновники из облгосадминистрации ссылаются на «информацию для служебного пользования» и не дают ответы даже на официальные запросы. Известно только, что объекты возводят по линии обороны в зоне АТО.

«На сегодняшний момент Запорожская область сильно отстает. Большую часть вложений в укрепление обороноспособности города сделали общественники и волонтеры, — высказывает свое мнение политолог **Роман Пятигорец**. — Открытым остается вопрос, почему мы, имея такой промышленный потенциал, не стали Меккой ремонта военной техники. У нас есть завод «ЗАЗ», мы могли бы его переквалифицировать под необходимые цеха. Такая же ситуация по производству стали для бронежилетов, противотанковых ежей. Все делается, но не в Запорожье: наши предприятия не участвуют в этом».

Глава Запорожского региона **Григорий Самардак**, напротив, уверен в высокой обороноспособности области и общей безопасности: «Важнейший шаг в усилении обороноспособности региона — создание Совета обороны Запорожской области и его подразделений в районах. Это именно та структура, которая позволяет власти и правоохранительным органам действовать сообща, как единый кулак. Оперативное и эффективное взаимодействие между облгосадминистрацией, областным советом, прокуратурой, милицией, СБУ и военными налажено, решения принимаются и реализовываются мгновенно. Можно сказать, что в нашем регионе ответственность за обороноспособность — коллективная. Но не в том понимании, что ничья. Напротив, каждый несет персональную ответственность за свой участок работы. Поверьте, у всех есть понимание, что, если сюда придет враг, здесь уже ничего не будет. Поэтому это не просто работа, это вопрос сохранения области, страны. Это наш фронт в тылу».

Дмитрий Харьков, областной координатор «Самообороны Майдана», ведет системную работу в области, касающуюся и укрепления обороны региона. «После побега Януковича часть наших бойцов отправилась добровольцами на фронт. Мы создали новые батальоны Национальной Гвардии, наши ребята пошли и в вооруженные силы. Те, кто остался, начали работать на укрепление обороны страны. Особенно активно эта работа велась на юго-востоке: от рытья окопов до партизанских рейдов и контрдиверсионной борьбы. Да, часто эти задачи выполняли ребята, которые и в армии не служили, но любили Украину», — вспоминает он. По его словам, сейчас взаимодействие с правоохранительными

органами и спецслужбами — на хорошем уровне: «Мы помогаем им, они — нам». Общественник уверен, что уровень обороны Запорожской области достаточно высок, и речь не только о фортификационных сооружениях — свой эффект дает слаженная работа общественности и правоохранительных органов.

Сейчас, согласно официальным данным областного УВД, насчитывается 79 общественных организаций, которые сотрудничают с правоохранителями и среди своих задач декларируют защиту гражданского населения. Большинство из них имеют право носить оружие, так что вид мужчин с автоматами и в военной форме на улицах тоже уже не удивляет.

Война повлияла на отношения общества и правоохранительных органов. «У нас радикально изменились отношения с общественностью», — заявил недавно в эфире начальник следственного отдела СБУ **Руслан Ена.** Он осторожно относится к понятию «стабильность» и говорит о том, что ситуация может измениться в любую минуту. СБУ выходит из тени, и с определенных пор ни одно из заявлений граждан не остается без рассмотрения. За последний год в области случилось многое: взрыв моста в городе Орехов, попытки пустить под откос поезда, взорвать Дом печати в Запорожье, перехват одной из самых больших за всю историю области партии оружия и еще много того, о чем мы даже не узнали. Дела по статье «терроризм» — теперь это тоже звучит привычно. По официальным данным СБУ, за последний год в области возбудили 91 уголовное дело, связанное с преступлениями против национальной безопасности Украины и общественной безопасности граждан. По словам Руслана Ены, 90 % фигурантов — запорожцы и жители соседних областей, в частности, Донецкой и Луганской.

Привычным для Запорожья стало и понятие «сепаратизм». Несмотря на то что оно не прописано ни в одном украинском законе, в области даже провели активную информационную кампанию с разъяснениями, что такое бытовой сепаратизм и кому звонить, если вы услышали, что кто-то ждет «прихода русской весны» или оскверняет национальные символы. По сути, запорожцев приучали стучать. «Управление СБУ в Запорожской области не имеет никакого отношения к кампании, направленной против бытового сепаратизма», — заявил в письменном ответе глава облСБУ **Александр Шмитько**. Хотя на листовках были указаны телефоны прямой линии СБУ. Инициатором этой кампании, нарушающей конституционные нормы, стало Министерство обороны Украины совместно с общественными организациями. В области информационную кампанию координировала Запорожская облгосадминистрация. Среди жителей области распространили 77 тысяч информационных листовок, 11 тысяч самоклеющихся листовок и 35 билбордов без привлечения бюджетных средств. Время обязывает?

Оружие

А еще запорожцы привыкают к оружию. История о том, как, например, мужчина взорвался на гранате в кафе, больше не вызывает ужас. Скорее, такие события постепенно становятся привычной частью колонки криминальных новостей в газете. Однако неучтенное оружие — это новая угроза региону. «Вопрос сложный: среди населения "гуляет" много оружия, — говорит

начальник следственного отдела СБУ **Руслан Ена**. — Каналы поступления — и захваченные предприятия, производящие оружие (на востоке Украины. — *Н. В.*), и те склады вооружений, что находятся на нашей территории и их не утилизируют, и оружейные запасы, которые есть на территории Крыма и остаются в результате проведения АТО».

Официальная статистика также указывает на рост количества преступлений, связанных с незаконным оборотом или применением оружия. Так, по данным облуправления МВД, если за пять месяцев 2013 года в области зарегистрировали 81 подобное преступление, то в 2014 году этот показатель вырос до 138, а в 2015 году за пять месяцев цифра уже достигла 205. Больше, чем в два раза, выросло и число преступлений с использованием огнестрельного оружия и взрывчатки: с 13 случаев за пять месяцев 2013 года — до 30 и 29 случаев соответственно в 2014 и 2015 годах.

Переселенцы

Военные действия на востоке страны сделали привычным еще одно понятие: переселенцы. И если в июне 2014 года в Запорожскую область официально переехали, по данным областного управления Министерства чрезвычайных ситуаций, 1863 человека, то уже через год здесь зарегистрировали 63 тысячи 443 переселенца. Сейчас Запорожье занимает пятое место в Украине по количеству размещенных переселенцев из зоны АТО.

Отношение к переселенцам разное. Как и сами переселенцы. Завуалированная обоюдная враждебность иногда принимает крайние формы. Так, в мае 2015 года состоялось последнее заседание суда, где рассматривалось дело об убийстве переселенца. По словам его супруги, причиной трагедии стало именно то, что ее муж был из Донецка. Преступление раскрыли, обвиняемого приговорили к десяти годам лишения свободы...

Специально для переселенцев в Запорожье построили модульный городок. Инвестировали строительство немцы. Городок рассчитан на 544 человека. Кроме того, благотворительная помощь от ООН позволила сделать ремонты и обеспечить проживание еще 434 переселенцам. Где жить, переселенцы могут узнать в реестре жилья для расселения внутренне перемещенных лиц. Многие решают проблемы сами. Как с жильем, так и с работой. Оказалось, что запорожцы не особо хотят брать переселенцев на работу. «Вы нам не подходите», — основная причина отказов. «Невозможно работать за 1500 гривен, если в Донецке за это получал 5000», — аргументируют те, кто работу не нашел. Как бы там ни было, к маю 2015 года только чуть больше 2500 переселенцев находились на учете в центрах занятости, и всего 375 человек официально трудоустроились…

Армия

Война внесла свои коррективы и в планы большинства запорожских мужчин. С начала военных действий на юго-востоке Украины прошло уже пять волн мобилизации. В последнюю волну Запорожская область выполнила план на 86 % — призвали 1200 человек. Всего же в 2014 году призвали 5500 жителей Запорожской области, из них около 3500 находятся в зоне АТО. С начала боевых действий уже погибли более 60 жителей региона...

Однако запорожцы все меньше стремятся в армию. «Все добровольцы, которые хотели служить, уже это сделали», — замечает временно исполняющий обязанности заместителя военного комиссара по личному составу **Вадим Коновал**. Хотя говорит, что добровольцы все еще приходят. Наряду с этим, по его словам, в милиции лежит более 9000 заявлений на тех, кто по каким-то причинам не явился в военкомат по повестке.

Причин, по которым украинцы не хотят воевать, — масса. У многих мужчин есть семьи и дети, и вопрос их содержания на фоне серьезного экономического кризиса — один из основных. Еще одна проблема, по словам военного комиссара Запорожской области **Александра Беды**, — это отсутствие здоровья у военнообязанных: только четверть мужчин пригодны для службы по медицинским показателям.

Кроме того, зимой 2015 года в области, в частности, в Васильевском и Каменко-Днепровском районах, прокатилась волна митингов против мобилизации. Тогда это расценили как «сценарий пророссийских сил, направленный на дестабилизацию ситуации в регионе». Однако, среди прочего, действительно далеко не все запорожцы готовы воевать с россиянами — родственниками, друзьями и деловыми партнерами. Но сейчас это мнение в разряде табуированных: говорить так означает фактически быть предателем родины.

Тем не менее с 19 июня в стране началась следующая, шестая, волна мобилизации. До 18 августа в армию планируют призвать еще 2200 запорожцев. В частности, Вооруженным силам Украины нужны люди в десантные войска, разведку, механизированные и танковые подразделения, водители и военные инженеры.

ДОКЛАД НЕМЦОВА

**Одни называют этот документ сборником общеизвестных фактов, другие говорят о его уникальности.
В любом случае вам стоит это прочитать — если еще не прочли. «Абажур» предлагает актуальную ссылку на размещенный соратниками Бориса Немцова доклад (текст оформлен впечатляющими иллюстрациями).
Мы воспроизводим только вступление-обращение, предваряющее документ. А также публикуем несколько замечаний по этому поводу авторитетных коллег-журналистов.**

Идея этого доклада принадлежит Борису Немцову. Однажды он зашел в партийный штаб и громко сообщил: «Я придумал, что делать. Надо написать доклад “Путин. Война”, издать его огромным тиражом и раздавать на улицах. Расскажем, как Путин развязал эту войну. Только так мы победим пропаганду». Немцов победоносно смотрел на окружающих, как он делал каждый раз, когда ему приходила в голову удачная идея. «Как тебе, Шорина? Нравится?» — приобнял он Ольгу.

С начала 2015 года Борис стал собирать материалы для доклада. Он много работал с открытыми источниками, находил людей, которые могли поделиться информацией. Немцов верил, что попытка остановить войну — это и есть настоящий патриотизм. Война с Украиной — подлое и циничное преступление, за которое наша страна расплачивается кровью своих граждан, экономическим кризисом и международной изоляцией.

Никому в России эта война не нужна, кроме Путина и его окружения. Борис не успел написать текст доклада. 27 февраля он был убит на Большом Москворецком мосту, прямо у стен Кремля. Завершить дело Немцова взялись его соратники, друзья и люди, которые считали эту работу важной. В основу доклада легли те материалы, которые подготовил Борис. Содержание, рукописные заметки, документы — все, что он оставил, было использовано при подготовке текста.

Наша задача — рассказать правду о вмешательстве Кремля в украинскую политику, которое привело к войне между нашими народами. Привело к войне, которую надо немедленно остановить.

Друзья! Доклад «Путин. Война» размещен в свободном доступе в интернете, и мы приветствуем его распространение. Однако мы считаем очень важным, чтобы доклад прочитали и те люди, которые не привыкли пользоваться интернетом как источником получения информации. Именно эти люди зачастую становятся жертвами вранья со стороны госпропаганды, именно они составляют ядро поддержки Путина. С такими людьми необходимо разговаривать лично и вручать им печатную версию этого доклада. Мы готовим большую общественную кампанию по раздаче гражданам России доклада «Путин. Война». Деньги на тираж мы собираем в интернете среди наших сторонников. Масштаб кампании зависит от того, сколько денег нам удастся собрать на печать доклада. Поэтому призываем вас поддержать нашу инициативу.

http://www.putin-itogi.ru/putin-voina/ — по этому адресу можно найти доклад.

Евгений Киселев,
«Эхо Москвы»:

«В России при Путине было движение сопротивления»

Я снимаю шляпу перед друзьями, товарищами, соратниками покойного Бориса Немцова, которые после его гибели сумели в кратчайшие сроки сделать то, что он не успел сделать сам, — подготовили и опубликовали доклад «Путин. Война». Колоссальная работа, которую они проделали, вызывает у меня глубокое уважение.

Но боюсь, что ситуация в России, увы, от этого не переменится. Даже если — помимо интернета — авторам удастся напечатать и распространить доклад многомиллионным тиражом.

Сколь бы ни были убедительны факты и аргументы, содержащиеся в докладе, пропутинское большинство останется стоять на своем.

Это не вопрос убеждения или аргументации — это вопрос веры. Как верили люди раньше, что земля плоская и стоит на трех китах, а солнце вращается вокруг нее. А тех, кто думал иначе, могли и на костре сжечь. В лучшем случае — объявить сумасшедшими.

И сегодня, как выясняется, ничем не прошибить веру множества людей в то, что Ленин был добрый и самый человечный человек, Сталин — великий и могучий. И никаких массовых репрессий не было, ГУЛАГа не было — Солженицын все придумал. Катыни — не было, договора о дружбе с Гитлером не было, катастрофы 41-го года не было, вообще ничего плохого не было — одно только хорошее. Славные победы на земле и в космосе. У власти в Киеве — фашистская хунта. «Укропы» распинают детей. Пиндосы и Гейропа хотят нас завоевать. Нет Путина — нет России.

Если факты говорят о другом, — тем хуже для фактов.

Как весьма точно заметил давеча Владимир Яковлев, отец-основатель газеты «Коммерсантъ», пропутинские СМИ работают с помощью приемов так называемой «черной» спецпропаганды военного времени, которую в юности многие их нынешние руководители учили на военных кафедрах советских вузов. Эта пропаганда манипулирует психикой людей, методом глубокой эмоциональной травмы воздействует на подсознание, заставляет верить — вопреки логике и рассудку — в ложь и дезинформацию, разжигает нетерпимость, подстрекает к насилию.

Тут ни факты, ни аргументы, увы, не помогут.

Надо ли опускать руки? Нет. Мне кажется, что надо, несмотря ни на что, жить и работать по принципу «делай, что должно, и будь что будет».

А доклад Немцова, как справедливо заметил один мой хороший знакомый, важнее всего тем, что в будущем непременно станет бесценным историческим свидетельством, что в России при Путине было движение сопротивления. Что были здоровые, честные, совестливые люди, которые не поддавались всеобщей истерии и не боялись, рискуя жизнью, идти против течения.

Алексей Венедиктов,
главред «Эхо Москвы»:

«Сам факт такого доклада полезен, потому что проблема существует независимо от качества доклада и фамилий авторов»

Во-первых, я не хотел бы критиковать доклад, поскольку считаю сам факт его публикации полезным. Вы абсолютно правы: факты в докладе, как правило, общеизвестны. Но это не значит, что доклад плохой.

Во-вторых, насколько я знаю, никаких архивных материалов Бориса Немцова по этому докладу не было. Мне это известно из разных источников. Там есть единственная его записка, в ней несколько фраз — и это все стало информационным поводом. Я понимаю, что здесь имя Немцова используется в политических интересах, и пусть это будет так.

Сам факт такого доклада полезен, потому что проблема существует независимо от качества доклада и фамилий авторов. Я не сомневаюсь, что этот доклад внимательно прочитали и в Администрации президента, и в Минобороны, и в МИДе, и в Украине.

О паранойе,
или Почему верблюд горбатый

Владимир Гутковский,
Нью-Йорк,
специально для «А»

Достойно, главное, достойно,
Чтоб раздаватели щедрот
Не довели тебя до стойла
И не заткнули сеном рот.

Евгений Евтушенко

Адаптироваться к не своему можно, но трудно. Ну, пожалуй, если точнее, то не столь трудно, как неохота.

А было время… Я тогда только-только прибыл, и на этом берегу меня как будто ожидали очень хорошие люди, близкие по взглядам на прошлые и настоящие реалии. Потом эти люди почти синхронно отдали Богу душу. Ну а поскольку они возглавляли определенные организации культурного или религиозно-диссидентского толка, то можно с большой долей вероятности ткнуть пальцем в тех, кому они мешали… Паранойя? Возможно. А, возможно, и логика.

Но эта статья — не журналистское расследование. Это — эссе, в котором автор ностальгирует о совсем недалеком прошлом и в то же время жизнеутверждающе рассуждает о том, что жизнь продолжается, а значит, продолжается и борьба… Тут же приходит веселенькое: «У верблюда два горба, потому что жизнь — борьба». Но «по жизни» у каждого — своя война. Возможно, ее ты не выиграешь до самой смерти. Но если смалодушничаешь и начнешь сдаваться, то проиграешь наверняка.

Первым ушел президент Нью-Йоркского клуба поэтов, наш земляк из Минска Борис Ветров. Неожиданно ушел. Незадолго до этого я привез ему ноты, написанные Игорем Лученком на его песенный текст. Тогда, в Минске, маэстро играл на рояле, а только что родившуюся песню исполнил заслуженный артист Беларуси Иван Краснодубский. Очень обрадовал Бориса и привет от редактора журнала «Нёман» с обещанием опубликовать его стихотворную подборку… Борис радовался новой песне, вспоминал совместные с Игорем Михайловичем гастроли. Ничто не предвещало трагедии. У нас с ним были общие творческие планы. Я тогда готовил статью о клубе поэтов. Клуб все еще оставался пристанищем литераторов-диссидентов, несмотря на то, что с падением коммунистических режимов со свободой выражения несколько полегчало. Боря был бодр и выглядел вполне здоровым. Какие-то предчувствия у него были, иначе трудно объяснить просьбу не публиковать имена и организации создателей Нью-Йоркского клуба поэтов…

После ухода Бориса клуб возглавил Михаил Нержин, но вскоре не стало и его. Клуб Поэтов, изначально создаваемый как общество интеллектуалов, ратующих за смену режима на родине, свое существование не прекратил, но стал… клубом поэтов, где пишущие любители литературы читают свои стихи. Читали и прежде, но Довлатовых, Солженицыных и Бродских там уже не встретишь. Не встретишь там и Евгения Евтушенко, заглядывавшего «на огонек» к Борису.

Кому выгодно заткнуть рот протестным писателям, и гадать не приходится. Клуб собирал авторов советского и постсоветского периода, метрополию особо не жаловавших.

Однако уничтожить объединение не получилось. Свято место пусто не бывает, и… рискуя стать третьим, Нью-Йоркский клуб поэтов возглавил хороший человек и поэт Зиновий Коровин. И, хотя протестная направленность, которую задавали литераторы-диссиденты, сменилась потоком лирики, от политики далекой, на призыв собрать подписи в защиту репрессированных белорусских журналистов авторы откликнулись единодушно.

Клуб поэтов сейчас ютится по бруклинским библиотекам, потерял помещение в Манхеттене, которое ему любезно предоставляло издательство «Word-Слово», выпускавшее одноименный русскоязычный журнал. Не за неуплату ренты потеряно помещение. Издательство, как я понимаю, вообще с Клуба денег за аренду не брало. Оно, издательство, исчезло… Главный редактор Лариса Шенкер потеряла мужа, замечательного художника-иллюстратора Илью Шенкера, осталась совсем одна и отошла от дел. Потом — от жизни. Журнал, конечно же, продолжает существовать, однако из американского аналога «Посева» превратился в... «поток лирики, от политики далекий». Мысль дальше не развиваю, потому как «параноидальна» уж очень.

Все, выше и ниже описываемое, происходит почти в одно и то же время. Как раз в это время из Фонда Кричевского (белорусский фонд в Квинсе, Нью-Йорк) вывезли архив и… сушили его в Церкви Кирилла Туровского, поскольку бумаги намокли в сыром подвале фонда… Я хотел бы взглянуть на этот архив… Где он сейчас?

В это же время в Украинском институте (тоже Нью-Йорк) появляется дама — кандидат наук, и институт, всецело доверяя прекрасно говорящему на украинском языке научному сотруднику, допускает ее в святая святых украинской эмиграции — архив института.

Любимым местом культуры и отдыха в Нью-Йорке у меня был собор Кирилла Туровского. С этим храмом меня многое связывает. Приятель-священник принимал по-дружески, а уж как мы с ним выходили из поста!!! Выпить в храме — и свято, и в кайф… В старом здании бывшего протестантского собора прохладно и в жару. Здесь я представлял и новый роман, и новые песни. На мои мероприятия приходила мама. Здесь же

ее и отпевали. Сам Зенон Станиславович простоял три часа во время панихиды. Я премного благодарен и ему, и священнику, и церковному совету. И вдруг… Русская православная церковь намерилась объединиться с Зарубежной. И все у нее получается, да хочется еще и Белорусскую автокефальную к рукам прибрать… Как нельзя кстати, помирает митрополит Изьяслав. Мог бы еще и пожить, поскольку прибрать от служения так и не получилось. Первым тревогу забил Позняк — политик, он и аналитик, разобрался в ситуации довольно быстро и… фактически спас автокефальную Белорусскую церковь от позорного аншлюса. Но там уже нет знакомого попа, и прихожане другие… да и Зенон Станиславович теперь в другой стране живет. Тоска…

Старейшее в США русскоязычное литературное объединение — Пушкинское общество Америки, созданное в 1936 году, — заказало в моем издательстве книгу о себе, любимом, а точнее, о госпоже Ладыженской, бессменном президенте организации. Замом у нее баронесса фон Тизенгаузен — оптимистичный представитель немногочисленно сохранившейся истинной интеллигенции. А заправляет делами общества довольно молодая дама, человек из мира сего, относительно недавно в стране осевшая, та, что не так давно поработала с архивом Украинского института. Госпоже Ладыженской лет ой как много. Ребенком у Керенского на коленях сиживала. Померла, книги не дождавшись…

Баронесса мне сильно выговаривала за нерасторопность, но сама от дел отошла, уступив бразды правления той, что помоложе. И вот организация, некогда предоставлявшая трибуну господину Сикорскому, тому самому, что геликоптер изобрел, а позже Бродскому и Солженицину, официально прекращает свое существование в качестве литературного общества и становится… «Архивом Пушкинского общества США». Президентом «Архива» становится та самая поработавшая и с украинским архивом дама. Если обойтись без построения логических цепочек (составляющая параноидального мышления), то дама-историк, возможно, историк хороший, но… баронесса передала бразды правления явно не менеджеру-управленцу. В итоге вновь «поток лирики, от политики далекий». Еще одного рупора диссидентствующая эмиграция лишилась.

В ПЕН-центре «Писатели в изгнании» для правозащитной деятельности был простор. Именно в то время мы смогли выступить в защиту Можейко, Маркевича, Климова, Ивашкевича, Левоневского, Сдвижкова и других так или иначе причастных к журналистской или литературной деятельности белорусских оппозиционеров. Клара Джорджиу, президент Американской ветви Центра, депеши в лондонскую штаб-квартиру

ПЕН отправляла немедленно, материал тут же становился достоянием мировой общественности.

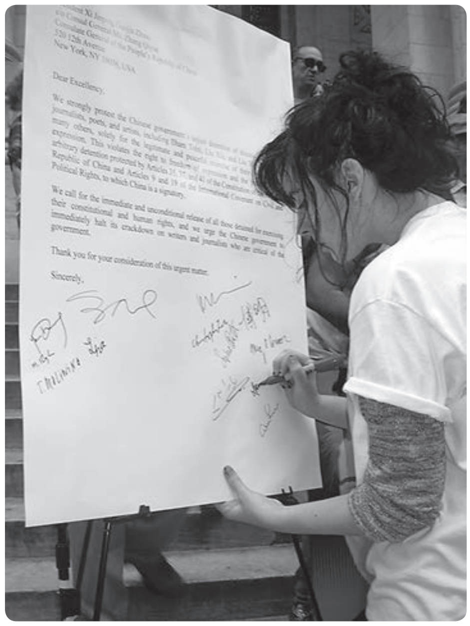
Существовал Центр на скромные средства, но лучшую комнату для заседаний нам предоставлял клуб Йельского университета. Не было денег на банкеты, но пару бутылок вина, которые мы приносили с собой, открывали официанты одного из самых престижных клубных ресторанов. Клара благословила первый выпуск журнала «Big Open World Magazine». У литераторов в изгнании появилась своя трибуна.

Одних русскоязычных авторов из бывшего СССР в центре тусовалось за полторы сотни. А еще венесуэльцы, кубинцы, китайцы, представители притесняемой творческой интеллигенции из других стран с дивными режимами… Ну да, какие писатели в изгнании, когда езжай, куда хочешь, и пиши, о чем пожелаешь? Как бы не так. Подскажите, кто знает, как выразить свое мнение на большей части территории бывшего СССР и если уж не сесть в тюрьму, так и не подвергнуться цензуре? Центр для пишущих в изгнании просто необходим и сейчас. Но кому-то сильно мешал. Родина зовет… и вице-президент Американской ветви ПЕН «Писатели в изгнании» Василий Аксенов возвращается в Россию. Там и умирает. Второй вице-президент, Дружников, умирает, в Россию не возвращаясь. Умирает и президент, убежденная антифашист и антикоммунист Клара Джорджиу. Все, почти одновременно!

Центр объявили закрытым. Авторы растерялись, спрашивали о судьбе журнала. А и впрямь, где им публиковаться? Это было ИХ издание. Предложил восстановить Американскую ветвь Центра. Знающие больше меня или более многоопытные мялись, не возражая, но и не поддерживая идею. В тот период я выпустил «в свет» две весточки: написал «Открытое письмо писателя Гутковского читателю Лукашенко», — очень уж мне хотелось, чтобы на свободу Иру Халип и других «проигравших» в «президентских играх» выпустили. Вторая — это моя переписка с лондонским ПЕН-центром о восстановлении статуса Американской ветви ПЕН «Писатели в изгнании».

Что из этого послужило причиной дебильной выходки спецслужб и каких, можно догадываться, определившись, кому и что из моих посланий было солонее. Но вдруг нанес мне визит из Минска как будто родственник бывшего ученика. Говорил ерунду, но рожу мою — видно было — изучал внимательно.

Очень скоро в полутьме автостоянки машина с выключенными фарами бесшумно подмяла меня под себя. Развернулась и проехала еще раз. Как остался жив — вопрос нажитых навыков и невероятного везения. Машина скрылась в темноте, а я остался лежать на асфальте, как на огневом рубеже, глядя ей вслед и до бешенства сожалея, что в руке нет пистолета.

Дорожный инцидент? Но «цепочки» плетутся сами, навязчиво и убедительно доказывая свое, «параноидальное»: «случайностей не бывает». Тот же Позняк, который хорошо понимает, что лучше уж прослыть приверженцем теории заговора, нежели бесследно исчезнуть на родине, конкретно указывает на «странности», происходящие в среде белорусской эмиграции. В статье «Дзіўныя справы ў беларускім замежжы» (http://www.bielarus.net/archives/2005/04/24/220) он резонно задает вопрос: «Кто финансирует антибелорусскую деятельность?» И там же пишет: «…Дальнейшее рассмотрение этого удивительного явления приводит к порогу дипломатической миссии Республики Беларусь при ООН в Нью-Йорке и посольству Беларуси в Вашингтоне». Далее Зенон Позняк останавливается на фигуре одного из функционеров белорусской эмиграции в США и подробно, факт за фактом, изобличает его как сторонника «лукашенковского режима». Позняк замечает, что «…на протяжении последних 5–6 лет в странах Восточной Европы, которые были под оккупацией СССР, произошли события, направленные на уничтожение белорусских национальных организаций и объединений, на перетягивание их под контроль лукашенковской администрации, под советский зелено-красный флаг БССР. В результате в Москве, Петербурге, в Эстонии, Латвии, Литве белорусские организации раскололи».

Не верить Зенону Станиславовичу нет оснований. Те, кто «воду мутит», сами же и не особо маскируются. И пока спецслужбы США азартно изобличали и депортировали симпатичную рыженькую шпионку Чапман, обеспечив ей вместо привычного здешнему уху срока лет этак в 120 карьеру российской телезвезды, ее невзрачные

коллеги из спецслужб бывшего коммунистического блока успешно окопались в стране ненавистного империализма и с удовольствием пользуются ее благами.

Не секрет, что посол — знамя страны. С ним с удовольствием фотографируются гости дипломатических мероприятий. Посол — человек, как правило, гражданский, образованный и обходительный. Под стать послу и его супруга.

Но иной персонал… Во время деловой встречи в российском консулате я поймал себя на том, что невольно разглядываю ноги атташе по культуре, ища сапоги, — настолько красивым строевым шагом он приближался.

И все же, поскольку даже теточки-прапорщики, разносящие пирожки на дипприемах, погоны напоказ не выставляют, назовем посольских — посольскими. Но посольским очень бывает любопытно происходящее за стенами диппредставительств, и тогда они осведомляются у доверенных людей. И, если посольские осведомляются, — а это их работа, — то как назвать тех, кто осведомляет? Правильно, осведомители. То есть информаторы. Дальше надо?

Когда собравшиеся на белорусскую тусовку возмутились, что один такой без приглашения привел в их сообщество посольских, и назвали мужчину «агентом», то услышали в ответ:

— Я не агент, я — офицер!

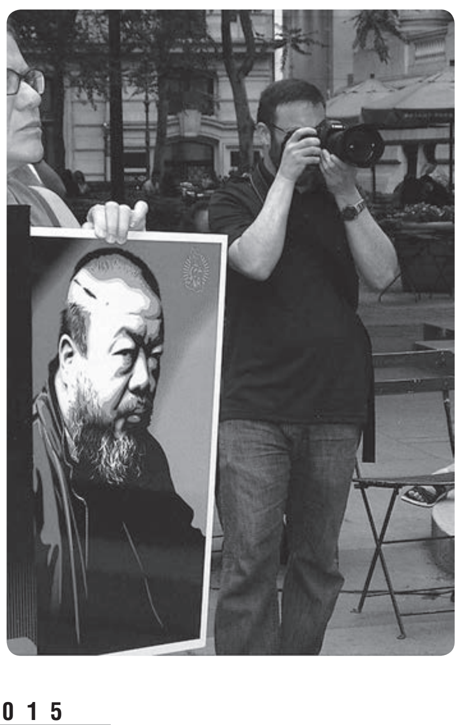
Пытаясь урезонить, говорю уже подвыпившему «агенту»:

— Ты живешь в этой стране, ешь ее хлеб…

— Я не ее хлеб ем! — перебил меня «офицер».

Все, вопрос исчерпан?

А в качестве иллюстрации к вышесказанному приведу анекдотический эпизод из «тутэйшых» реалий. Когда наш журнал официально зарегистрировался и мы приступили к работе, встречает меня человек из Храма Кирилла Туровского и первым делом задает вопрос:

— «Big Open World Magazine» — это твой проект?

— Мой.

— А то тут у меня из посольства спрашивали, я подумал, что твой, но точно не знал.

Остается добавить, что то же самое происходит и с русскими эмигрантскими организациями, и с организациями выходцев из стран, режимы которых не очень жалуют свободу слова. Любую диктатуру, любой тоталитарный режим раздражает то, за что выступает Международный ПЕН и что является девизом журнала «Big Open World Magazine» — Freedom of Expression and Disgorge (свобода выражения мнений). На своей территории авторитарные и тоталитарные режимы, как катком, прокатываются по свободе слова. Задача их — закрыть рот оппонентам и за границей. Ну, чтобы «поток лирики, от политики далекий».

…Давно выброшены костыли, наши авторы теперь имеют свой русскоязычный журнал под англоязычным названием, которое благословила президент нашего Центра. На английском языке вышли тогда всего два выпуска. Американская ветвь Центра «Писатели в изгнании» будет, это уже решено. И вскоре присоединится к благополучно здравствующим Канадской и Германской ветвям Центра.

У каждого — своя война.

Один в поле не воин? Воин! Но кто же откажется от союзников? Хоть есть на кого опереться в трудную минуту. Журнал — это тот плацдарм, который занят прочно и надолго. Чтобы иметь возможность защищаться и защищать, стал профессиональным членом Американского ПЕН-центра. (Тут члены делятся на профессиональных и ассоциированных.) И, когда нужно было выступить в защиту Анджея Почобута, первым делом обратился в Американский ПЕН.

Так вот, об адаптации. Ну никак мне не привыкнуть, что каждые выходные зовут на чтения. Вход всего-то десять баксов. Но это почти 500 баксов в год — равно оплате за дизайн номера

журнала. И потом, я ж все-таки автор, какой ни есть. А авторы, как убедился, проводя презентации выпусков, читают только сами себя.

Письма Американского ПЕН я перестал принимать всерьез, а значит, и открывать, когда получил приглашение на чествование лауреата награды Американского ПЕН, британского драматурга Тома Стоппарда и азербайджанской журналистки (заочно, поскольку сидит в тюрьме) Хадиджи Исмаиловой. В приглашении указаны расценки: входной билет на банкет — $1250 и резервирование стола — $12500. Ну, приличный автор, пусть и приезжий, без супруги на тусняк не пойдет, значит умножьте на два — и получите среднюю годовую зарплату, например, журналиста местного русскоязычного издания, а пусть и члена ПЕН, но не увенчанного нобелевскими или пулитцеровскими лаврами.

А тут день рождения приближался. Семья затаилась, подарок спрятала — а как же без сюрприза-то. Жена с утра подарок вручила, а… кости на руке, которую колесом переехало, деформировались-увеличились. Не лезет перстень на корявки… День рождения начался с поездки в магазин, колечко менять. Второго в магазине нет. Не повезло с подарком… Но, объяснив родным, что самый дорогой подарок — это они, жду праздника вечером.

Это просто замечательно, что ПЕН указал в сабджект имя писателя! Это письмо я открыл не мешкая. В тексте значилось: «У вас еще есть время присоединиться к протесту в защиту…»

На ступенях Нью-Йоркской публичной библиотеки собрались писатели и журналисты. Люди не равнодушные и совестливые. Встревоженные тем, что в настоящий момент в Китае находятся в заключении более 40 писателей! В застенках до сих пор томится лауреат Нобелевской премии Лю Сяобо.

Стоя с портретами томящихся в китайских тюрьмах авторов, мы митинговали в надежде, что нас услышат. Что услышат — не сомневаюсь. Более 20 журналистов, пишущих на разных языках, освещавших митинг, телевидение, высокопрофессиональная режиссура и организация мероприятия. Выступили президент Американского ПЕН-центра Эндрю Соломон, эксклюзивный директор Центра Сюзана Носсел. Выступали китайские писатели, которым повезло покинуть «поднебесную». Взрослый, мужественный человек, сумевший обыграть китайскую «охранку», с трудом сдерживал слезы, повествуя о том, как коммунистическая спецслужба угрожала ему исчезновением.

Митинг закончился скандированием: «Свободу!» — и перечислением репрессированных поименно. На щите с обращением к президенту Китая каждый поставил свою подпись.

Мы стояли, чтобы голос в защиту коллег был услышан, понимая, что дело не только в китайских авторах. Выступая за освобождение писателей в какой-либо стране, мы ратуем за свободу выражения, поскольку именно свобода выражения приводит к свободе духа. Любой диктатор, каждый тоталитарный режим должны отдавать себе отчет в том, что мир следит за всем, что происходит, пусть и за самым плотным «железным занавесом». И что за каждого репрессированного автора будут бороться, отстаивая его свободу и право выражать свои мысли, раскачивая этим самым «дивные» режимы.

За это элитарному Клубу прощу и снобизм, и веселые цены на банкет. Бог с вами, вы сделали мне подарок ко дню рождения. Спасибо, СОЮЗНИКИ!

Домой вернулся поздно вечером. Родные отнеслись с пониманием.

На фото, предоставленных автором, митинг в защиту китайских писателей

Сяргей ШАПРАН

Генадзь Бураўкін:

«Да тых, хто застаецца, у мяне адна вялікая просьба: берагчы Беларусь»

Удзень 15 мая 2014 года прагучаў тэлефонны званок: «Сярожа, дзень добры! Як твае справы?» Гэта быў Бураўкін. Я разгубіўся, бо ведаў, што Генадзь Мікалаевіч цяжка хварэе, а тут раптам тэлефануе... Я пачаў гаварыць пра падрыхтоўку непадцэнзурных быкаўскіх кніг, а ён у адказ: «Не чую… не чую…» — «Генадзь Мікалаевіч, вельмі рады вас пачуць!» Але зноў: «Я цябе не чую… не чую…» Зрэшты, я даўмеўся, што Бураўкін тэлефануе не дзеля таго, каб я распавёў яму пра свае справы, — мусіць, у яго пэўная патрэба сустрэцца. І сапраўды, ён папрасіў завітаць да яго, асабліва не адтэрміноўваючы, заўважыў — не на кароткі час. «Добра, заўтра буду. А як ваша здароўе?» — «Давай не будзем пра гэта», — сказаў Генадзь Мікалаевіч зусім іншым тонам, голас яго змяніўся…

Генадзь Мікалаевіч быў у ложку. Сілы няспынна пакідалі яго — ён не мог не тое што садзіцца — нават прыўставаць. Голас надта слабы, не ранейшы, бураўкінскі. Генадзь Мікалаевіч амаль непазнавальна змяніўся. Часам здавалася, што ён падобны да Васіля Быкава ў апошнія яго дні. Я нават не мог пазбавіцца ад адчування, нібыта гэта Быкаў і ёсць. Хвароба не шкадавала яго, было бачна — ідзе адлік апошніх дзён. Пра гэта ён сам сказаў адразу і без аніякіх умоўнасцей, гаварыў, што адчувае, што неўзабаве пойдзе, таму ў яго некалькі просьбаў да мяне. «Там, у другой шуфлядзе, злева, мае дзённікі. Дазваляю табе падрыхтаваць іх і надрукаваць праз пяць гадоў, як…» — тут Генадзь Мікалаевіч асёкся і не сказаў, праз пяць гадоў *пасля чаго*.

Другая просьба: «На стале ўверсе ляжыць рукапіс цэлай кнігі новых недрукаваных вершаў. Гэта самае важнае і дарагое для мяне — вось гэтая кніжка. Калі яна будзе выдадзена, прычым

выдадзена як мага хутчэй, астатняе, даруй, мне не так важна». Я прапанаваў падключыць да гэтай справы Уладзіміра Някляева, на што Генадзь Мікалаевіч заўважыў: «Я прасіў Валодзю — ён гатовы быць складальнікам і рэдактарам. Але я ведаю Валодзю і ведаю, як кажуць, рэальнасць, і таму спадзяюся на цябе».

1955 год. Пачаткоўцы разам з Якубам Коласам (па цэнтры за Коласам стаяць Рыгор Барадулін і Генадзь Бураўкін)

Яшчэ адна просьба была таксама нечаканай: каб я прыходзіў да яго штодня і задаваў любыя пытанні пад запіс. Ён неаднойчы пасля падкрэсліваў: «Я табе даю права ў любы час прыходзіць і задаваць любыя пытанні».

Зрэшты, з прапановай штодзённых гутарак было нібыта зразумела: Генадзь Мікалаевіч не паспеў напісаць мемуары і цяпер, мусіць, хацеў хоць у такім выглядзе пакінуць свае ўспаміны. Але з кнігай апошніх вершаў — чаму менавіта да мяне? Я знаходзіў толькі адзін адказ: на пачатку красавіка я быў у яго дома з кнігай «У неба пехатою» Рыгора Барадуліна, якую мы паспелі выдаць да саракавін па дзядзьку Рыгору. Гэта стала магчымым найперш дзякуючы падтрымцы бізнесоўца і мецэната Паўла Бераговіча, а таксама пры дапамозе Глеба Лабадзенкі і выдавецтва «МЕДЫЯЛ» у асобе Ігара Віркоўскага. Бураўкін быў знаёмы з Бераговічам, і калі праз пару дзён я сказаў, што Павел гатовы ўсяляк садзейнічаць выданню яго кнігі, Генадзь Мікалаевіч быў расчулены і, як падалося, крыху супакоіўся.

Дарэчы, яшчэ пра тую красавіцкую сустрэчу. Я быў у Бураўкіна за месяц да таго, ён быў ужо вельмі слабы, з ложка не падымаўся. І вось цяпер, у красавіку, відавочна пайшоў на папраўку, і, мусіць, таму ўвесь час быў у добрым настроі, жартаваў па сваёй заўсёднай звычцы, і доўга не адпускаў, і — хай і з «хадункамі», — але нават да парога праводзіў, і ўсё гаварыў, гаварыў... А пасур'ёзнеў толькі аднойчы — калі я запытаўся пра планы на будучыню. Генадзь Мікалаевіч казаў, што трэба дажыць да жніўня (28 жніўня — яго дзень нараджэння), а там, дадаў, пабачым. Але ўжо праз некалькі дзён стан яго здароўя раптоўна пагоршыўся, і ён зноў апынуўся ў рэанімацыі. Аднак Бог, мусіць, злітаваўся над ім і даў яшчэ крыху часу, каб паспець уладкаваць апошнія зямныя справы. І дапамагчы ў тым Генадзь Мікалаевіч нечакана паклікаў мяне…

18 мая. Каля чатырох гадзін дня быў у Бураўкіна. Ён сустрэў разгублена-нецярплівым пытаннем: «Чаму ты так доўга ішоў?» Відаць, не мог дачакацца майго прыходу, хоць я папярэдзіў Юлію Якаўлеўну, жонку Генадзя Мікалаевіча, што буду не раней за чатыры. Калі запытаўся пра яго здароўе, Бураўкін жартам адказаў: «Дзякуй. Хранова». Пачуццё гумару не пакідала яго нават у гэтыя дні. Гэта быў той, ранейшы Бураўкін, якога я ведаў і любіў…

— Генадзь Мікалаевіч, ці магу задаваць пытанні?

— Давай-давай… Прычым чым больш ты задасі пытанняў у найбліжэйшы час, тым больш у цябе гарантыі, што будзеш мець адказ.

— Пра што вы думаеце ў гэтыя, мабыць, самыя цяжкія для вас месяцы?

— У гэтыя месяцы я думаю, калі гаварыць агульнымі словамі, пра жыццё. А калі казаць больш канкрэтна, дык думаю: вось што такое жыццё, ужо пражытае? Разумееш, пакуль жыццё не пражытае, зусім інакш думаеш і пра яго, і пра магчымасці, і пра нейкія рэчы, якія хацеў бы зрабіць. А вось калі яно ўжо практычна пражытае, зусім інакш думаеш. І я не ведаю нават, дзе тут больш справядлівы пункт гледжання…

Першае, пра што думаецца, — гэта гонар за сваё пакаленне. Гонар за тое, што мы рабілі для Беларушчыны, што мы

З Рыгорам Барадуліным. Фота Уладзіміра Крука

рабілі для беларускай літаратуры. Гэта ж, Божа мой, і Васіль Быкаў, і Уладзімір Караткевіч, і Міхась Стральцоў, і Рыгор Барадулін. І ўсё гэта адбывалася, як кажуць, на маіх вачах, а часам, можа, і з маім нейкім удзелам. І, канешне, я ганаруся гэтым. Хоць ёсць адно горкае адчуванне, што я мог бы зрабіць больш і цікавей. Справа ў тым, што ўвесь час я адкладваў — трохі пазней, трохі пазней, вось пачакаем… А бачыш, як атрымліваецца ў жыцці: прыходзіць час, калі ўжо няма чаго чакаць, калі няма ўжо куды адкладваць…

— Вы сказалі, што зрабілі б цікавей — вы кажаце пра сваю паэзію?

— Так, перш за ўсё, перш за ўсё.

— А вам шкада, што вы столькі высілкаў і часу аддалі дзяржаўнай і грамадскай працы?

— Ты знаеш, і шкада, і не. Шкада, канешне, бо — я ўжо некалі, па-мойму, гаварыў, — мая работа на Дзяржтэлерадыё скрала ў мяне, як мінімум, тры зборнікі вершаў… Канешне, шкада. А ў той жа час, як падумаю: я ж тое-сёе зрабіў, што іншыя не зрабілі б, калі б там былі, на гэтай пасадзе…

— Можа, нават не падумалі б зрабіць.

— Можа, нават і не падумалі б, так. Таму не проста адказаць… І шкада, і не.

— Між тым, Рыгор Барадулін, кажучы пра вас незадоўга да свайго сыходу, найперш прыгадваў тое, што вы зрабілі для Беларусі, у тым ліку на пасадзе старшыні Дзяржтэлерадыё. Ён са скрухай гаварыў, што сённяшнія чыноўнікі гэтага не памятаюць, але, казаў, затое памятае гэта Беларусь.

— Дай Бог… Дай Бог, каб так было. Баюся, што ў нечым усё гэта забываецца, вытоптваецца. Так што, дай Бог, каб так было.

— Генадзь Мікалаевіч, што тычыцца кніг паэзіі, якія ў вас скрала, па вашых словах, гэтая пасада, — як гэта адбывалася: вершы да вас прыходзілі, але не было часу сесці ды запісаць іх?

— Так-так-так… Ты вось калі будзеш разбіраць мае завалы папер, дык убачыш, колькі там, як той казаў, зярнят, з якіх нешта магло быць. Магло быць — і не адбылося. І я ж кажу, што, канешне, шкадую, шкадую…

— Увогуле, калі ўзгадваеш Барадуліна, найперш прыгадваецца яго «Трэба дома бываць часцей…», а калі называеш ваше імя, першым чынам прыгадваецца «Калыханка»…

— Думаю, што так.

— Яе ж спрабавалі замяніць на іншую калыханку, але — не ўдалося.

— Два разы спрабавалі. Не ўдалося… Сапраўды, адразу дзве песні ў сувязі з маім прозвішчам прыгадваюцца: гэта «Калыханка» і «Белы снег, белы снег, белы снег…». Я думаю, што для абодвух прыгадванняў ёсць свае прычыны. «Калыханка» вельмі хораша лягла, як кажуць, для дзяцей. А «Белы снег» — гэта такая імпрэсія. Крытыкі і сябры гэтага не заўважалі і не заўважаюць, а ў мяне ж многа імпрэсій. Сярод іх добра паяднілася з музыкай вось гэта — «Белы снег, белы снег, белы снег…». А раней з маім імем ядналіся лірычныя песні пра каханне…

У гэты дзень мы размаўлялі, можа, толькі гадзіну. Між тым я быў у абсалютнай разгубленасці, бо пра што пытацца ў чалавека, які вось-вось пойдзе? Якія пытанні істотныя, а на якія не варта губляць часу? Бо сказаў жа не раз Генадзь Мікалаевіч: «Усё адно не паспееш задаць усе пытанні…» Зрэшты, і адказваў не так, як усе гады раней, — коратка і сцісла. Ці ашчаджаў сілы, ці бярог час, які яшчэ застаўся. А мо ўжо нездавала сіл, як потым скажа, на нашае сумоўе.

Пра свае развагі ўвечары напісаў блізкаму сябру Бураўкіна Уладзіміру Някляеву, ён у адказ: «Не намагайся з пытаннямі, адказы на якія — нібы адказы на ўсё жыццё. Няма такіх адказаў. Пытайся пра тое, што цікава табе самому. І не думай пра тое, што перад табой чалавек, які адыходзіць».

19 мая. Сённяшнюю размову вырашыў пачаць з даўняй гісторыі, калі беларускія літаратары паўсталі на абарону Васіля Быкава: пасля таго, як пачалося шальмаванне ў друку аўтара «Мёртвым не баліць», маладыя паэты Генадзь Бураўкін і Анатоль Вярцінскі, напісаўшы ў ЦК КПБ ліст у абарону Быкава, сабралі пад ім 53 подпісы. Ішоў 1966 год. Гэта быў рэдкі, унікальны не толькі па тым, але і па сённяшнім, часе ўчынак. Пра гэта мы з Бураўкіным не раз ужо раней гаварылі, але застаўся адзін складнік гэтай гісторыі, пра які я ніколі не пытаўся.

Разам з Рыгорам Барадуліным і Андрэем Вазнясенскім

— Генадзь Мікалаевіч, вы тады з Анатолем Вярцінскім былі маладыя, як жа вы адважыліся на такі ліст? Няўжо не было страшна? Вы ж разумелі, што рызыкуеце?

— Абсалютна… Абсалютна… Я табе скажу, што рызыка была абумоўлена маладосцю. І ў той жа час яна была выклікана разуменнем абавязку. Я разумеў — і, думаю, Толя таксама, — што калі мы прапусцім і на гэты раз, дык іншым разам нас ужо і за людзей не палічаць. Таму мы і зрабілі гэта. Зрабілі свядома… Таму што тут сказаць?.. Ну, канешне, было страшнавата, бо я рызыкаваў далейшай перспектывай. Было ж зразумела, што гэта не спадабаецца, што гэта будзе мець адпаведныя вынікі, але ў мяне былі свае прынцыпы, якія былі для мяне важнейшыя. Тое ж, я думаю, было і з Толем Вярцінскім. Тое ж, думаю, было і з іншымі, хто падпісаў гэты ліст.

— Але ж былі і такія, хто адмовіўся падпісаць.

— Такіх амаль не было. Чаму? Таму што з прапановай падпісаць мы падыходзілі да канкрэтных людзей. І мы ўжо ведалі, што гэты чалавек такіх вось настрояў, гэты — такіх, і прытым у дачыненні да Васіля Быкава. Не проста дэмакратычных настрояў, а менавіта ў адносінах да Быкава. Таму нейкіх вялікіх адмоў не было. Здараліся некаторыя замінкі. Напрыклад, першы раз не падпісаў Навуменка — толькі з другога разу… Са старэйшых жа адмовіўся падпісаць Ілья Гурскі. Калі мы да яго падышлі з прапановай падпісаць, ён не толькі адмовіўся, але сказаў: «Вой, хлопчыкі, будзе вам за гэта! Партыя не любіць калектыўных лістоў. Таму падумайце». Вось гэта было…

Разам з сябрамі Рыгорам Барадуліным і Уладзімірам Някляевым. Фота Сяргея Шапрана

— Вы ж толькі нядаўна даведаліся пра тое, што ў той час ішлі данясенні з КДБ СССР у ЦК КПСС у сувязі з лістом 53-х? Прычым у тых данясеннях фігуравала і ваша прозвішча.

— Абсалютна. Я гэтага не ведаў. Я ведаў, канешне, што гэта не падабалася, што гэта мела адмоўныя ацэнкі, але не думаў, што пытанне вырашалася на такім высокім узроўні — КДБ СССР, Палітбюро… А аказваецца, во як было.

— Яшчэ адзін з годных вашых учынкаў — публікацыя ў часопісе «Маладосць», рэдактарам якога вы тады былі, кнігі «Я з вогненнай вёскі…». Гэта ж таксама ўчынак з вашага боку, бо няпроста было ў той час надрукаваць такую кнігу.

— Так-так-так. Тут я магу сказаць вось што: гэтую кнігу прынеслі ў рэдакцыю Адамовіч і Брыль. Я адразу, канешне, як толькі прачытаў, ухапіўся, бо зразумеў, якая гэта рэдкая з’ява і якое гэта шчасце, што ў рэдакцыю трапіў такі рукапіс. Але ў гэтага рукапісу была свая гісторыя. Аказваецца, ён ужо быў у рэдакцыі «Полымя», дзе яго не проста не прынялі, а не прынялі па палітычных матывах. І тыя, хто мяне пра гэта папярэдзіў, відаць, думалі, што я спалохаюся і таксама, як кажуць, летану ў кусты. Ну, але мяне гэта не спалохала. Адзінае, што, канешне, дадало турбот. Дадало, дадало, бо прыдзіраліся да кожнай старонкі, прыдзіраліся да кожнага факта, да кожнага эпізода. І ўсё-ткі і я, і Адамчык, як намеснік, і іншыя ў рэдакцыі — мы былі перакананы, што кнігу трэба друкаваць. І хоць у ЦК з упартасцю змагаліся «супраць», мы з упартасцю змагаліся «за». І шукалі, канешне, аргументы, і ўсяляк рыхтаваліся да абароны. Словам, я таксама ганаруся, што мы надрукавалі гэтую кнігу.

— А вось яшчэ што тычыцца вашага старшынства ў Дзяржтэлерадыё: гэта ж Пётр Машэраў даў вам карт-бланш, каб беларускае тэлебачанне стала беларускім?

— У пэўным сэнсе.

— Але чаму ўсё гэта цяпер прыгадваю — Генадзь Мікалаевіч, што скажаце: трэба ўсё-ткі часам рызыкаваць?

— Так.

— А ці глыбока вы раздумвалі, робячы той ці іншы падобны ўчынак?

— Ты знаеш, не заўсёды. Часам было чыста імпульсіўнае рашэнне, а часам глыбіннае, як той казаў… Так, доля рызыкі, доля нейкай смеласці, бясспрэчна, была. Але была і нягласная абарона Машэрава. Усе ведалі, што Бураўкін — гэта чалавек Машэрава, і не надта кідаліся на мяне з прэтэнзіямі.

— Сёння вы, Генадзь Мікалаевіч, з якім пачуццём прыгадваеце Машэрава?

— Машэрава прыгадваю як цікавую гістарычную асобу, як чалавека складанага, але вельмі інтэлігентнага. І чалавека, скажам так, супярэчлівага, чалавека свайго часу, чалавека сваёй эпохі, з якім я хацеў бы сустракацца і гаварыць.

— Мабыць, гэта не роўня сённяшнім кіраўнікам?

— Што вы! Божачкі!

— Разам з тым не магу не ўзгадаць яшчэ дзве гісторыі, прычым адна падобная да другой. Гэта калі вам прапанавалі публічна адмовіцца ад сяброўства з Васілём Быкавым, і тады вы атрымаеце любую пасаду, якую толькі ні пажадаеце. Другая гісторыя — калі пасля прэзідэнцкай кампаніі 2010 года вам прапанавалі выступіць з публічным асуджэннем Уладзіміра Някляева, узамен абяцалі ўсе магчымыя даброты. І ў абодвух выпадках вы адмовіліся ад здрадніцтва. На мой погляд, гэта таксама ўчынкі, якімі можна ганарыцца. Далёка не кожны зрабіў бы так на вашым месцы.

— А я ганаруся. Так, былі такія неафіцыйныя прапановы: выступі, асудзі Някляева — і будуць выходзіць твае кніжкі, і ты будзеш, як кажуць, у пашане. Я адмовіўся, таму што для мяне сяброўства, тым больш сяброўства з выдатным паэтам Някляевым, даражэй. Тым больш што Някляеў, на маю думку, — гэта асоба, у нечым новая для беларускай літаратуры, для беларускай паэзіі. Відавочна, што гэта не толькі яркі самабытны паэт — гэта і грамадскі дзеяч з адкрыта выяўленай пазіцыяй, які рвецца ў бой і, на мой погляд, разумна і цікава абараняе свае пазіцыі, пазіцыі дэмакратычныя, пазіцыі нацыянальныя. Думаю, што па яркасці і па актыўнасці такога ў нас апошнім часам не было.

— А як паэт?

— Ну, паэт першакласны. Недарма Рыгор Барадулін, калі гаварыў пра сучасную паэзію, звычайна пачынаў з Някляева. Яго апошнія паэмы, вершы ягоныя — гэта проста цуд па майстэрстве, а, па-другое, яго паэзія — вельмі мудрая і разумная. Гэта сапраўдны паэт, сапраўдны, на гады.

— Аднак, што тычыцца Някляева-палітыка: вы ж адзін час хацелі пераканаць яго, каб ён сышоў з палітыкі і засяродзіўся выключна на творчасці, каб не марнаваў час на палітычную дзейнасць.

— Ну, дарагі мой, я сапраўды спрабаваў гэта зрабіць у свой час — мне гэта не ўдалося. Але я давяраю Някляеву — раз ён зрабіў так, значыць, для гэтага былі вельмі важкія прычыны. А тое, што ён зрабіў, — гэта яго рашэнне, гэта яго лёс. Я веру яму. І таму прымаю яго рашэнне.

— Дарэчы, у звязку з імем Алеся Адамовіча прыгадваецца такі запіс з яго нататніка: «…А кто-то, возможно, будет смотреть на фотогр[афию] твоего времени или читать вот это… Ну а вы? Вы как?.. Неужели вы всё еще позволяете фюрерам дурачить вас?» Напісана гэта было ў 1989 годзе...

— Я думаю, што і сёння гэтая фраза вельмі надзённая.

— Прычым з ёю можна звяртацца не толькі ў наш сённяшні час, але і ў будучыню таксама…

— Так-так.

— Бо, на жаль, гісторыя без фюрэраў не абыходзіцца.

— Так. І фюрэры ўсё драбнеюць і падлеюць…

20 мая. Перш чым працягнуць гутарку, я вярнуўся да ўчарашняй размовы, калі загаварыў пра магчымасць прыняць прычасце. Генадзь Мікалаевіч сказаў цяпер: «Сярожа, у нас тут многа блізкага, і ёсць, так сказаць, розніца. Справа ў тым, што ты надаеш вялікае значэнне гэтаму абраду, а я — не, хаця, я ж кажу, таксама веру ў Бога». І яшчэ раней: «Я ўжо так дажыву, як жыву»…

Ва ўніверсітэцкім скверыку. Стаяць (злева направа): Рыгор Барадулін, Анатоль Клышка, Васіль Зуёнак, Анатоль Вярцінскі, Генадзь Бураўкін. Сядзяць: Юрась Свірка, Мікола Арочка, Кастусь Цвірка

— Мусіць, у гэтыя цяжкія дні вы, Генадзь Мікалаевіч, думаеце і пра тое, што пакідаеце гэтую краіну зусім не такой, пра якую ўсе мы марылі і дасюль яшчэ марым?

— Я мару, імкнуся да беларускай Беларусі. Гэта пакуль што не адбылося.

— Але, на вашу думку, гэтая беларуская Беларусь некалі ўсё ж будзе?

— Хачу, каб была. Хачу. Але ты ведаеш, вера гэтая слабая.

— А які лёс, на ваш погляд, чакае беларускую мову?

— Я ўсё болей разумею месца мовы ў жыцці народа і ў маім асабістым жыцці. Я ўсё болей разумею значэнне мовы для яднання народа. Канешне, я думаю пра мову і магу пацвердзіць у канцы свайго жыцця: калі не будзе мовы, дык не будзе беларускай нацыі, не будзе беларускага народа.

— Генадзь Мікалаевіч, магу яшчэ папрасіць вас сказаць нешта тым, хто застаецца?

— Да тых, хто застанецца, у мяне адна вялікая просьба: берагчы Беларусь, прадаўжаць тое, што зрабілі і не дарабілі яе лепшыя сыны. І спадзявацца, што ўсе мы — і тыя, што былі, і тыя, што будуць, і тыя, што ёсць, — усе мы вечныя. Вечныя ў нашай мове, вечныя ў нашай гісторыі, вечныя ў беларускай зямлі, у беларускім слове.

— А я хачу сказаць вам, Генадзь Мікалаевіч, яшчэ вось што. Памятаеце, мы былі разам з вамі і Рыгорам Барадуліным у Бараўлянах у Васіля Быкава, і пасля вы справядліва заўважылі, што Васіль Уладзіміравіч адыходзіў вельмі мужна. Вы прабачце ўжо, калі ласка, але ў гэтыя дні, калі бачу

вас, калі думаю пра вас, у мяне пастаянна ўзнікае асацыяцыя з Быкавым. І я таксама магу сказаць, што паводзіце вы сябе, Генадзь Мікалаевіч, вельмі мужна і годна.

— Стараюся… Стараюся… Дзякуй, Сярожа. Ты са мной усе гэтыя цяжкія часіны мае, так што можаш бачыць, можаш рабіць высновы… Стараюся, стараюся, дарагі мой. Гэта апошняе, што я магу…

— Старэйшы сын Быкава Сяргей Васільевіч расказваў пра адну размову з бацькам: ён неяк заўважыў, што, мабыць, Васіль Уладзіміравіч нарадзіўся не ў той час і не ў той краіне. Быкаў адказаў на гэта: можа быць, не ў той час, але дакладна ў той краіне. А вы, Генадзь Мікалаевіч, нарадзіліся ў свой час і ці ў той краіне?

— Тое, што ў той краіне, гэта бясспрэчна. Іншай краіны ў мяне няма. А ў той час ці не — Божа мой, каб я знаў, што нас чакае далей, як усё будзе... А так, буду спадзявацца, што не ў самы горшы час.

— А якія самыя светлыя часы ў вашым жыцці?

— Ну, відаць, юнацтва, калі было каханне, калі было маладое ўніверсітэцкае гуртаванне літаратараў, бо я не помню тады сябе сумным, разгубленым…

21 мая. Сёння, выбачаючыся, запытаўся, ці можна будзе зрабіць фотаздымкі? Адказаўшы станоўча, Генадзь Мікалаевіч заўважыў: «Як сказаў Васіль…» Ён не дагаварыў — ці забыўся, ці, хутчэй за ўсё, не захацеў паўтараць быкаўскае: «Снимок на смертном одре». Васіль Уладзіміравіч казаў так, калі разам з Бураўкіным і Барадуліным мы былі ў Бараўлянах за пяць дзён да яго сыходу. Генадзь Мікалаевіч дадаў цяпер: «Васіль мудры быў чалавек, ён разумеў…» І хоць фотаапарат быў у мяне з сабой, але я не наважыўся дастаць яго.

— Генадзь Мікалаевіч, калі гаварыць пра старэйшае пакаленне, прасіў бы вас даць яшчэ некалькі характарыстык. Вось што за чалавек быў Пятрусь Броўка?

— На мой погляд, гэта была складаная асоба. Ён вельмі многа зрабіў для беларускай справы — гэта і тое, што арганізаваў і ўзначаліў «Энцыклапедыю», і тое, што быў на чале розных ініцыятыў. А як паэт… як паэт, канешне, быў слабаваты. Ну але, як той казаў, каму Бог колькі даў. Аднак паэт быў шчыры, «непритязательный», па-руску кажучы. У яго ёсць некалькі даволі прыстойных вершаў, звязаных з прыродай, з маладосцю, — той жа «Пахне чабор», «Шумі, мой лес, шумі…». І гэта, лічу, павінна ў гісторыі не згубіцца.

— Я так разумею, што ў нечым супрацьлеглая Броўку асоба — Аркадзь Куляшоў.

— Ну, не супрацьлеглая. Куляшоў — маўчун, чалавек у адзіноце. Але вельмі глыбокі, вельмі таленавіты. Гэта, канешне, майстар слова. Ён радок шліфаваў — чаго не рабіў Броўка. Наогул, Куляшоў выводзіў нашу паэзію на еўрапейскі ўзровень.

— Яшчэ адно імя — Максім Танк.

— А-а! Максім Танк — гэта геніяльны паэт. Ён, канешне, у нечым, на мой погляд, уступаў і Куляшову, і Панчанку — саступаў у рабоце над радком. Але гэта паэт геніяльны. Яму столькі было дадзена, што ён нават, відаць, і не ўсведамляў таго,

З Андрэем Макаёнкам і Васілём Быкавым. 1973 год.
Фота Уладзіміра Крука

як многа яму дадзена. Ну і потым, я чытаў летам ягоныя дзённікі ў 10-м томе — гэта споведзь чалавека нашага часу, чалавека як быццам бы паднявольнага. Споведзь шчырая, споведзь разумная, споведзь балючая.

— Генадзь Мікалаевіч, а якія, на ваш погляд, асноўныя памылкі гэтага пакалення? Безумоўна, гэтыя пісьменнікі былі людзьмі свайго часу…

— Гэта сапраўды знакі свайго часу. І ў Броўкі, і ў Танка, і ў іншых многа пустога, бяздумнага грукатання. Але я не ведаю, вінаваціць іх за гэта ці не. Быў такі час. Мы ў ім жылі. Мы ягоныя дзеці.

— Прыгаданы вамі Панчанка неяк сказаў Барадуліну нібыта жартам, але, відаць, не без сур'ёзнасці: «Я не здолеў стаць геніем, дык ты павінен стаць ім. А калі не станеш, дык збяромся ўсім кагалам і адлупцуем цябе».

— Ну, удалы, але разумны жарт.

— Аднак чаму цяпер прыгадаў яго: Барадулін, на ваш погляд, здолеў стаць геніем?

— Канешне. Бясспрэчна.

— А, на вашу думку, геніямі нараджаюцца ці становяцца? І ці можна пахаваць у сабе генія?

— Можна. Я лічу, што нараджаюцца. Геніі нараджаюцца, а потым людзі геніяльныя або гэта ўсё

развіваюць, як Пушкін, Міцкевіч, або, наадварот, хаваюць, закопваюць.

— Генадзь Мікалаевіч, прабачце за правакацыйнае пытанне, але ці ўсведамляеце, якой велічыні вы паэт?

— Не зусім… Не зусім… Ведаю, што я паэт шчыры, я паэт, як кажуць, не бяздарны. А астатняга не ведаю…

23 мая. У Бураўкіна былі разам з Міхасём Скоблам, які толькі сёння прыехаў з Украіны і цяпер распавядаў пра свае ўражанні. І калі Бураўкін неяк сказаў: «Вы пра мяне не думайце… спраў у мяне засталося мала», — я заўважыў: «Вы, Генадзь Мікалаевіч, і самі, мусіць, ведаеце, што не дарэмна жыццё пражылі, бо шмат чаго зрабілі».

— Не, не дарэмна. Гэта я смела скажу, таму што тры рэчы, якія я зрабіў, робяць мне гонар. Гэта тое, што я зрабіў нацыянальнае беларускае тэлебачанне; тое, што ўдзельнічаў у абароне Быкава… Так што — я ганаруся…

— А трэцяя рэч?

М. Скобла: «Калыханка».

— Сапраўды, колькі дзяцей вы выгадавалі, Генадзь Мікалаевіч. Але можна дадаць яшчэ колькі пунктаў вам у заслугу: чацвёртае — гэта ваша паэзія, пятае — ваша вялікая сям'я…

— Не вялікая — магла быць большая… Выдатная сям'я! Выдатная!

— Вы столькі ўсяго здзейснілі, што іншыя нават не даўмеліся б зрабіць. Многія, хто маглі дасягнуць нечага ў жыцці і творчасці, тым не менш нічога не дамагліся, а вы, Генадзь Мікалаевіч, і дамагліся, і сталіся.

— Так, гэта праўда. Гэта праўда… Адзінае хочацца, каб усё гэта не дарма…

Пазней, перад самым развітаннем, Бураўкін удакладніў тыя тры рэчы, пра якія гаварыў раней: першае — беларускае тэлебачанне, другое — абарона Васіля Быкава, трэцяе — Кангрэс за незалежнасць. «Так што вось запішы», — сказаў.

Разам з сябрамі Васілём Быкавым і Мікалаем Матукоўскім. Фота Людмілы Матукоўскай

Пад Кангрэсам за незалежнасць ён меў на ўвазе Усебеларускі з'езд 2000 года, на якім прысутнічала амаль паўтары тысячы дэлегатаў з усёй краіны і на якім быў прыняты Акт незалежнасці Беларусі; Бураўкін быў сустаршынёй з'езда — разам з Рыгорам Барадуліным, Радзімам Гарэцкім і Анатолем Грыцкевічам.

24 мая. Бураўкін — ледзь сёння ўбачыліся — чамусьці прыгадаў, што ў дзяцінстве хацеў быць «або Сталіным, або пісьменнікам». Я — жартам: «Сталіным — чаму? Дыктатарам хацелі быць, Генадзь Мікалаевіч?» — «Не ў гэтым плане. У тым сэнсе, які ўсё можа». — «Тут жа ёсць нешта агульнае — паміж правадыром і пісьменнікам, бо абодва здольныя ўплываць на людзей». — «Канешне, — пагадзіўшыся, Бураўкін папрасіў: — Так, Сярожа, зараз я трохі ачухаюся…» Праз нейкі час наша размова працягвалася.

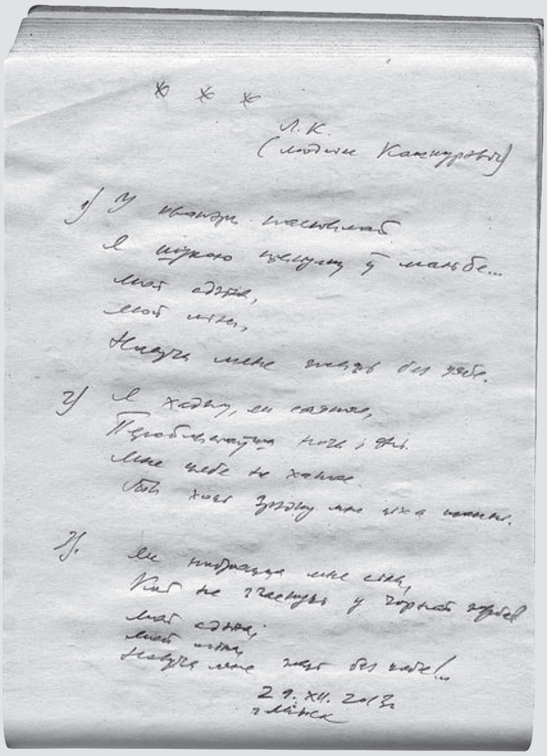
— Генадзь Мікалаевіч, а што б вы параілі маладым пісьменнікам? Гэта ж цяжка зразумець: ці атрымаецца з цябе нешта, ці ўсё ж ты графаман.

— Ты ведаеш, і цяжка, і лёгка. Справа ў тым, што калі гэта тваё, дык цябе нічым не адаб'еш ад гэтага. А калі не тваё, дык вельмі лёгка гэта зразумець, бо прафесія ўжо пры першай жа няўдачы цябе адпрэчыць. Гэтая справа прафесійная — яна даволі хітрая…

Генадзь Бураўкін у сваім працоўным кабінеце разам з жонкай Юліяй Якаўлеўнай. Фота Сяргея Шапрана

— Мяне ўвесь час здзіўляў Барадулін, які ніколі не гаварыў, што ён паэт. Ён казаў: «Я — чорнарабочы беларускай мовы». А ў адказ на мае роспыты прызнаваўся, што ўпершыню зразумеў, што нечагаварты, толькі пасля кнігі «Евангелле ад Мамы». А гэта ж быў 1995 год. У сваю чаргу Някляеў пісаў, што зразумеў, што не сталася памылкі на нябёсах, а калі і ёсць, дык

Аўтограф апошняга верша Генадзя Бураўкіна

невялікая, толькі пасля кнігі «Прошча». А вы, Генадзь Мікалаевіч, калі зразумелі, што вы — паэт?

— Ну і пытанні ты задаеш!.. Я зразумеў, што я не лішні ў літаратуры і нешта магу, недзе ў 1980-я гады.

— А да таго часу сумненні былі?

— Былі.

— А тое, пра што раней гаварылі, — што паэзіі ў вашым жыцці было менш, чым магло быць, — гэта найвялікшае ваша шкадаванне?

— Гэта самае галоўнае шкадаванне.

— Вы ўжо прабачце, калі ласка, але, гледзячы збоку на ваш лёс, я так мяркую, што ў вашым жыцці не было вялікіх памылак, ці я проста пра іх не ведаю.

— Ты разумееш, дарагі мой, у мяне не было трагічных памылак у жыцці, і памылкі жыццёвыя прыкрываліся памылкамі прафесійнымі, гэта ўсё згладжвалася. Таму, можа, і атрымалася больш-менш нармальна.

— З іншага боку, прыгадваецца, што сказаў пра сябе, пра свае памылкі Барадулін: «Быць на млыне і не запыліцца немагчыма».

— Канешне… Канешне… Я разумею цябе, але мне гаварыць пра гэта цяжка, бо гэта датычыць персанальна мяне. Таму што выбар у мяне часта быў цяжкі, і я яго рабіў, і выбар гэты часам быў, скажам так, не самы ўдалы… Ну, але што зробіш? Жыццё — яно прайшло. Справа ў тым, што гэта ўжо зроблена. А калі звычайна гаворыцца пра нешта, заўсёды маецца на ўвазе нейкі зазор — а што калі б? Але хто яго ведае, што было б, калі б што?

— Вы зноў жа прабачце, але вы, мусіць, і без мяне пра гэта думаеце. І, можа, гэты час дзеля таго вам і дадзены, каб вы нешта падсумавалі, нешта пераасэнсавалі?

— Можа-можа. Але дужа мала дадзена, дужа мала дадзена…

30 мая. Хацеў завітаць да Бураўкіна яшчэ ўчора, але, калі патэлефанаваў, Юлія Якаўлеўна сказала, што ўдзень яму было настолькі блага, што яна нават дзяцей паклікала — сына Аляксея і дачку Святлану. Удзень Генадзь Мікалаевіч спаў, потым знаходзіўся ў непрытомнасці. Урач, якая прыходзіла ўвечары, сказала, што засталося не больш за дзве гадзіны. Аднак гэтыя «дзве гадзіны» доўжыліся да рання, і ўвесь гэты час побач былі жонка Юлія Якаўлеўна, дачка Святлана і сын Аляксей…

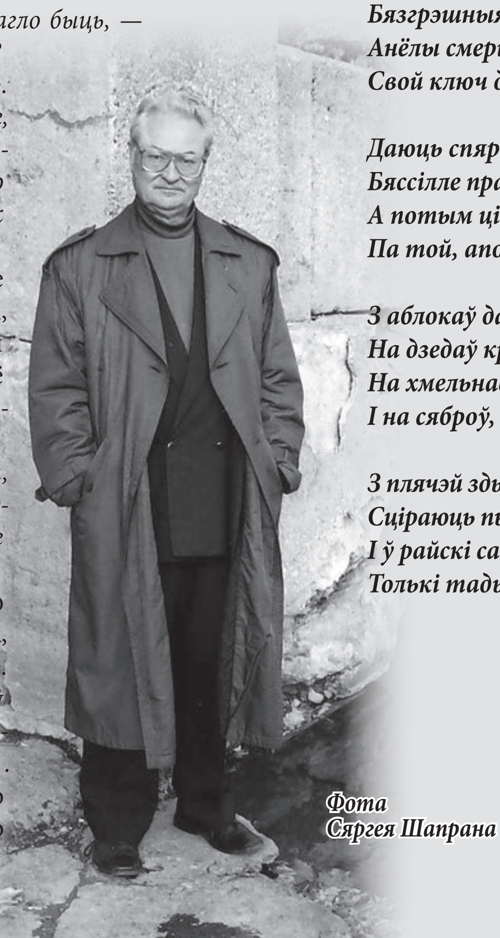
Зрэшты, у той апошняй і, мабыць, самай спавядальнай кнізе Бураўкіна «Нагаварыцца з зоркамі», — якую мы цягам тыдня ўсё ж паспелі падрыхтаваць і выдаць і сігнальны экзэмпляр якой Генадзь Мікалаевіч убачыў за тры тыдні да свайго сыходу, — ёсць і пра гэта. Вядома, наўрад ці восенню 2011 года, калі напісаўся гэты верш, ён мог прадбачыць, які лёс напаткае яго праз некаторы час. Наўрад ці прадбачыў, але прадказаў з прарочай дакладнасцю:

Няпраўда,
Што імгненна паміраюць
Бязгрэшныя ў намоленай цішы.
Анёлы смерці доўга падбіраюць
Свой ключ да іх асуджанай душы.

Даюць спярша спазнаць людскія мукі,
Бяссілле праўды і адчай трывог.
А потым ціха іх вядуць за рукі
Па той, апошняй з іх зямных дарог.

З аблокаў дазваляюць азірацца
На дзедаў крыж, на матчына вакно,
На хмельнае шчаслівае юнацтва
І на сяброў, што здрадзілі даўно.

З плячэй здымаюць іхні скарб сабраны,
Сціраюць пыл, нажыты пры жыцці, —
І ў райскі сад, што за высокай брамай,
Толькі тады запросяць увайсці…

Фота Сяргея Шапрана

Беларуская лацінка і медыі

Беларуская мова — двухграфічная. Беларуская лацінка — цалкам самастойная графічная сістэма, са сваёй гісторыяй ды доўгаю практыкаю ўжывання.

Настасся МАЦЯШ

На пісьме гукі мовы абазначаюцца ўмоўнымі графічнымі знакамі — літарамі. Літары мы бачым, пішам, чытаем. Сучасныя мовы карыстаюцца рознымі сістэмамі пісьма: кірыліца, лацінка, арабіца ды інш. Самая звыклая для нас — кірыліца, але ў пэўны перыяд беларусы паслугоўваліся лацінскім шрыфтам, а беларускія татары пісалі свае тэксты беларускай арабіцаю. І калі беларуская арабіца сёння не запатрабаваная, лацінка не проста працягвае функцыянаваць, але і пашырае свае сферы ўжывання. Каб правільна падаць назву паселішча або прозвішча ў іншамоўным варыянце беларускай інтэрнэт-старонкі, трэба ведаць лацінку. Каб пісьменна па-беларуску аформіць інтэрнэт-адрас, трэба ведаць лацінку.

Гістарычны аспект

Па вялікім рахунку, беларуская мова — двухграфічная. Беларуская лацінка — абсалютна самастойная графічная сістэма, са сваёй гісторыяй ды працяглай практыкаю ўжывання. Лацінкаю пісалі творы Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч і Францішак Багушэвіч. Кастусь Каліноўскі друкаваў лацінкаю газету «Mużyckaja prauda». У пачатку XX ст. палова накладу газеты «Наша доля» выходзіла лацінскімі літарамі. Мела лацінічны варыянт і «Наша ніва». Публікавалі свае зборнікі лацінскаю графікай Янка Купала, Якуб Колас, Цішка Гартны, Змітрок Бядуля.

За першыя дзесяцігоддзі XX ст. падрыхтавалі некалькі граматык, якія ўпарадкоўвалі правілы перадавання беларускай мовы лацінскімі літарамі: «Biełaruskaja hramatyka dla škoł» Браніслава Тарашкевіча, «Hramatyka biełaruskaj mowy» Баляслава Пачопкі, «Biełaruski prawapis» Антона Луцкевіча і Яна Станкевіча, «Prosty sposab stacca u karotkim časie hramatnym» Рудольфа Абіхта і Яна Станкевіча.

У 1920-я гады сярод мовазнаўцаў сур'ёзна абмяркоўвалася прапанова перайсці з кірыліцы на лацінку як адзіны беларускі шрыфт. Не дзіва, што савецкія ўлады кваліфікавалі гэтую тэндэнцыю як шкодніцкую.

Такім чынам, калі б сёння трэба было перайсці на лацінку, не давялося б распрацоўваць новай сістэмы пісьма, варта было б узгадаць папярэднікаў.

Сучасная беларуская лацінка

Багатыя напрацоўкі мовазнаўцаў улічылі і пры складанні афіцыйнага дакументу, паводле якога рэкамендуецца афармляць беларускія найменні ў іншамоўных тэкстах: у 2007 г. Дзяржаўны камітэт зямельных рэсурсаў, геадэзіі і картаграфіі Беларусі зацвердзіў апошнія змены ў «Інструкцыю па транслітарацыі геаграфічных назваў Рэспублікі Беларусь літарамі лацінскага алфавіта».

Інструкцыя мае абавязковы для выканання характар: «Требования настоящей Инструкции обязательны для всех министерств, республиканских органов государственного управления, учреждений, предприятий, организаций, независимо от форм собственности, физических лиц, включая иностранные, имеющих специальные разрешения на право осуществления деятельности в области географических названий Республики Беларусь».

Гэтую ж інструкцыю зацвердзілі ў ААН для перадавання беларускіх найменняў у лацінаграфічных мовах (National System of Geographic Names Transmission into Roman Alphabet in Belarus. Ninth United Nations Conference on the Standardization of Geographical Names. New York, 21–30 August 2007).

Беларускія тапонімы і імёны ў іншамоўных версіях сайтаў

Для чаго трэба ведаць правілы транслітарацыі? Каб належна прэзентаваць сябе свету. У век інтэрнэту беларускія сайты робяць іншамоўныя варыянты сваіх старонак, спрабуючы ахапіць як мага большае кола наведнікаў і пашыраць сваю інфармацыю па-за межамі краіны, выйсці за беларускі сегмент сеціва. І вось тут катастрафічна нестае ведаў і ўсведамлення, як жа правільна падаваць у ангельскім / польскім / нямецкім тэксце беларускія імёны і геаграфічныя назвы.

Пануе ўяўленне, што напісанне ўласных назоўнікаў трэба дапасоўваць да правілаў той мовы, на якую перакладаецца тэкст. Калі старонка ангельскамоўная, то і выгляд імёнаў мусіць быць «ангельскі». Гэта няслушна. У кожнай мовы з нелацінічнаю графікаю ёсць свае правілы раманізацыі (пераводу на лацінку). Яны замацаваныя ў якасці міжнародных. Пры іх дапамозе дасягаецца **аднолькавая** рэпрэзентацыя найменняў з пэўнай мовы. Свае правілы раманізацыі ёсць у кітайскай мове (пераход з іерагліфічнага пісьма на лацінічнае). Стандарт

ПРАВІЛЫ ТРАНСЛІТАРАЦЫІ

А а	**A a**	**А**ршанскі — **A**ršanski
Б б	**B b**	**Б**ешанковічы — **B**iešankovičy
В в	**V v**	**В**іцебск — **V**iciebsk
Г г	**H h**	**Г**омель — **H**omieĺ, **Г**аўя — **H**aŭja
Д д	**D d**	**Д**обруш — **D**obruš
Е е	**Je je***	**Е**льск — **Je**ĺsk, Бабаедава — Baba**je**dava
	ie**	В**е**нцавічы — V**ie**ncavičy
Ё ё	**Jo jo***	**Ё**ды — **Jo**dy, Вераб'**ё**вічы — Vierab**jo**vičy
	io**	М**ё**ры — M**io**ry
Ж ж	**Ž ž**	**Ж**одзішкі — **Ž**odziški
З з	**Z z**	**З**эльва — **Z**eĺva
І і	**I i**	**І**ванава — **I**vanava, **І**ўе — **I**ŭje
Й й	**J j**	Лаго**й**ск — Laho**j**sk
К к	**K k**	**К**руглае — **K**ruhlaje
Л л	**L l**	**Л**ошыца — **L**ošyca, **Л**юбань — **L**iubań
М м	**M m**	**М**агілёў — **M**ahilioŭ
Н н	**N n**	**Н**ясвіж — **N**iasviž
О о	**O o**	**О**рша — **O**rša
П п	**P p**	**П**аставы — **P**astavy
Р р	**R r**	**Р**агачоў — **R**ahačoŭ
С с	**S s**	**С**ветлагорск — **S**vietlahorsk
Т т	**T t**	**Т**алачын — **T**alačyn
У у	**U u**	**У**зда — **U**zda
Ў ў	**Ŭ ŭ**	Шарка**ў**шчына — Šarka**ŭ**ščyna
Ф ф	**F f**	**Ф**аніпаль — **F**anipaĺ
Х х	**Ch ch**	**Х**оцімск — **Ch**ocimsk
Ц ц	**C c**	**Ц**ёмны Лес — **C**iomny Lies
Ч ч	**Č č**	**Ч**авусы — **Č**avusy
Ш ш	**Š š**	**Ш**уміліна — **Š**umilina
'(апостраф)		не перадаецца Раз'езд — Razjezd
Ы ы	**Y y**	Ч**ы**гірынка — Č**y**hirynka
Ь ь		Чэрвен**ь** — Červie**ń**, Друц**ь** — Dru**ć**
Э э	**E e**	Чач**э**рск — Ča**če**rsk
Ю ю	**Ju ju***	**Ю**хнаўка — **Ju**chnaŭka, Га**ю**ціна — Ha**ju**cina
	iu**	Ц**ю**рлі — C**iu**rli, Л**ю**бонічы — L**iu**boničy
Я я	**Ja ja***	**Я**мнае — **Ja**mnaje, Ба**я**ры — Ba**ja**ry
	ia**	В**я**зынка — V**ia**zynka, Валяр'**я**ны — Valiar**ja**ny

* У пачатку слова, пасля галосных, апострафа, мяккага знаку, «у» нескладовага.
** Пасля зычных.

раманізацыі ёсць для сербскай, балгарскай, мангольскай моваў (перавод з кірылічнага пісьма на лацінічнае). Ёсць і для беларускай. Гэта ўжо згаданая вышэй «Інструкцыя па транслітарацыі геаграфічных назваў Рэспублікі Беларусь літарамі лацінскага алфавіта». І прытрымлівацца яе гэтак жа натуральна, як пільнаваць пісьменнасць сваіх тэкстаў.

Што бачым на іншамоўных старонках беларускіх медыяў? Напісанні «па-ангельску» практыкуе большасць нашых сайтаў. Але ж адметныя беларускія назвы і прозвішчы рэпрэзентуюцца не толькі ў ангельскамоўнай інтэрнэт-прасторы. І тады пачынаецца разнабой. У розных версіях аднаго і таго ж сайту людзі лацінкаю падаюцца па-рознаму, а іншыя сайты дадаюць варыянтаў: *Alyaksandr Lukashenka*, *Aleksandr Łukaszenka* (belsat.eu), *Aliaksander Lukashenka* (belarusinfocus.info), *Alexander Lukashenko* (belta.by), *Aleksandr Lukashenko* (naviny.by) — хоць паўсюль мусіла б быць *Aliaksandr / Aliaksandar Lukašenka*. *Maryna Adamovich* і *Maryna Adamowicz* (правільна — *Maryna Adamovič*), *Mikalai Statkevich*, *Mikołaj Statkiewicz* і *Mikałaj Statkiewicz* (правільна — *Mikalaj Statkievič*) (belsat.eu). *Uladzimir Nyaklyayeu*, *Uladzimir Nyaklyaeu* (euroradio.fm); *Neklyaeu* і *Uladzimir Niakliaeu* (charter97.org) — апошні варыянт цалкам прымальны, але можна палепшыць яго дыякрытыкаю: *Uladzimir Niakliaeŭ*. *Lidziya Yarmoshyna* (charter97.org) і *Lidzija Jarmoszyna* (belsat.eu) — трэба *Lidzija Jarmošyna*. *Charnobylski Shlyakh* (euroradio.fm, charter97.org, belapan.com) — але нідзе няма слушнага напісання назвы беларускай акцыі: *Čarnobyĺski šliach*.

Асобна варта звярнуць увагу на перадаванне назваў беларускіх паселішчаў. Пад рэдакцыяй прафесара Валянціны Лемцюговай, распрацоўніцы сістэмы раманізацыі геаграфічных назваў, выйшаў рэестр усіх беларускіх вёсак і гарадоў «Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь». Нарматыўны даведнік уключае ўсе наяўныя на 6 студзеня 2006 г. назвы беларускіх паселішчаў. База дасяжная для спампоўвання ў інтэрнэце (http://slounik.org/books). Назвы падаюцца кірыліцаю, **лацінкаю** (у адпаведнасці з афіцыйна прызнанаю сістэмаю раманізацыі) ды па-расейску. У беларускамоўнай частцы ўва ўсіх назвах паказаны націск, граматычны род, множны лік, прыводзяцца парадыгмы скланення, варыянты рэестравых назваў і страчаныя назвы. Менавіта адтуль і варта браць правільныя раманізаваныя формы беларускіх паселішчаў, калі перакладчык не можа самастойна напісаць назву беларускаю лацінкаю, — каб на старонках беларускіх медыяў не з'яўляліся напісанні кшталту *Kuropaty*, *Pruzhany*, *Homyel* (naviny.by) замест правільных: *Kurapaty*, *Pružany*, *Homieĺ*.

Не карыстацца пры перадаванні ўласных імёнаў беларускаю лацінкаю — гэта значыць дэманстраваць няспеласць, падтрымліваць пазіцыю другаснасці беларускай мовы ў параўнанні з іншымі, у т. л. ангельскаю і польскаю, множыць колькасць варыянтаў.

Стасаваць афіцыйна прынятую сістэму раманізацыі пры перакладзе матэрыялаў на розныя мовы варта і расейскамоўным беларускім сайтам. Беларуская форма ўласных імёнаў у Беларусі — першасная, асноўная. І гэта натуральна, што пацвярджае і «Інструкцыя па транслітарацыі»: «3. Передача географических названий Республики Беларусь на латиницу осуществляется с их правильного написания **на белорусском языке**, засвидетельствованного официальными источниками».

Шмат каму падаецца, што мы не маем права навязваць іншай мове сваіх правілаў. Але тут не ідзецца ні пра якое навязванне, размова выключна аб практыцы абыходжання з імёнамі і назвамі, **распаўсюджанай па ўсім свеце**, **прызнанай за адзіна магчымую адмысловымі органамі ААН**.

«Бі-бі-сі»: «*Diego **Velázquez** changed western art*» (імя выбітнага мастака пішацца па-іспанску з ***á***, нікога ў

выданні не бянтэжыць, што ў ангельскай мове няма такой літары, пакідаюць аўтэнтычнае напісанне); «*From relaxed sensuality at **Céline** to sombre sculptures at **Comme des Garçons**…*» (без зменаў пакінутыя ўласныя найменні з французскай мовы — бачым літары з дыякрытыкаю ***é***, ***ç***, не ўласцівыя ангельскай, на якой напісаны матэрыял).

«***Željko Topić** and Ivan **Šimonović**, Two Residues of Ivo Sanader's Corrupt Regime…*» — піша ангельскамоўны рэсурс techrights.org.

Брытанская газета «The Guardian»: «*In the Carrefour neighbourhood of **Duékoué**…*» (французскае мястэчка Дўэкўэ захавала «неангельскае» аблічча). На старонцы гэтага ж выдання вугорскага палітыка, еўракамісара Ласла Андара падаюць у такім напісанні: «***László Andor**, a Hungarian economist, is European commissioner for employment, social affairs and inclusion*».

Ёсць практыка апускаць дыякрытыку, пакідаць літары без надрадковых і падрадковых знакаў. Такі падыход таксама прымальны: «*Turkish President Recep Tayyip Erdo**g**an visited Iran…*» (washingtonpost.com; не *Erdo**ğ**an*). «*Lech Wa**le**sa: "My work here is done"*» (bbc.com; не *Lech Wa**łę**sa*).

Ёсць і ў беларускай медыяпрасторы прыклад слушнага падавання беларускіх найменняў на іншамоўнай старонцы. На сайце Беларускай асацыяцыі журналістаў бачым: *Volny Horad*, *Sklou*, *Krycau*, *Siarhiej Niarouny*, *Tacciana Iukina*, *Jury Barejsa*, *Siarhiej Sys*, *Uladzimir Hrydzin*, *Alaksandar Majsienia*. І ўжыванне спрошчанай беларускай лацінкі, без дыякрытыкі, варта было б горача вітаць, аднак яно, на жаль, сустракаецца ў даўнейшых тэкстах. У сучасных жа матэрыялах — *Mikhail Yanchuk* (замест *Michaś Jančuk*), *Larysa Schyrakova* (замест *Larysa Ščyrakova*), *Pavel Seviarynets* (замест *Paviel Seviaryniec*), *Baranavichy* (замест *Baranavičy*), *Luninets* (замест *Luniniec*). Будзем спадзявацца, што беларуская лацінка пераможа «ангельскія» напісанні, і неўзабаве сайт будзе практыкаваць сістэмны падыход у перадаванні ўласных імёнаў.

Варта нашым медыям далучацца да сусветнай практыкі ды падаваць беларускія ўласныя імёны ў іншамоўных матэрыялах, выкарыстоўваючы беларускую лацінку, з дыякрытыкаю ці без.

Адрасы інтэрнэт-старонак

Яшчэ адна сфера, у якой мусіць «жыць» беларуская лацінка, — інтэрнэт-адрасы. Сайт выдання «Новы час» мае адрас novychas.info. Абгрунтаванне такога напісання відавочнае: нібыта даць novyčas — немагчыма, а novycas — ніхто не ідэнтыфікуе з кірылічнаю назваю. Як жа афармляюць адрасы ў мовах з лацінічнаю графікаю і дыякрытыкаю?

Літоўскі баскетбольны клуб «Жальгірыс» («**Ž**algiris») мае такі адрас: **z**algiris.lt. Мяркую, ім і ў галаву б не прыйшло зарэгістраваць дамен кшталту **zh**algiris.lt. Адрас літоўскага радыёканалу «Жыню радзіяс» («Радыёнавіны», «Žinių radijas») таксама не падладжвае сваёй назвы пад ангельскую мову: ziniuradijas.lt.

Польскі футбольны клуб «Заглэмбе» («Zag**łę**bi**e**») мае старонку zaglebie.com (не *zag**wem**bye*). Радыё «Гожаў» («Radio Go**rzów**») — radiogorzow.fm (не *go**zhuf***). Румынскі футбольны клуб «Ацэлул» («O**ţ**elul») — otelul-galati.ro (не *o**ts**elul*). Турэцкі баскетбольны клуб «Ушак Спартыф» («U**ş**ak Sportif») — usak.bel.tr (не ***oosh**ak*). Харвацкая штодзённая газета «Вэчэрні лыст» («Ve**č**ern**j**i list») — vecernji.hr (не *ve**ch**ern**y**i list*). Як бачым, звыклая сусветная практыка — не прыстасоўвацца да ангельскамоўнага сегменту інтэрнэту, а трымацца свайго.

Паказальная і паслядоўная ў гэтым сэнсе практыка «Вікіпедыі». Ангельская старонка, прысвечаная дарадцу прэзідэнта Еўрапарламенту Арналдасу Пранцкявічусу (Arnoldas Pranckevičius) мае адрас lt.wikipedia.org/wiki/Arnoldas_Pranckevi**č**ius. Французская «Вікіпедыя» піша пра нямецкага палітыка Маркуса Лёнінга (Markus L**ö**ning) на адрасе fr.wikipedia.org/wiki/Markus_L**ö**ning. Нямецкая «Вікіпедыя» прысвячае артыкул латышскаму хакеісту Мартыньшу Карсумсу (M**ā**rti**ņš** Karsums) і гэтак афармляе адрас: de.wikipedia.org/wiki/M**ā**rti**ņš**_Karsums. Як бачым, ніхто і не думае «перакладаць» імёны — наадварот: дыякрытыка пакідаецца нават у адрасным радку.

Што ж у беларускім сегменце інтэрнэту? Навіна пра Уладзіміра Някляева на сайце «Еўрарадыё» мае адрас: http://euroradio.fm/nyaklyaeu-kali-lukashenka-poydze-na-reformy-hay-yon-budze-prezidentam. З увагі на беларускую лацінку прачытаць гэта можна наступным чынам: «Ныаклыаэў: калі Лукасгэнка поыдзэ на рэформы, гаы ыон будзэ прэзідэнтам».

Не пераймаецца пісьменным падаваннем адрасоў і радыё «Рацыя»: http://www.racyja.com/hramadstva/padarunki-dlya-dzyatsej-sirot/ — атрымліваецца «Падарункі длыа дзыатсэй-сірот».

А вось прыклад са старонкі «Новага часу»: http://novychas.info/asoba/aliesj_arkush_treba_zausiody_i/. «Перакладаем» з «лацінкі» на кірыліцу: «Алесй Аркусг: трэба заўсёды…» Варта заўважыць, што «Новы час» ужывае больш удалую версію транслітарацыі, «англізуючы» толькі паасобныя спалучэнні, таму ў некаторых выпадках адрас напісаны карэктна: http://novychas.info/zamezza/drakon_z_miacom/ — «Дракон з мячом».

Прыклады бездакорных беларускіх інтэрнэт-адрасоў знайсці складана, але, на шчасце, яны ёсць: інтэрнэт-крама «Кнігі поштай». Выданне Аляксандра Краўцэвіча «Гісторыя Вялікага Княства Літоўскага (1248–1377 гг.)» прапаноўваецца пакупнікам праз адрас knihi.by/knihi/kraucevic-alaksandr-historyja-vialikaha-kniastva-litouskaha-1248-1377-hh. Кніга Анатоля Клышкі «Чую, бачу, гавару» мае адрас knihi.by/knihi/klyska-anatol-cuju-bacu-havaru. І гэтак узорна падаецца ўвесь тавар. Спадзяюся, і беларускія медыі падцягнуцца.

Беларуская лацінка мае багатую гісторыю, яна распрацаваная, дасканала прыстасаваная для патрэбаў беларускай мовы. Навошта ж выдумляць ровар і браць на свае патрэбы чужое? Самы час, каб афіцыйна прынятая сістэма раманізацыі беларускіх найменняў стала выкарыстоўвацца на практыцы, пагатоў ёсць шырокі патэнцыял і належная сфера ўжывання. Ігнараваць беларускую лацінку пры афармленні сайтаў — паказваць сваю непісьменнасць. Дык паспрыяйма ж выпраўленню сітуацыі!

Раиса Михайловская:

Фото Геннадия Кеснера

Раиса Константиновна Михайловская: юрист, правозащитник, директор Белорусского документационного центра (БДЦ)

Раиса Константиновна меня рассмешила.

Сказала, что журналисты должны сами интересоваться ее организацией: заходить на недавно созданный сайт, звонить, держать на контроле все новости БДЦ и пр. По идее, мне бы пожать плечами и забыть, предоставив Михайловской возможность дожидаться, когда наш брат журналист, потерявши покой, станет названивать без видимой причины. Но, поскольку мы все-таки подруги, я усадила Раису за стол (она как раз принесла пиццу), налила кофе и спросила: «Вот ты, собиратель документов, что можешь нам, пишущим *на разные темы*, предложить?»

Марина БЕЛЯЦКАЯ

При этом я, конечно, знаю, что именно может предложить Раиса: ее работа — сбор документов о нарушениях прав граждан и иных свидетельств, имеющих историческое значение. Не жалобы, не воспоминания, не чья-то рефлексия, а только юридические документы. Бумажки с подписями или печатями: заявления, постановления, служебные записки, адвокатские запросы, ответы на них и так далее. Прежде этим материалом мог заинтересоваться узкий круг репортеров, специализирующихся на правовой тематике и желающих выявить «взаимоотношения» права и политики в нашей стране.

Но недавно на основе таких «бумажек» Михайловская восстановила события 15-летней давности (когда в стране исчезли видные политические деятели). И «бумажками» заинтересовала всех.

За полгода до этого Михайловская на целый месяц взяла меня в плен: я приходила к ней домой, и она раскладывала перед моим носом в хронологическом порядке разные листочки из тех времен. Ксерокопии, постановления, заявления, заключения, объяснительные, письма и ответы на них. Конечно, страшную фабулу я (как и все журналисты моего поколения) сама прекрасно помню. Но, ползая по полу в ворохе бумаг, многие документы увидела впервые. В результате получился фильм-расследование под названием «Банда». Я только описала подобранный Раисой материал.

В базе данных БДЦ хранится еще около 30 тысяч документов, из которых, по словам Михайловской, можно делать продукт: и фильмы снимать, и статьи писать.

Потому журналисты и должны звонить.

— Они должны держать руку на пульсе? — с ма-а-леньким оттенком иронии добавила я к первому вопросу, потому что Раису он удивил: как это — *«что можешь предложить»?* — **Нужно интересоваться, не нашла ли ты в своих хранилищах еще документальных «сюжетов»?**

— Да! Потому что я нашла. И еще найду. А когда на сайте БДЦ в полную силу заработает интерактивная кнопка «Свяжись с нами», появятся и свежие истории. Но взаимодействие с прессой мне нужно не только для этого.

«Журналисты не знают, что у меня полно детективов»

в прессу — со всеми вытекающими последствиями. Постепенно это у них стало нормой: закон нарушать нельзя. А у нас можно, потому что никто, кроме пострадавшего, все равно ничего не узнает и не предпримет. А теперь спроси, почему не узнает!

— Почему?

— Потому что республиканской прессе чаще всего не интересна история какой-нибудь тетеньки из-под Мозыря, права которой нарушил районный чиновник. А местная пресса, которая в основном государственная, никогда ничего подобного не опубликует. Негосударственная (местная) тоже подумает, надо ли ей из-за какой-то тети получать проблемы, а то и судебную тяжбу. Суд, конечно, будет проигран.

— А для чего еще?

Наш «кофейный» разговор не был рассчитан на избитую уже рубрику «За чашкой чего-то там вкусного». Он вообще не был рассчитан на публикацию. Мы действительно просто пили кофе на кухне. Я спрашивала исключительно по привычке, а Раиса отвечала, как всегда, обстоятельно. В какой-то момент Михайловская, уже по своей привычке все сохранять, включила в телефоне режим диктофона, сопроводив действие словами:

— Не для истории, а для себя запишу твои «претензии» как своеобразный толчок для будущего мозгового штурма с коллегами… А если отвечать на твой вопрос, то пресса мне нужна потому, что людям надо напоминать: мы готовы предавать гласности абсолютно все факты нарушений их прав. Мы создадим «наглядное пособие»: карту нарушений с фамилиями чиновников, госслужащих (если это подтверждено документально). А документы будут храниться в наших реестрах. Нарушений в стране так много, что у меня нет сомнений: карта Беларуси будет заполнена! Это очень важно для изменения психологии среднего белоруса. В основном наши люди сначала возмущаются, потом обижаются, а потом опускают руки. И почти всегда боятся связываться с чиновниками. Нужно все время им говорить: есть закон — сообщайте о его нарушениях, присылайте свои юридические документы!

— Зачем это нужно «среднему белорусу»? Ну, занесешь ты его случай в реестр…

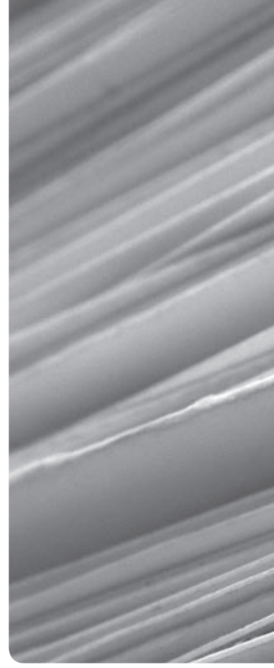
— Нужно для истории! И потом, чиновники действительно не боятся народа, но зато боятся начальства, а вместе они — боятся гласности. Почему на Западе госслужащие значительно реже идут против закона? Потому что там все попадает

— Когда речь заходит о таком экзотическом для нас понятии, как свобода совести на местном уровне, последствия пререкательств СМИ с властью действительно предсказуемы. Именно поэтому осуждать региональную независимую прессу в предусмотрительности бессмысленно — мы ее (эту независимую прессу) можем совсем потерять.

— А я и не осуждаю! И вообще говорю даже не о политических преследованиях, о которых писать небезопасно — особенно в канун выборов. Я про то, что в стране нарушаются права обычных граждан. По разным поводам. По бытовым. Это происходит всегда с уверенностью чиновника, что какая-то бумажка с его подписью заваляется у неграмотных в правовом отношении людей. Пресса не станет связываться. Моя задача убедить: если чин, нарушивший закон, будет знать, что документ с его подписью, фиксирующий его действие в отношении того или иного гражданина, будет опубликован, а факт будет занесен на карту нарушений и в реестр такого рода документов, он, может быть, подумает, прежде чем ставить свой автограф. Это не сразу случится — такая оглядка, — но я уверена, что все дело во времени. А если мы будем объединять факты, рассказывать истории (то есть ярче работать), до чиновников быстрее дойдет, что ставить подпись под каким-либо документом нужно, подумав: а не нарушаю ли я этим закон.

«Это важно для изменения психологии среднего белоруса»

— Так незаметно ты возьмешь на себя функции журналиста и, скорее всего, не справишься…

— Ничего подобного, я не буду брать на себя функции журналиста, но моя профессия действительно становится публичной. Защищать права граждан (данные им Конституцией и международными нормами) можно только публично. Без прессы нам будет сложно. Но, если мы возьмем хотя бы *ответственность за информацию* на себя, многое станет проще. В БДЦ работают очень грамотные юристы, и мы знаем, как подать текст в заметке, чтобы его нельзя было оспорить. Я сейчас очень много думаю над этим.

— Над тем, как заинтересовать или как обезопасить журналистов, решивших публиковать твои документы?

— Да, и над тем, как сделать из документов тему — столь же интересную, сколь и неоспоримую. Ведь даже если кто-то из репортеров напишет о том, что «вот появился в БДЦ документ», или: «Чиновник такой-то нарушил права женщины из-под Мозыря», — то кто это будет читать? Тут очень важны обобщения, параллели, тогда это тема для заметного разговора. Нужно искать новые жанры для подачи материала. Потому что, если уж закон нарушен самим государством, а правозащитники, как правило, сталкиваются с проблемами именно такого уровня, то единственный выход — не просто сказать «в вечность», а рассчитывать на резонанс.

«Мне передавали документы со словами: “Пусть у тебя будет, возьми на сохранение”»

— Может случиться, что народ кинется к тебе жаловаться. И начнут люди присылать свои рассказы-пересказы-обиды или даже кляузы.

— Нет, такого не случится. На сайте нужно заполнить «форму»: только документы о фактах нарушения прав человека. Права на труд, отдых, свободу совести и так далее — читай Декларацию прав человека. На сайте в открытом источнике появятся имена нарушителей Закона — в том числе судей, прокуроров, следователей (других должностных лиц, которые издавали какие-то незаконные приказы, распоряжения, возбуждали незаконные дела по политическим мотивам) — это уже шаг к изменению ситуации.

— Интересна твоя уверенность в том, будто эти государевы люди, которых ты перечислила, станут бояться. С какой стати они раньше не боялись?

— А-а-а, не скажи! Они боялись всегда, просто были уверены, что все останется в рамках кабинетов. Ну, покричит обиженный. Ну, напишет жалобу. Ему ответят по шаблону. Одна женщина мне рассказывала: когда ее мужа незаконно осудили, она стала ходить по инстанциям и не могла ничего добиться. И в одном серьезном кабинете довольно крупный госчиновник посоветовал ей обратиться… к правозащитникам, которые предадут факты публичности! Он так и сказал: «Я не могу этого сделать, а они могут!» Понимаешь? Он сам намекнул на то, чего боятся государевы люди.

И вообще, сейчас жизнь быстро меняется. Многое может другим боком повернуться. Уже сейчас можно напомнить Минюсту: в 2011 году лишили лицензии адвокатов, защищавших кандидатов в президенты и членов их команд. Вспомни мотивацию (все записано, документы лежат у меня): адвокаты **«защищали участников массовых беспорядков»**. Так и написано! И подписи стоят. Если мы посмотрим на дату, то увидим, что документ появился **до решения суда**! То есть само министерство юстиции, которое должно стоять насмерть, защищая закон, нарушает презумпцию невиновности и высказывает мнение об участниках акции **как о преступниках**! Второй момент: кем бы ни были клиенты адвокатов, они имеют право на защиту. Адвокаты **должны защищать всех**! Если никто не захочет их защищать, обязаны назначить! Защитники есть у убийц, педофилов и прочих ужасных преступников. Любой имеет право на адвоката. Но вот чудеса: оказывается, по мнению Минюста, тот, кого еще только подозревают в участии *в неких беспорядках*, защищаться не может! Адвокатам-то запрещено его защищать!.. Очень интересный документ для истории. Ведь с точки зрения ЗАКОНА, который Минюст защищает, — это нонсенс, шок! Нам нужна эта эмоциональная составляющая. Только когда мы будем потрясены, только тогда и сделаем выводы.

«Все нужно собирать вовремя, в режиме “онлайн”»

— А если шокировать каждый день не получится?

«Если сделать выводы, результат может повергнуть в шок»

— Да пусть хотя бы люди задумаются, уже хорошо. Вспомни документы об аресте Павличенко — шикарный материал! Ну как тут не задуматься о том, что закон писан не для всех. Постановление об аресте есть, об освобождении — нет. И человек до сих пор гуляет на свободе без справки об освобождении. Освободили — дайте справку. Иначе по закону он должен быть в розыске. Почему другие заключенные СИЗО не могут взять и просто пойти домой? Ну почему? Вот тема. Ищите комментарии, приводите примеры, и читатель будет, как минимум, удивлен! Я верю, что жанр документального расследования вернется, даст нам необходимую эмоциональную встряску и будет очень актуален. Документальное подтверждение участия должностных лиц в нарушении прав человека — вот наша цель.

С 1998 года я нахожусь в гуще событий. Мне приходилось общаться с политиками, с кандидатами в президенты. И очень часто мне передавали документы со словами: «Пусть у тебя будет...» Накопилось материала столько, что я сочла уже неуместным хранить все в мешках — если разобраться, там полно детективов! У меня первое образование математическое, я решила не просто все систематизировать, а подготовить некий алгоритм к использованию — для журналистов, для юристов и так далее.

«Документ сохранен — кое к кому придут и спросят»

— А юристам зачем?

— Для будущих процессов по реабилитации, возможно, люстрации, восстановления исторической справедливости. Мы уже создали базу данных «Помним»: очень много документов, но это закрытая база. На сайте будут в открытом доступе некоторые материалы, которые не представляют интереса в масштабах истории, но важны для конкретного человека при решении его собственного дела.

— Временные рамки для документов существуют?

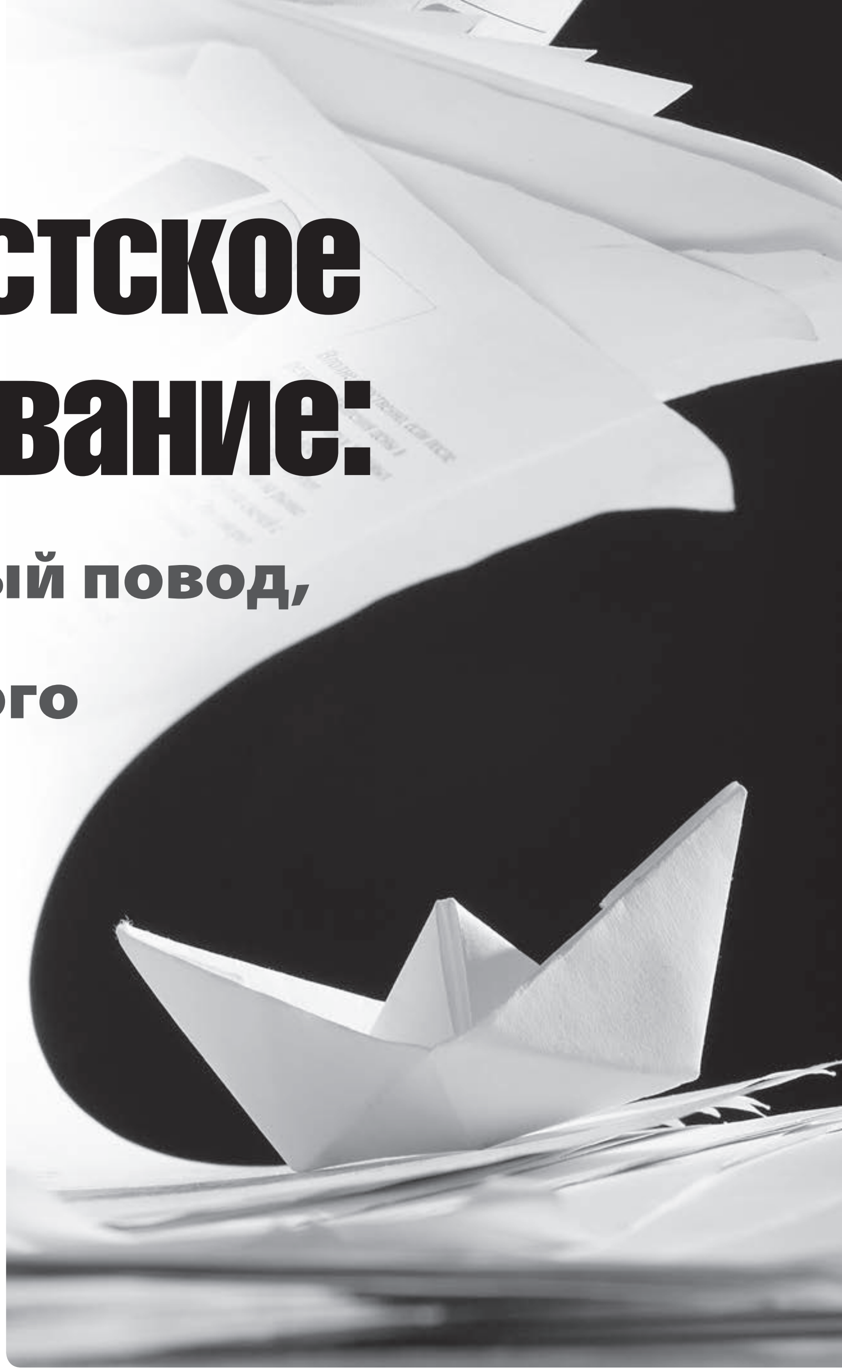
— Новейшая история, начиная с 1994 года.

— Это связано с началом президентского правления?

— Нет. Просто самые ранние реальные (документально подтвержденные) нарушения закона датируются у меня именно этим годом. И от этого года я решила отталкиваться. Мы знаем, как проходили процедуры люстрации при смене власти в странах бывшего соцблока: и в Польше, и в Германии, и в Украине, — документы уничтожались тоннами. К сожалению, так бывает при каждой смене власти. У нас на сайте этому посвящен отдельный раздел — люди должны знать, какие привычки у уходящих правителей. А человеческая память короткая, много форс-мажорных обстоятельств, люди умирают, свидетельские показания могут исчезнуть. Административные документы вообще хранятся только три года. Поэтому все важное нужно собирать вовремя, в режиме «онлайн», и потомки скажут нам спасибо. А сейчас по мере того, как мы разбираем свои мешки с документами, темы и жанры сами просятся на публичную площадку.

Журналистское расследование:

информационный повод, опасности информационного повода

С чего начинается журналистское расследование? Как и любой журналистский материал, оно начинается с информационного повода. То есть возникает событие, порождающее факт, который вызывает интерес, беспокойство, озабоченность, тревогу…

Анатолий ГУЛЯЕВ,
доцент ЕГУ

По этому поводу существует ряд формулировок, но в большинстве они сводятся к одному: «Информационный повод — это некое событие, которое может заинтересовать публику: постоянную аудиторию средства массовой информации; потенциальных слушателей, зрителей и читателей» (http:// artmodernmarketing.com/brend/informacionnyj-povod).

Применительно к журналистскому расследованию информационный повод чаще всего возникает в результате накопления событий и порожденных ими фактов, когда становится очевидным, что за ними не эпизод, а явление, имеющее общественную значимость, которое «…какие-то люди или организации хотели бы оставить в тайне».

Но чем характеризуется событие, порождающее интересующий нас факт? В разных источниках это трактуется по-разному. Вот один из вариантов, который объединяет большинство источников, — пять характеристик события, способного породить информационный повод:

— при прочих равных обстоятельствах предпочтительнее событие, касающееся элитных слоев общества;

— в событии должен быть главный положительный герой, позволяющий публике идентифицировать себя с ним;

— при прочих равных характеристиках предпочтительнее негативное событие;

— событие должно однозначно пониматься публикой. Сложные сюжеты воспринимаются с трудом;

— событие должно быть максимально согласованным с самыми упоминаемыми темами новостей (http://lektsii.net/2-51290.html).

Необходимо иметь в виду, что эти характеристики вовсе не обязательны и «работают» не всегда. В дальнейшем мы убедимся, что существует немало примеров, когда «разгребание грязи» не касается элитных слоев. А

положительного героя очень часто нет вовсе. И позитивное явление преобладает над негативным…

Но информационный повод присутствует всегда. В разных видах…

Виды информационных поводов

Деление на виды выглядит довольно просто. В самостоятельной трактовке автора это:

— публикации в СМИ и социальных сетях;

— документы властных структур;

— письма читателей;

— личные обращения граждан (в том числе родственников, друзей и знакомых);

— редакционные задания;

— пресс-конференции;

— накопление материалов на определенную тему, которое приводит вас к выводу, что тут есть повод для расследования;

— слухи.

Каждый из этих поводов «работает» часто — даже трудно определить, который чаще.

...Журналисты «The New York Herald» в 1836 году не были первыми, кто сообщил об убийстве 23-летней американской проститутки Элен Джудит. Но именно они обратили внимание на сообщения об этом событии и провели одно из первых в американской журналистике расследований.

О проникновении злоумышленников в штаб-квартиру демократов широкая общественность вначале не подозревала, но об этом рассказали репортеры «Washington Post». Карлу Бернстайну и Бобу Вудворду сообщил эту информацию некий влиятельный чиновник, которому дали клятвенное обещание ни при каких обстоятельствах не называть его имя. И слово сдержали.

Но именно Карл Бернстайн и Боб Вудворд поставили перед собой задачу донести до общества тщательно скрываемую Белым домом тайну о предвыборных махинациях. И сделали это...

Информационным поводом для расследования Николая Матуковского «Тень одной ошибки» стало решение суда, назвавшее истинных виновных в убийствах инспектора Мозырской межрайонной инспекции «Белрыбвода» С. Кузьменко и следователя Мозырской межрайонной прокуратуры В. Кузьменкова. Но журналист не стал, как оно часто бывает, просто пересказывать это решение. Он сумел понять, что здесь присутствует скрываемая правоохранительными органами тайна, и посчитал своим долгом ее раскрыть.

Так потом бывало очень часто: публикации коллег, на первый взгляд, ни о чем особом не говорившие, становились основой для громких материалов.

Автору, например, не раз приходилось обращать внимание на публикации в СМИ, которые выглядели безобидно, но за ними скрывались явления, которые (вернемся к формулировке) «…какие-то люди и организации хотели бы оставить в тайне».

Одна из таких публикаций в практике автора — заметка в становившейся все более популярной в свое время негосударственной «Новой газете Сморгони» (Гродненская область). В материале сообщалось об аресте местного фермера. Вина его, согласно заметке, заключалась в том, что он пытался дать правоохранителям взятку за возможность продать выращенную им же картошку покупателям из Азербайджана.

Невольно возник вопрос: почему для того, чтобы продать самостоятельно выращенную картошку, потребовалось еще и взятку давать? Появилась гипотеза, для начала очень примитивная, но зато очень уверенная: что-то здесь не так!

Пришлось поехать в район и встретиться с героем публикации (на тот момент его уже выпустили под подписку о невыезде, но, просидев 3 дня под стражей, он вышел совершенно поседевшим!), другими местными фермерами, следователями прокуратуры, руководителями исполкома… Всего около 40 источников информации. Все признавали: да, пытался дать взятку в сумме 200 долларов! Но зачем? Почему? Никто ответить не мог.

Ощущение тщательно скрываемой тайны только усиливалось, зато маловразумительная гипотеза начинала обретать вполне осязаемые черты. В ходе самостоятельного расследования (а только прямые контакты с источниками информации дают те неуловимые акценты, которые и ставят все на свои места) постепенно выяснялось: в районе началась борьба с коррупцией — в рамках всебелорусской кампании. Обязательно нужен был местный эпизод этой «борьбы» — весомый, грубый, зримый. Поэтому, когда герой публикации, которому срочно нужны были деньги на удобрения под весенний сев, продал прошлогоднюю картошку заезжим азербайджанцам, фуру задержали. Азербайджанцам, ребятам «крутым», но не знакомым с местным законодательством, объяснили, что и фура, и картошка могут быть конфискованы — приграничная территория. Те, решительные и злые, нашли героя публикации и посоветовали ему вызволить фуру и картошку, а иначе — у него есть жена и дочь, про которых не следует забывать. И которые могут сильно пострадать.

Герой публикации пошел в прокуратуру выяснять, в чем дело. А там ему намекнули на единственный путь к желаемому результату — материализовать просьбу в «условные единицы». Что простодушный фермер и сделал. Сходил домой и вернулся с упомянутыми двумя сотенными долларовыми бумажками. И был здесь же задержан.

Потом была публикация моего расследования в очень популярной тогда «Народной воле». Было недовольство действиями местных правоохранителей на самом верху белорусской властной вертикали: вы что, накануне выборов хотите настроить народ против власти? Был суд, на котором фермеру с учетом того, что попытка дать взятку все же была, определили полгода условно. А вообще-то «светило» много больше.

…Довольно часто поводом к расследованию становятся документы властных органов, иногда

опубликованные в СМИ, чьими учредителями они же и являются. Таким именно образом в 2007 году в газете «Пухавіцкія навіны» было опубликовано решение Пуховичского райисполкома Минской области о строительстве на территории района под Минском (сплошь чистейшие озера и красивейшие сосновые леса!) российского завода по производству ядохимикатов. Это решение вызвало протесты жителей поселков Дружный и Свислочь, которые, плюс ко всему, никак не могли добиться правдивой информации о возможном воздействии на окружающую среду. После публикации объемного расследования, состоявшего из нескольких частей, в газете «Товарищ», выходившей тогда тиражом около 70 000 экземпляров, многое стало известно.

Что-то в этом роде стало информационным поводом для журналистского расследования в Лиде, где властями было принято решение о строительстве завода по оцинкованию металла. Производственный процесс завода предусматривал использование около 200 тонн соляной кислоты в год. Расследование об уровне опасности предприятия было опубликовано в «Народной воле», после чего власти вынуждены были провести общественные слушания.

Накопление информации сработало в случае с публикацией очень интересного журналистского расследования о работе одного из вьетнамских кафе на минском рынке «Ждановичи» («“Комсомольская правда” в Беларуси», http://www.kp.by/daily/26213.7/3096936/). Автор — Ольга Декснис — регулярно слышала мнения друзей и знакомых о работе этих кафе. Мнения весьма противоречивые. И решила наконец выяснить все, устроившись туда на работу. Несколько ее публикаций о безобразиях этого «общепита» в «“Комсомольской правде” в Беларуси» вызвали большой общественный резонанс, а кафе потом было закрыто.

Существует множество примеров того, что информационным поводом для расследования становилось редакционное задание. И не только редакционное...

Перед студентами ЕГУ, изучающими курс «Журналистское расследование», всегда стоит задача: по итогам курса написать полноценное расследование — с конкретным конфликтом, тщательно скрываемой (или вовсе неизвестной) тайной, гипотезой, которая должна быть подтверждена или опровергнута... Герои (положительные и отрицательные) должны быть названы — как и точный адрес всего происходящего...

В результате получаются работы как более, так и менее интересные... Но третий курс 2014–2015 годов показал просто замечательные результаты! Лучшая работа — «Они бездумно шли на убой — или сопротивлялись?», которую написал студент-третьекурсник Виталий Багель — о бойцах сопротивления еврейского гетто в Вильнюсе. Ему удалось встретиться с живыми участниками тех событий. С теми, кто доставлял в гетто оружие и участвовал в боях на его территории. Он очень много работал с документами. Погруженность в события, трагические тайны тех времен, хорошие язык и стиль — в результате популярная версия о том, что евреи покорно шли на убой, рухнула.

...И, наконец, слухи: могут ли они быть информационным поводом? Не следует ли отметать их сразу, поскольку они всего лишь слухи?

…1986 год, весна. Настроение приподнятое, поскольку все ждут первомайских праздников. Правда, ходят какие-то разговоры об аварии на какой-то атомной станции. Никто в это особенно не верит, и праздники проходят, как обычно… А потом — как гром среди ясного неба: авария в Чернобыле! И началось…

Примеров, когда слухи уверенно превращаются в реальность, достаточно. Вот еще один: в Беларуси давно говорили о раздаче в Минске дорогостоящей земли приближенным к главе государства чиновникам. Журналист «Нашай нівы» провел расследование и опубликовал его: «Дразды № 2: поўны спіс чыноўнікаў, якім раздалі зямлі на $ 10 мільёнаў» (http://nn.by/?c=ar&i=129566). Слухи и в данном случае подтвердились.

То есть получается, что слухи могут быть реальным информационным поводом. Естественно, и относиться к ним нужно, как к любому другому нормальному информационному поводу: не доверять вслепую, проверять любыми возможными способами.

Опасности информационного повода

…Азбучная истина: всякая информация в журналистике нуждается в проверке. Событие, породившее информационный повод, — тем более.

Упомянутый выше фермер мог предложить взятку по какой-то иной, тоже не лежащей на поверхности, причине.

Считающиеся экологически вредными предприятия часто оказываются если не совсем безвредными, то и не такими, какими их рисует распаленное воображение обывателя.

Кафе на рынке «Ждановичи» могло оказаться образцом санитарии и гигиены и подвергаться нападкам со

стороны местных конкурентов из-за черной зависти к проворным вьетнамским коллегам.

Слухи о раздаче земли чиновникам могли оказаться стандартным «вбросом» оппозиции…

Все должно быть проверено.

Но существует и очень популярный метод создания нужных кому-то информационных поводов — презентации с фуршетами и раздачей сувениров. Тем более что фуршеты в таких случаях считаются законной «добычей» журналистов. И чем богаче фуршет, тем богаче добыча…

И тут уж — как будто — не о чем беспокоиться: официальное мероприятие, официальные лица, официальные заявления…

Но не только. За всем этим стоит еще одна простенькая истина: чем богаче фуршет, тем выше лояльность журналиста к его устроителям. Не все коллеги понимают (хотя многие и не хотят понимать), что за этим стоит продуманный кем-то расчет, который заключается в обмене лояльности изданий на «калории» фуршетов. А читательская аудитория превращается в заложника принудительного гостеприимства.

Не зря в этическом кодексе «New York Times» так и написано: «…*Сотрудники редакции не должны принимать подарки, билеты, скидки и т. д. от лиц или организаций, [деятельность] которых освещает «Times» или может освещать в ближайшем будущем*» (http://evartist.narod.ru/text6/082.htm). Журналисты этой газеты, как правило, не участвуют в фуршетах, рекламных поездках и пр. Мотив прост и достоин уважения: они не хотят зависеть от источника информации.

Газета «Washington Post» пошла еще дальше: она опубликовала меморандум, в котором провозгласила отказ от согласования текстов интервью с интервьюируемыми: «*Мы с тревогой отмечаем, что требования "согласования цитат", которые выдвигают ньюсмейкеры, зашли слишком далеко. Из-за существования этой практики возникает риск того, что у читателей создастся ошибочное впечатление, будто мы даем возможность нашим источникам информации получить чрезмерный контроль над содержанием наших материалов. В самых крайних формах это выражается во вмешательстве (в работу журналистов) пресс-атташе, ньюсмейкеров и других лиц, которое выходит далеко за пределы традиционных переговоров между корреспондентом и ньюсмейкером об условиях интервью*» (http://ria.ru/media/20120921/755579955.html).

Вслед за «Washington Post» и со ссылкой на нее примерно такой же меморандум опубликовала польская «Gazeta Wyborcha». Известный польский журналист Петр Найштуп в комментарии к нему написал: «*Я являюсь противником согласования текстов. Журналистская ответственность или существует — или ее нет. Нужно дать шанс журналистам нести ответственность за свои слова. Поэтому я сам не согласовываю свои тексты. Все очень просто: если мои слова будут серьезно отличаться от тех, что я прочитаю, то больше я с таким журналистом не разговариваю… Большие изменения означают, что кто-то считает мою работу несерьезной…*» (http://m.wyborcza.pl/wyborcza/1,105226,12531917,_apos__apos_New_York_Times_apos__apos__zakazuje_dziennikarzom.html).

Некоторые выводы:

— всякий информационный повод нуждается в тщательной проверке. Может оказаться, что событие, породившее его, существует только в чьем-то воображении. Или оно могло бы быть, но не состоялось. Или оно состоялось, но истолковано не так…;

— особенно тщательно следует проверять те информационные поводы, которые вам «подсовывают» на фуршетах, пресс-конференциях, в пресс-релизах. За этим могут стоять (и чаще всего стоят) групповые или коммерческие интересы;

— слухи — такой же информационный повод, как и все остальные. Работа с ними определяется теми же правилами.

Перспективность

Но даже когда мы убедились, что событие, породившее информационный повод, реально существует, нам нужно еще оценить его перспективность. Стоит ли этим заниматься? Насколько это серьезно? Имеет ли это общественное значение?

Хрестоматийным примером неправильной оценки резонансности события считается реакция американского телевидения на начало первой чеченской войны. Им показалось, что это всего лишь мелкая стычка. И незачем посылать так далеко съемочную группу… И не послали.

А потом, когда выяснилось, что это не эпизод, а настоящая война, приехавшие раньше коллеги уже завели контакты с российскими военными, чеченскими полевыми командирами… Они уже ориентировались в обстановке. А американцам пришлось все начинать с нуля.

Как видим, оценка перспективности темы — серьезный этап в самом начале работы по подготовке журналистского расследования. На решение (заниматься этой темой — не заниматься) может повлиять множество факторов. От общественного мнения по данному вопросу (евреи в гетто покорно шли на убой, и нечего тут расследовать…) до оценки специалистов (фермер пытался дать нашему следователю взятку в 200 долларов просто на всякий случай, и никто его не принуждал…).

Многолетняя практика автора подсказывает, что особенно осторожно нужно относиться к мнению специалистов. Здесь, как правило, силен фактор корпоративной солидарности, взаимной зависимости, подчиненности. То есть высок шанс получить недостоверную информацию под грифом достоверной или не получить ее вовсе.

Мы помним, как в расследовании «Тень одной ошибки» Николай Матуковский пытается выяснить

у самых высоких должностных лиц правоохранительной системы Беларуси, почему при расследовании убийств не были выполнены вполне очевидные действия. Почему резонные мнения отвергались? И ответа журналист не получает. «Сдавать своих» не принято нигде.

Очень часто говорят об интуиции журналиста, которая якобы помогает прийти к верному решению. Я не знаю, что такое интуиция. Но зато знаю, что такое личный опыт, самостоятельно накопленная информация, точная оценка качеств специалиста, к которому можно обратиться за экспертным мнением, — наверное, все это и порождает субстанцию, именуемую «интуицией». Именно это помогло Николаю Матуковскому принять правильное решение.

Подводя некоторые итоги, замечу: критерии оценки резонансности той или иной темы всегда размыты, всегда субъективны. Правда, автор популярного российского учебника «Журналистское расследование» Андрей Константинов предлагает несколько рекомендаций, которые позволяют все же придерживаться каких-то правил: «Оцените ту информацию, которая уже была опубликована на эту и подобные ей темы. Много ли ваших предшественников ходило схожими тропами?

Если вы беретесь за тему, на которую многие уже писали, ответьте себе на вопрос: сможете ли вы сказать что-то новое читателям?

Имейте в виду, что читателей, прежде всего, интересуют обстоятельства, которые могут коснуться их лично или близких им людей.

Обыватель любит истории из тайной жизни сильных мира сего» (Константинов А. Журналистское расследование. Москва: «Олма-пресс», 2001. С. 121).

Разработка темы и литературная отделка

На первом этапе существуют еще две проблемы, суть которых нужно уяснить с самого начала: разработка и литературная отделка.

Что касается основного принципа разработки как таковой, нужно помнить: очень важно показать читателю (слушателю, зрителю, посетителю сайта…) весь путь и механизм расследования, тем самым вовлекая читателя в исследовательский процесс.

…Журналисты «The New York Herald» рассказывают, как они беседуют с посетителями публичного дома, в котором работала 23-летняя Элен Джудит, и ее коллегами — такими же молодыми женщинами. И читатель оказывается в атмосфере тех лет…

Николай Матуковский демонстрирует весь путь своего расследования. Читатель незримо присутствует рядом, перелистывая вместе с автором протоколы судов, пробиваясь на прием к руководителям правоохранительной системы республики.

Читатель вместе с автором (Ольга Декснис) моет посуду во вьетнамском кафе в «Ждановичах»…

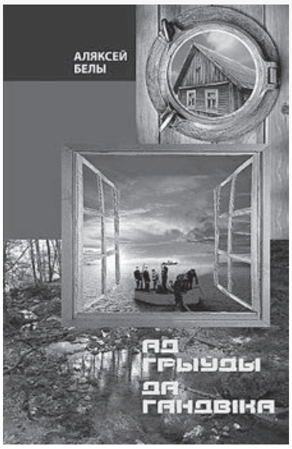
Такого рода «эффект присутствия» очень важен: читатель (зритель, слушатель…) должен увидеть весь объем проделанной журналистом работы, оценить полноту и достоверность собранного им фактического материала, весомость аргументации, справедливость заключений и на этой основе выработать собственную позицию, которая, если журналист успешно решил поставленные перед собой задачи, совпадет с выводами автора. Благодаря наглядности проведенного журналистом расследования, прозрачности механизма деятельности автора, очевидными становятся как сильные, так и слабые стороны публикации, выявляется ее эффективность.

Но если мы видим, что продемонстрировать все это будет невозможно в силу закрытости источников информации или даже отсутствия их, — лучше сразу отказаться от темы.

Еще один важный фактор, на который следует обратить внимание в самом начале: **наличие вымысла и домысла в расследовании**. Нужно воспринять как абсолютную истину: **расследование строится исключительно на документальной основе, исключительно на анализе фактов реальной действительности.** Всякого рода гиперболизация, условности, лирические отступления и прочие элементы художественности выходят за пределы этой системы. Их присутствие считается естественным в художественно-публицистических жанрах, где есть *место домыслу — догадке, основанной на предположениях, размышлениях. И вымыслу — плоду авторского воображения, фантазии*. Хотя особенно увлекаться фантазиями в любом жанре журналистики не следует. Но уж если автор журналистского расследования начинает оперировать предположениями, это всегда плохо кончается. В цивилизованном варианте — от возможности получить по физиономии до судебных исков. В нецивилизованном все может окончиться значительно хуже.

Примат факта над мнением — вот то, что характеризует расследовательскую журналистику. Социальная диагностика, осуществляемая расследователями, позволяет СМИ представлять картину социальной жизни многоаспектно, выявлять наиболее критические сферы и возбуждать общественное мнение, мобилизуя на решение самых острых проблем.

Там, дзе вытокі Грыўды, мы не зазналі крыўды

Пабачыла свет чарговая, сёмая, кніга журналіста і літаратара з Баранавіч, сябра Беларускай асацыяцыі журналістаў, Саюза беларускіх пісьменнікаў і Беларускага ПЭН-цэнтра Аляксея Белага. Называецца яна «Ад Грыўды да Гандвіка». Гэтым разам паэт-лірык напісаў прозу, дакладней, эсэ-ўспаміны.

У анатацыі да выдання чытаем: «Гэта не проста аўтабіяграфічны аповед аўтара пра дзяцінства і юнацтва. У сваім эсэ ён спрабуе паказаць час, у які давялося жыць яго блізкім і яму асабіста: сталіншчыну, гады кіравання Хрушчова, перыяд застою. Кніга апавядае пра тое, як няпроста — і разам з тым шчыра і адкрыта — жылі людзі ў тыя далёкія гады». Назву кніга атрымала ад наймення ракі дзяцінства Аляксея Белага Грыўды, якая працякае ў Івацэвіцкім раёне. А Гандвік — скандынаўская і паморская назва Белага мора, дзе аўтар пачынаў сваю працоўную біяграфію. Менавіта там у час плавальнае практыкі ён упершыню ўзышоў у 1970 годзе на борт парахода «Ерафей Хабараў» і рушыў у якасці рулявога ў Запаляр'е.

У кніжцы чатыры раздзелы: пра дзяцінства, навучанне і працу на Поўначы, службу за мяжой у войску і працу на рачным флоце, калі ў якасці памочніка капітана цеплахода дастаўляў жалезную руду з Чарнобыля ў Брэст. А яшчэ ў кнізе (160 старонак) шмат фотаздымкаў — блізкіх, сяброў, паплечнікаў.

Прапануем урыўкі з новай кнігі нашага калегі.

Дзяцінства незабыўная пара

Мы раслі ў сваіх вёсках,
бы на скрыжаванні вятроў,
І зайздросцілі птушкам,
што лёгка лунаюць над хатамі.
Мы здавалі бутэлькі,
але не здавалі сяброў —
І таму мы заўсёды
сябе пачуваем багатымі!

Навукоўцы мяркуюць, што чалавек памятае сябе з самага зачацця. Можа, у каго і так, але першае, што згадваецца мне з уласнага жыцця, — як насіў па надворку бутэлечку з соскай: маці, калі мне яшчэ не было і трох месяцаў, мусіла пайсці на працу, малако з грудзей прапала, і з таго часу бабуля карміла мяне з бутэлечкі. І калі я пачаў хадзіць, то бутэлечку, якую чамусьці называў какуляй, хаваў між камянёў, што ляжалі каля весніц, а потым прыходзіў да бабулі, разводзіў ручкамі і гаварыў: «Ма…» Гэта азначала, што бутэлечкі няма.

Быў пасляваенны час, краіна жыла цяжка. Але бацькі заўсёды знаходзілі грошы на цацкі дзецям. Аднойчы мне купілі вялікую пажарную машыну. Чырвоную, жалезную (тады яшчэ пластыкавых самаходаў не выраблялі). Але… Мне на той час вельмі хацелася мець патэфон (брат сябрука служыў у Нямеччыне звыштэрміновую і прывёз дадому такую рэч). Я ні да чаго лепшага не дадумаўся, як узяць малаток, залезці з машынкаю пад ложак і паадбіваць у ёй колы. Вядома ж, патэфона не атрымалася, а цацку бацька потым трошкі парамантаваў.

Бацька заўсёды купляў нам цукеркі, пячэнне, а калі шчасціла (завозілі ў краму рэдка) — то нават і апельсіны. Але здаралася, што ён, працуючы ў лесе,

Царква ў вёсцы Гошчава, у якой мяне хрысцілі

прыносіў дадому рэшткі ежы, якую браў з сабою. І нам вельмі падабаўся такі смачны «зайцаў хлеб».

У гады нашага дзяцінства прырода ў Беларусі была больш прыязнай да чалавека. Узімку не рэдкімі былі маразы пад сорак, часта гулі завірухі, а ў летнія дні шчыра грэла сонца і пасля захаду было цёпла да самай раніцы. Калі ж здараліся навальніцы, грымелі яны неяк больш уначы. У цьмяным святле газніцы бацькі будзілі нас, апраналі ў паліто, і так мы сядзелі, пад бляск маланак, пакуль залева не скончыцца. Бацька, у доўгім брызентавым плашчы, калі маланка зіхала блізка, выбягаў на вуліцу і глядзеў: ці не патрапіў нябесны агонь у пабудовы (былі выпадкі, калі маланка біла ў хаты, паліла хлявы). А навальнічная хмара магла хадзіць вакол вёскі ўсю ноч…

Мяне, маленькага, баба Ганна вадзіла ў Івацэвічы ў царкву. Пабудавана яна была ў вайну, у 1943 годзе, абразы для храма пісаў мясцовы мастак Васіль Кастусік. Памятаю ўбранне гэтае маленькае цэркаўкі, тое, як я сядзеў на драўляных прыступках, а над галавою вісеў невялікі звон (званіцы, як падаецца зараз, пры царкве не было). Хрысціцца ці біць паклоны баба Ганна мяне не прымушала. 11 верасня 1961 года царква загарэлася: некалькі маладзёнаў ускочылі ў храм і кінулі толавую шашку. Якраз у той час вайскоўцы, што служылі ў Івацэвічах, мыліся ў лазні, якая была побач з царквою. Яны і пачалі ратаваць убранне: вынеслі палову царскіх дзвярэй, некалькі абразоў. Пазней святым рэчам знайшлося месца ў новым храме, пабудаваным у райцэнтры. Літаральна праз некалькі дзён пасля пажару недалёка ад спаленай царквы адбылася аварыя, у якой і загінуў той мужчына, які кінуў шашку ў Божы храм. А неўзабаве пайшлі з жыцця і іншыя падпальшчыкі…

Не памятаю, каб мае цёткі хадзілі маліцца ў Івацэвічы. А вось у царкве ў роднай вёсцы Гошчава, збудаванай яшчэ ў XIX стагоддзі, яны бывалі часта. А мама і цётка Валя нейкі час нават спявалі ў царкоўным хоры. Дарэчы, у гошчаўскай царкве мяне па нараджэнні і хрысцілі.

У 1958-м мне споўнілася пяць гадоў. Я яшчэ не меў уласнага «Буквара», але ўжо складаў літары ў словы, таму што амаль кожны дзень прыходзіў у пачатковую школу, у якой ва ўсіх класах выкладаў былы партызан Сямён Іванавіч Купрэеў. Звычайна я з'яўляўся ў гадзін адзінаццаць-дванаццаць, калі Купрэеў у невялічкім пакойчыку займаўся адразу з двума класамі — трэцім і чацвёртым. Адны адказвалі вусна, другія выконвалі пісьмовае заданне. Малодшыя вучыліся ў другую змену, таму Сямён Іванавіч казаў: «Ідзі пагуляй, твае яшчэ не папрыходзілі». Я ішоў на вуліцу (побач са школай была брыгадная стайня, а ў ёй — дзясяткі з тры добрых коней), гойдаўся на жэрдках, якімі была агароджана сядзіба, і чакаў, калі прыйдуць вучні першага і другога класаў.

Хадзіў я ў дзяцінстве ў вельветавым касцюмчыку — куртачцы і кароткіх штоніках, на галаву часта надзяваў бесказырку. Тады гэта было модна, а надпісы на аколышы былі «Герой», «Марак», «Аўрора»… Пазней мне даспадобы прыйшліся цюбецейкі. Тады ў наш універмаг завозілі сапраўдныя, з Сярэдняй Азіі, прапагандавалася дружба народаў.

Школа была малакамплектнай, усяго вучняў дваццаць на чатыры класы. Купрэеў быў у ёй і настаўнікам, і дырэктарам. Школьны будынак некалі належаў пану Сіліцкаму. У 1939 годзе, калі прыйшлі саветы, пану давялося з'ехаць. Пасля яго засталіся досыць вялікі сад з яблынямі «белага наліву», калодзеж, цагляная стайня і будынак з дошак, паміж якімі былі засыпаны апілкі. Менавіта ў ім, у адной палове, размяшчаліся школа і маленькая бібліятэка, а ў другой жыла сям'я настаўніка — сам Сямён Іванавіч і яго другая жонка Марыя. Яго дзяцей мы там бачылі рэдка. А іх маці ў час вайны недзе пад Рагачовам забілі немцы за сувязь з партызанамі.

Марыю школьнікі называлі «цёцька». Яна гатавала дзецям чай, прыбірала пакой, завіхалася па гаспадарцы. За школай быў выкапаны глыбокі і доўгі роў (хутчэй за ўсё, гэта была траншэя з часоў вайны), і дзеці рабілі там раскопы, знаходзячы гільзы, патроны, а часам і іншыя надзвычай цікавыя рэчы. Ужо стала ходзячы ў школу (у журнал першага класа маё прозвішча запісалі, калі меў шэсць гадоў), я аднойчы знайшоў у выкапанай яме медныя рэшткі прыстасавання з надпісам «Компас капітана Адрыянава». Тады я падумаў, што гэта імянная рэч вайскоўца з такім прозвішчам, а не назва мадыфікацыі компаса.

Вучыцца ў школе мне было цікава. Праўда, з чыстапісаннем атрымлівалася не заўсёды, і мы з сябруком Толікам, схаваўшыся ў вялікай яміне недалёка ад хаты, выдзіралі са сшытка лісты з «адзінкамі». Пра гэта даведваўся спачатку настаўнік, потым бацькі. Вядома ж, нас каралі. Але з цягам часу ўсё наладзілася, я выбіўся ў выдатнікі, і калі настаўнік у сваім напаўваенным фрэнчы і такой жа зялёнай фуражцы выпраўляўся ў другую вёску ў сельсавет ці ў райцэнтр на нараду, ён звычайна гаварыў: «Застаешся за мяне», — што надавала мне вялікага гонару.

Парты ў пачатковай школе былі маленькія, вечка адчынялася, усярэдзіну клалася торба са школьнымі прыладамі. Зверху на гэтых партах былі зроблены выемкі пад дзве асадкі і чарніліцу. Аднойчы мой стрыечны брат Толік умудрыўся зрабіць нажом у вечку дзірку і забіў туды аловак. Потым яго доўга не пускалі ў школу.

Купрэеў выкладаў усе прадметы, у тым ліку вёў урокі спеваў і малявання. Яго ўласныя дзеці тады ўжо вылецелі з бацькоўскага гнязда. Сын Мікола скончыў інстытут, пісаў добрыя вершы, і бацька вельмі ганарыўся ім. На

ўроках Сямён Іванавіч даваў вучням дзіцячыя Колевы малюнкі, каб яны рабілі з іх копіі. Адзін з тых малюнкаў меў назву «Апошні». Сюжэт быў такі: на палубе карабля стаіць паранены матрос, у цяльняшцы, з кінжалам у руцэ. Малюнак быў зроблены каляровымі алоўкамі на звычайным альбомным аркушы, і зроблены па-дзіцячы, але нам падабаўся.

У 1967 годзе сын нашага настаўніка выдаў сваю першую кніжку вершаў «Непазбежнасць». У тыя часы я не настолькі цікавіўся паэзіяй, каб пра гэта ведаць. Але значна пазней у кнігарні мястэчка Сноў, што ў Нясвіжскім раёне, мне трапіў на вочы гэты зборнік, і я набыў яго. Здаецца, там заставаўся яшчэ адзін асобнік, і я да гэтага часу вельмі шкадую, што яго не забраў… А гісторыя набытай мною кнігі ўвогуле заслугоўвае асобнай увагі. Аднойчы ў Брэсце на адной з літаратурных сустрэч я падышоў да Міколы Купрэева і папрасіў, каб ён падпісаў мне гэты зборнік. «Дзе ты яго выпараў?» — здзівіўся Мікола. А напісаў ён наступнае: «Дарагі зямляча Алёша Белы! Дзякуй, што ты расцеш, робіш добрую справу. Верыцца вельмі ў цябе! Мікола Купрэеў. 1 красавіка 1986 г., г. Брэст». Прайшлі гады. Мікола на той час працаваў настаўнікам у Малькавіцкай школе на Ганцаўшчыне,

Міхнавіцкая пачатковая школа, вясна 1962 г.
У цэнтры Сямён Іванавіч Купрэеў і яго жонка Марыя

мы час ад часу бачыліся з ім у Баранавічах. А аднойчы я атрымаў ліст, у якім Мікола прасіў даслаць яму гэтую, некалі падпісаную мне, кніжку. «Ніхто тут не верыць, што ў мяне выходзіў зборнік вершаў», — пісаў ён. Я паслаў Купрэеву яго зборнік. Пасля кніга «знайшлася» ў паэта і журналіста Міколы Антаноўскага ў Пружанах. Там Мікола Купрэеў дажываў свой век. А паміраў ён у вёсцы Лясная, у доме для састарэлых і інвалідаў… Я не стаў пераконваць Антаноўскага, каб вярнуў мне кніжку, папрасіў толькі зрабіць яе копію. Варта дадаць, што ў васьмідзясятыя, а можа, і раней у Купрэева-старэйшага стасункі з сынам разладзіліся. Мікола, як асоба творчая, шукаў сябе ў жыцці: мяняў працу, месцы жыхарства; не складвалася з сям'ёй. І бацька, камуніст старога гарту, які ў той час ужо жыў у добрым цагляным доме, перастаў пускаць сына на парог. І нават пахаваны Купрэевы на міхнавіцкіх кладах у розных месцах: Мікола пры ўваходзе на могілкі, а бацька з мачыхай — далей, у глыбіні.

Вяртаючыся да маіх школьных гадоў, скажу, што яны ляцелі хутка. Акцябрацкія зорачкі, выразаныя з кардону і абцягнутыя паркалем, потым піянерскія гальштукі… Вучыліся ўсе нядрэнна, бо класы былі малыя і амаль штодня кожны бываў апытаны. Бацька заахвочваў маю стараннасць і гаварыў: «Вучыся, сынок, навуку за плячамі не насіць!»

Марскім вузлом завязаныя лёсы

Мы ведаем пра галс і кантрафорс,
І што марскую службу несці цяжка,
Таму і гонар ёсць у нас, і форс,
Ёсць гюйс, суконка, мічманка, цяльняшка!

І вось надышоў дзень (дакладней — ноч) з 12 на 13 мая 1970 года. Першы выхад у мора! Нам было даручана правесці караван суднаў з Беламорска да Кандалакшы. На моры яшчэ шмат дзе было некранутае ледзяное поле, месцамі таросы. Ледзяны ўскраек (па-беларуску гучыць вельмі лагодна, а насамрэч даволі пагрозлівае відовішча) у былыя часы зверабоі называлі «рычара». І калі падыходзіш да такой суцэльнай халоднай лавы, робіцца не па сабе — не кожную з іх ёсць магчымасць абысці, а прайсці трэба. Месцамі ўвогуле трапляліся таросы. Калі «Хабараў» уразаўся ў лёд (канструкцыя не прадугледжвала працу ледакола, які ўскараскваецца на лёд і душыць яго), у каютах і кают-кампаніі, што знаходзілася ў носе судна, стаяў страшэнны грукат. Яшчэ больш грымела, калі льдзіны траплялі пад вінт. Бывала, што даводзілася спыняцца. І тады была магчымасць з носа парахода ступіць на лёд і рушыць па ім да бліжэйшай выспы… Там бачылі лісу, застрэлілі цюленя.

І ўсё ж наш караван зацерла льдамі. Цікава было назіраць ноччу, як цеплаходы, раскіданыя па моры, ззялі ў змроку сваімі хадавымі агнямі. Зрэшты, гэта былі ўжо і не ночы, дакладней, белыя ночы. На Поўначы яны пачынаюцца раней, чым у Піцеры. Па рацыі звязаліся з ледаколам «Прончышчаў», які выйшаў з Архангельска. Ён прыйшоў і лёгка зрабіў праход у таросах. За ім і «хабараўцы» ішлі героямі, а за «Хабаравым» — увесь караван…

Гэтая практыка была цікавай і павучальнай. Кожны ранак уздымалі на кармавым флагштоку чырвоны сцяг. Увечары яго спускалі. Прычым нават тады, калі фактычна ні вечара, ні ночы не было. Сноўдаліся ў асноўным па Белым моры: Кандалакша, Умба, Анега, Чупа, Коўда, Салаўкі… У скандынаўскай міфалогіі Белае мора мае назву Гандвік (так называлі яго і паморы). Шмат чаго даведаліся пра жыццё ў рыбацкіх пасёлках, увогуле пра быт памораў. Неяк так атрымлівалася, што ў Умбе маладыя маракі з «Хабарава» хадзілі на піва. Часамі ў нас была пад яго нядрэнная рыба: сухі марскі акунь ці тлусты ёрш. Некаторыя з хлопцаў, узяўшы куфаль, ляскалі велізарнай рыбінай па мармуровай накрыўцы высокага стала ў бары,

адбіваючы скуру ад мясістае часткі. Гэта быў вышэйшы шык «півапіцця». Калі рыбы не было, на рабрынку куфля проста клалі трошачкі солі і пілі так. Здаралася, да нас падыходзілі маладыя «бічоўкі» — мясцовыя дзяўчаты, якія прасілі набыць ці дапіць за намі піва. У шалманах, якія мы наведвалі, такіх кабет было шмат… Некаторыя пілі «ярша». Яны прыходзілі ў «завядзенне», прыхапіўшы з сабою «мярзаўчык» — чакушку гарэлкі — і ўлівалі яе ў піва. Кажуць, пасля гэтага моцна балела галава, але «па мазгах» біла добра…

У час практыкі я тры разы заходзіў за штурвалам на Вялікі Салавецкі востраў. У першы раз на судне быў і капітан-настаўнік. Яны добра напіліся з капітанам «Хабарава» і спрабавалі адразу ўдвух камандаваць рулявым. Я, хоць і ведаў, што трэба падпарадкоўвацца выключна капітану, чакаў, пакуль начальства прыйдзе да кансенсусу. А між тым быў адліў, агаляліся камяні, і заходзіць у бухту было вельмі рызыкоўна.

Першы курс вучылішча, 1969 г.

На Салаўках мы з сябруком вырашылі выкупацца ў Святым возеры. На ім ёсць невялікая выспа, і мы рушылі туды. Трохі глынуўшы вады, я напалохаўся. Але ўзяў сябе ў рукі, паляжаў на спіне — і паплыў далей. На востраве адпачылі, паваляліся на пяску і паплылі назад. Пасядзелі на лаўцы, каб трошкі абсохнуць. Нейкія турысты нават прынялі нас за мясцовых і пачалі пытацца дарогі…

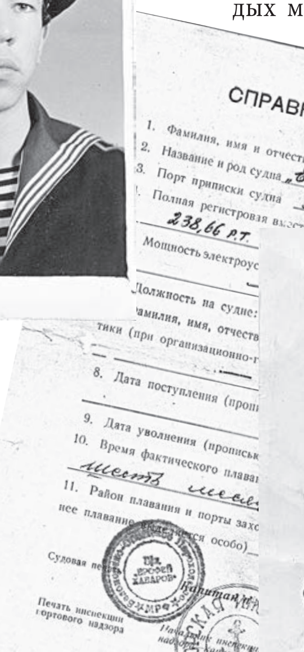
Да прызначанага часу на борт не з'явілася сем чалавек. Капітан чакаць не стаў, аддалі канцы і выйшлі ў мора. Гэтыя хлопцы потым «лавілі» свой выратавальнік больш за тыдзень, бо кірунак рэйсаў мяняўся. А я ўсе гэтыя дні стаяў на вахце каля штурвала па 12–16 гадзін у суткі. Так здаралася і пазней, увосень, калі пачаліся штормы. Некаторыя з рулявых не маглі несці службу, іх укалыхвала, і я спраўна выконваў іх абавязкі. Здаралася, адпачываў проста ў рубцы, на падлозе, падаслаўшы кажух. Есці амаль не хацелася, кают-кампанія знаходзілася ў носе карабля, там кілявая гайданка адчувалася найбольш моцна, і сесці за стол, каб падсілкавацца, мог не кожны. Часам я браў сухары і салёную (сырую) траску, і гэта складала мой рацыён.

А штормы ўвосень былі цяжкія: на палубу не выйсці, усю хадавую рубку накрывала хвалямі. Мора нібыта кіпела. Калі яно супакойвалася, мы бралі брытвачкі і здзіралі з вонкавага боку шкла рубкі соль. Хаця больш назаляў экіпажу так званы мёртвы зыб. Гэта калі шторм ужо заціхае, няма на хвалях нават белых баранчыкаў, але калыша так павольна і нудна, што нельга вытрываць.

Вельмі рызыкоўна было заходзіць у штармавое надвор'е ў порт, няпроста прытрымлівацца фарватару, трымаць карабель «у створы». У такія гадзіны рулявому хапала мацюкоў ад капітана. Сышоўшы на бераг, маракі яшчэ доўга хадзілі, шырока расстаўляючы ногі, нібыта гойдала і на беразе…

У ялавых ботах далёка ад роднае хаты
Ніякі нам не запярэчыць гад,
Калі дадаць да ботаў і пагонаў
АКМС — цудоўны агрэгат,
А да яго яшчэ і цынк патронаў…

На вучэбны пункт сталі прыходзіць «дзяды», старазлужачыя, тыя, хто называў сябе «жалезнымі дзядамі ПГВ» (Паўднёвай групы войск). Былі сярод іх добрыя хлопцы, якія шукалі землякоў, каб распытаць, што там дома, як жыццё. А былі такія (звычайна — не абцяжараны інтэлектам кантынгент), хто выцыганьваў у маладых мыльніцу, футляр пад зубную шчотку, а то і самую шчотку, калі яна была яму патрэбнай «на дзямобу» (у Венгрыі не казалі «дзембель», а менавіта «дзямоба»).

На бязлюдным востраве з членамі экіпажа «Ерафея Хабарава», 1970 г.

Хлопцы аддавалі такія рэчы нахабным яфрэйтарам, былым трактарыстам. Дарэчы, гэта былі тыя «дзяды», якія сыходзілі ў запас яшчэ ў фрэнчах пакрою ваеннай пары, «пад горла». У сяржантаў на пятліцах былі галуны, форму насілі толькі з ботамі. Многія на дзембель даставалі сабе і хромавыя, афіцэрскія, а паўшарсцяную штодзённую форму ўзімку насілі за мяжой усе, у тым ліку і салдаты. Увогуле падрыхтоўка да «дзямобы» пачыналася з таго часу, як сыходзілі папярэднія «дзяды». Падганялася форма, боты не толькі ваксавалі, а і гладзілі прасам, лычкі абцягвалі чырвонымі галуннымі ніткамі… А самымі галоўнымі былі, бадай, дзембельскія значкі і альбом. Значкі падбіраліся новыя, не пашкрабаныя, да савецкіх дадаваліся і мадзьярскія (у венграў было вельмі шмат адзнак вайсковага гонару). Былі і самаробныя адзнакі і накладкі, напрыклад, пад камсамольскі значок. Альбом — асобная тэма. Ён рабіўся з малюнкамі,

афармлялі яго «спецыяльна абучаныя людзі», многія літары выразаліся нават з каляровага металу.

«Дзяды» набывалі ў Венгрыі рэчы, пра якія ў Саюзе нават не чулі. Гэта датычыла вопраткі, сувеніраў. Ад «салагаў» патрабавалі здаваць «дзядам» частку салдацкай палучкі, якая ў радавога была 42 форынты (кошт бутэлькі гарэлкі). Звычайна ўсе пагаджаліся з гэтымі паборамі. А яшчэ вайскоўцам за мяжой выдавалі штомесяц па 18 пачкаў цыгарэт і два карабкі запалак. Гэта былі «Охотничьи», «Северные», «Гуцульские», па 6 капеек за пачак. Хто не курыў, атрымліваў дадаткова 700 грамаў цукру. Да салагаў ён не даходзіў — бралі цыгарэтамі і аддавалі старaслужачым. Дарэчы, тых, хто адслужыў год, называлі «фазанамі» (у Венгрыі вельмі шмат такіх птушак, і афіцэры Савецкай Арміі часта на іх палявалі, між іншым, як і на зайцоў).

З вучэбнага пункта мяне накіравалі ў баявое падраздзяленне — радыёрэлейную роту — і я пачаў асвойваць прафесію рэлейнага механіка. Разам з тым займаліся агнявой падрыхтоўкай, фізо, палітпадрыхтоўкай, хадзілі ў каравул, у нарад на кухню ці на КПП. Часта роту выводзілі «на дамбу», асабліва калі хто меў правіну (п'янка, самаволка і г. д.). У Венгрыі такіх гідраўмацаванняў шмат, па іх пракладзены грунтовыя дарогі, і гэта цудоўнае месца для правядзення кросаў і марш-кідкоў. Звычайна ў такія дні роту падымалі ў чатыры раніцы і пад кіраўніцтвам каго-небудзь з афіцэраў вялі на дамбу. Марш-кідок — гэта шэсць кіламетраў з поўнай выкладкай: заплечнік з усім неабходным салдату, хімкамплект, аўтамат… Даводзілася і раку Цісу, якая там працякае, пераплываць. Ротны даваў каманду: «Лейтэнант Данілаў, наперад, астатнія за ім!» — і ўсе кідаліся ў раку. Была спадзяванка, што пасля гэтага дадуць абсохнуць і адпачыць, але… дазвалялася толькі выкруціць і пераматаць анучы, пасля ішла каманда: «Атам!» А ў процівагазе і хімкамплекце пры тэмпературы 30–35 градусаў цяпла вопратка высыхала хутка, і з ботаў вылівалі ўжо не ваду, а пот. У той час у камандзіраў пры стасунках з падначаленымі быў дэвіз: «Рабі, як я!» Праз два-тры дзесяцігоддзі некаторыя афіцэры і прапаршчыкі сталі кіравацца іншым прынцыпам: «Рабі, як я сказаў…» Гэта пачало псаваць як армію ў цэлым, так і ўзаемадачыненні ў асобных падраздзяленнях.

У аўдыторыі па навігацыі, пасёлак Піндушы, 1971 г.

Бегалі мы і кросы. Гэтыя тры кіламетры даваліся няпроста. Аднойчы нам сказалі, што можна бегчы і басанож… але боты павінны быць з сабою. Некалькі чалавек, у тым ліку і я, скінулі ялавікі, запхнулі іх ззаду пад скураныя рамяні і рванулі! Як лёгка было бегчы па гэтай угорскай дамбе! Але праз кіламетр боты, падавалася, важылі ўжо кілаграмаў па дзесяць, а пад канец маршруту сталі яшчэ цяжэйшымі. Больш мы ў такіх эксперыментах не ўдзельнічалі, бегалі як трэба, абутымі.

Над Прыпяццю — птушкі і вецер

Тут няма цяпер чыстай зямлі,
Хоць ізноў гэта поле засеялі…
І кудысьці сябры адплылі…
Не патрапяць больш іх караблі
У затокі з лілеямі.

У Чарнобылі няма ніякіх шахтаў. Праўда, недалёка, кіламетраў за дваццаць ад гэтага ўкраінскага райцэнтра, — горад Прыпяць, дзе ёсць атамная электрастанцыя. Яе добра відаць з ракі, калі ідзеш пад загрузку. Чарнобыль — звычайны савецкі гарадок з помнікам Леніна на плошчы, універмагам, прыгожай царкаўкай на гары над ракой, кафэшкай недалёка ад гэтага месца. Тут нязвыклыя надпісы на ўстановах: «Ідальня», «Перукарня»... Вясною гэты 17-тысячны гарадок тоне ў белым кіпені яблынь і вішань. Руду ў Чарнобыль дастаўляюць з Запарожжа ўкраінскімі цеплаходамі праекта «Вялікая Мядзведзіца», а там перагружаюць на рэйдзе на беларускі флот. Ва Украіне трошкі адрозніваюцца ад нашых правілы суднаходства, там яшчэ сустрэнеш пасажырскія цеплаходы з пліцамі, як у кіно…

На беразе Грыўды, 1976 г.

Прыпяць, горад атамшчыкаў, прынцыпова адрознівaецца ад райцэнтра. Гэта шматпавярхоўкі ў лесе, поўная інфраструктура, побач — рака. І насельніцтва тут больш, чым у райцэнтры. Затое ў Пінску, дзе я прапісаўся, вельмі шмат дзяўчат з камбіната верхняга трыкатажу! А яшчэ там база ваенных маракоў, вучэбка. Ёсць сапраўдны контр-адмірал і адміральскі кацер. Па рацэ ўздоўж набярэжнай, кафэшкі-паплаўка, бронекацера ваеннай пары на пастаменце ў парку ходзяць на ялах ваенныя маракі, курсанты вучэбкі — трэніруюцца, спаборнічаюць… Ёсць тут і клуб ваенмораў, куды завітваюць на танцы дзяўчаты. Гэты цэнтр адпачынку мясцовыя называюць «апошнія надзеі».

Нам не да клубаў: прыйшоў з рэйса, стаў пад разгрузку, сочыш, каб раўнамерна адгружалася руда, бо

можа пераламацца РС, каб у цыстэрны закачваўся баласт. Кок з кімсьці з экіпажа ідзе ў плаўмагазін за харчамі на наступны рэйс, капітан збегае на пару гадзін да жонкі… Пасля — запраўка, і зноў у рэйс. І так усю навігацыю, з сакавіка па лістапад.

Рака — не акіян. Не той узровень. Але на рацэ ёсць свае перавагі. Найперш — відаць прыгажосць нашае зямлі. Ідучы па Прыпяці, ты ўвесь час зліты з прыродай. Па берагах — цікавыя палескія вёскі з дамамі, крытымі жалезам, цудоўныя дубровы, у старых рэчышчах — гарлачыкі, лілеі. Калі вясною Прыпяць разліваецца, — гэта мора. Уначы прамень пражэктара не дасягае берагоў, вельмі лёгка сысці з фарватару і вылецець на пойму. Калі вада ідзе на спад, вялікая рызыка пад ранак увогуле апынуцца на беразе. Тады давядзецца выклікаць земснарад і буксір і рабіць рэчышча да фарватару. На поймах рэк улетку велізарная колькасць самых экзатычных птушак, якія тут гняздуюцца і выводзяць сваіх дзетак. Уніз па Прыпяці маленькія буксірчыкі цягнуць плыты. Зрэшты, цягнуць — моцна сказана. Плыт, бярвенні ў якім звязаныя таўшчэзным дротам, даўжынёй метраў з пяцьдзясят, а то і болей, ідзе самасплавам, а буксірчыкі толькі «заносяць» яго хвост на паваротах. На бярвеннях будан і плытагоны. Але яны больш назіраюць за працэсам, чым удзельнічаюць у ім. Гэта не тыя хвацкія хлопцы з Карпат, якія ганялі плыты па горных бурлівых рэках Чорным Чарамошы ці Пруту, пераадольваючы перакаты і парогі. Калі тыя заходзілі ў карчму, усе ўставалі — такая была рызыкоўная прафесія ў плытагонаў. А хто не ўставаў — атрымліваў у рыла.

Затое мы рызыкуем, калі плот абганяем, таму што рухаецца ён павольна, а крутых паваротаў на рацэ шмат. Дарэчы, і мы супраць цячэння ідзём вельмі марудна — 5–6 кіламетраў у гадзіну. Але калі пры вазе грузу ў 1500 тон адзін з рудавозаў, якія вядзе буксір, натыкаецца падваротам ці дном на камень, то прабоіна ёсць заўсёды. І добра, калі невялікая і не трэба «выкідвацца» на касу, туды, дзе плытка, каб баржа не затанула, бо дастаць яе практычна немагчыма. Затое трэба лезці ў трум, браць з сабой дошкі, пакулле, салідол, кувалду, сякеру і ставіць трэмпель, затыкаючы дзірку пакуллем з салідолам і распіраючы дошкамі. Пры такім грузе і напоры вады гэта вельмі няпроста. А вада між тым шуміць, прыбывае, у труме толькі ліхтарык… Калі прабоіна вялікая, звонку заводзіцца пластыр са старога ватняга матраса. Гэта таксама няпроста. Здараецца, што прабоіна вельмі вялікая і ніякі пластыр ўратаваць не можа. Былі выпадкі, калі рудавозы навечна заставаліся ў рацэ, а земснарадам прабіваўся іншы судавы ход.

На пінскім рэйдзе

Першае месца працы ў Пінску — РС-06, 1973 г.

Аднойчы на невялікім цеплаходзе, на якім я працаваў, пацякла паліўная цыстэрна — танк. Нас паднялі на стапелі, паглядзелі і зрабілі выснову: трэба зліваць салярку, зачышчаць танк, прапарваць і пасля варыць. Гэта выклікала праблемы ў выкананні плана, экіпаж шмат губляў у заробках. І мы вырашылі зрабіць інакш… Злілі салярку, нанялі самага лепшага зваршчыка, які неаднаразова выходзіў пераможцам у конкурсах прафесійнага майстэрства, я набраў вядро пяску і спусціўся ў цыстэрну… Было відаць, як кладзецца шоў, як чырванее метал. Я сядзеў на кукішках на шпангоўтах, пада мною было сантыметраў дваццаць саляркі, якая, як потым гаварылі, капала на твар «зварному». Калі б цыстэрна была поўнай, рызыка выбуху была б меншай, а так пары маглі і грымнуць. Але — абышлося. За сваю высакаякасную працу зваршчык атрымаў скрыню (20 бутэлек) «чарніла». А мы пад вечар выйшлі ў рэйс. Праўда, прайшлі няшмат, спыніліся каля хаткі бакеншчыка і пачалі «здымаць стрэс».

…Праз дзевяць гадоў пасля развітання з флоцкім жыццём, у Прыпяці, невялічкім украінскім горадзе ядзершчыкаў, ірване рэактар. У гэтым полымі загінуць многія мае сябры-воднікі, таму што іх да апошняга будуць ганяць у нежывы ўжо Чарнобыль. Некаторыя з іх, атрымаўшы вялікія дозы радыяцыі, памруць у пакутах. А яшчэ праз некалькі гадоў з’явіцца магчымасць з’ездзіць у Хойнікі, Брагін, Нароўлю, Славуціч, у зону адсялення «ў творчыя камандзіроўкі», напісаць, як пакутуюць там людзі, што засталося ад некалі прыгожых вёсак і цудоўных лясных прыстаняў. Гэта будзе ўжо іншая краіна, іншая зямля.

И прокладывал курс, и стоял у руля,
И в руке не дрожало весло.
И не видел, как крысы бегут с корабля.
Повезло.

ООН проводит конкурс для журналистов

Журналисты всего мира, освещающие деятельность ООН и ее подразделений, приглашаются к участию в этом конкурсе.

Ассоциация корреспондентов при Организации Объединенных Наций (UNCA) принимает на конкурс материалы в четырех категориях: печатные и онлайновые публикации, радио и телевидение; изменение климата, гуманитарная деятельность и развитие.

Работы могут быть представлены на любом из официальных языков ООН (английском, французском, арабском, китайском, испанском и русском). Материалы, представленные на других языках, должны сопровождаться переводом на английский или французский языки.

Призовой фонд конкурса составляет более 60 000 долларов США. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун вручит призы на церемонии награждения, которая пройдет 14 декабря в Нью-Йорке.

Работы на конкурс принимаются до 15 сентября.

Дополнительную информацию можно получить по ссылке: http://unca.com/2015-unca-awards-call-for-submissions/

WHITECHAPEL
BELL
FOUNDRY